№ 7
2011

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), Б. М. КАНАПЬЯНОВ (г. Алматы), Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ, (г. Астана), А. Ю. КУРЛЕНЯ (г. Петропавловск), Р. Ю. МАХАТАДЗЕ (г. Караганда), Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), В. И. РЫЖКОВ (г. Караганда), Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), А. Ю. ТАРАКОВ (г. Астана), И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), А. М. ШМИДТ (г. Алматы).

В номере:

Проза

Н. Махамбетов. Уметь прощать. *Повесть (продолжение)* **3**
В. Румянцев. Пять рассказов **28**

Поэзия

Т. Окольничья. «И приходит озаренье...». *Стихи* **19**
А. Матвеев. «Да будет благодатен этот мир!..». *Стихи* **52**
В. Чембарцева. «А степь уже мечтает о восходе...». *Стихи* **90**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга третья (продолжение) **62**

© «Нива», 2011, Астана

Публицистика
М.Гольдберг. Вкус черешни мелитопольской **98**

Культура. Общество. Личность
С. Беккулова. Диагноз: настоящий мужчина **103**

История без купюр
Г. Бельгер. Бремя познания **107**

Летопись Евразии
Г. Кудайбергенов. Наш адрес: ни дом и ни улица
(продолженние) **116**

Искусство
Л. Мартынова. Воспевая родину предков **124**

Параллели и меридианы
А. Егоров. Письма из Греции **127**

Из почты «Нивы»
А. Элькинд. Родина — это и есть судьба **140**

На житейских перекрёстках
Ж. Абсолямова. Наша улица в три дома;
Когда наступает суббота...; «Бродяга» того стоил! **142**

Природа и мы
Б. Ахмедиев. Собаки и люди *(Биги; Жанна и Николай)* **147**

Приключения. Детектив. Фантастика
В. Третьяков. Возвращение на Обитаемый остров.
Повесть (окончание) **172**

Изоальбом «Нивы»: *из работ Кайсана Кадырбекова.*

Нурлан МАХАМБЕТОВ

Уметь прощать

Повесть

(Продолжение. Начало в №№ 5, 6 за 2011 год)

Стемнело, за окнами в чернеющем небе показалась мелкая россыпь звёзд. Тусклый свет казарменного освещения нагонял тоску и грусть. Бек, глядя на окно, подумал о том, что теперь ночью никто не открывает форточку. Любитель закаливания, старшина Киллас, уволился, на прощание подарив ему свой новый "танкач" — ватную куртку и штаны. С улицы донеслись глухие удары барабана — сигнал построения на ужин. Раздался голос дежурного: "Третий дивизион! Строиться на ужин!". Выскочили в морозную темноту. Дежурил лейтенант Давыдов — краснощёкий здоровяк с детским лицом и пухлыми губами, недавно пришедший из училища. Весёлого нрава, он просто держался с солдатами, которых был ненамного старше. Дежурным по бригаде оказался какой-то незнакомый майор, который, построив личный состав и приняв рапорты, не спешил уходить. Он наблюдал за тем, как солдаты с песней маршируют по плацу. Обязательным условием для нормальной работы пищеварительного тракта солдата было до приёма пищи пройти вокруг плаца с песней. Девиз "С песней по жизни" был актуален при любых мероприятиях, будь то вечерняя поверка или поход в клуб для очередного просмотра любимой киноленты — "Ленин в Октябре". Вечером, перед сном, все дружно пели гимн СССР...

Шли уже третий круг, дивизион "молчал", ввиду того что пришло свежее молодое пополнение. Бойцы-"запевалы" резко "состарились" и переложили свои функции на вновь прибывших. Те в свою очередь, ссылаясь на то, что ещё толком не запомнили слова, отказывались петь. Если бы не дежурный по бригаде, строго контролирующий весь процесс "пения", то дивизион давно бы ужинал, так как молодой "летёха" Давыдов был "свой в доску" парень. Но майор, как назло, не уходил, запрещая войти в столовую без обязательной церемонии. Дивизион "нарезал" четвёртый круг, было холодно и хотелось есть. Давыдов опять скомандовал: "Запевай!". На плац тихо падал крупными хлопьями снег. Было тепло, морозы ещё не ударили. Большой белый месяц на фоне мерцающих звёзд ярко висел над зданием казармы... Никто не откликнулся на команду и дивизион, молча громыхая "кирзачами", продолжал свой путь. Все подразделения уже давно зашли в столовую и, наверное, доедали свой нехитрый армейский ужин. "Э-э-э, "духи"! "Оборзели", что ли! Песню давай!" — сзади начали возмущаться "дедушки". Бек запомнил слова нехитрой солдатской песни, надо было только начать первый куплет, дальше он хором повторялся. "Эй, операторы! Я сейчас спою, запоминайте! Потом сами петь будете!" — бросил Бек в спины впереди идущих ребят с Урала. Хотя и сам был одного с ними призыва, он чувствовал себя увереннее и смелее.

— Ты прошла с солдатами
Горами Карпатами,
Боевая, славная, серая шинель! ... Эх...

Все радостно подхватили, поддержали и наконец-то зашли в столовую. Там Бекболат подошёл к молодым уральцам: "Мужики! Сегодня я спас

положение, но завтра с утра чтобы сами пели, договорились?". Младший сержант Зубков из Миасса отвернул простодушное рябое лицо. Сержант Калинкин — челябинец, сурового вида, плечистый, темноволосый, с мощной челюстью и шеей, ухмыльнулся: "Начал петь, продолжай в том же духе! Кстати, у тебя хорошо получается!".

— Я могу спеть ещё раз, только кому-то станет плохо от этого, — Назаров разглядывал физиономию сержанта — карие глаза, густые брови, прямой нос и большие, полные губы.

— Ну это мы ещё посмотрим, кому станет плохо? — заерепенился Калинкин.

— После отбоя я изобью тебя! В шишки! — Бек удалился, увидев приближающегося дежурного.

После ужина время пролетело незаметно. Только вроде сели пообщаться ребята из Казахстана, как протрубил горн — сигнал построения на вечернюю поверку. Все вскочили одеваться. "Подождём, что толкаться, — остановил Бахтиёр Бекболата, — успеем ещё!". Наконец толпа рассеялась. Бек в шкафу с шинелями без труда различил свою — новенькую, пятидесятого размера и четвёртого роста. Сняв её с плечика, не понял — не было хлястика! Хлястик представлял собой узкую полоску материи, с прорезями на концах, соединяющую две пуговицы сзади пояса. Сразу вспомнился лезгин Юсупов и его непонятные действия. Он был с этой же батареи. Когда в обед вместе раздевались, он, сняв шинель, вдруг отстегнул хлястик и засунул в карман брюк. "Зачем прячешь?" — спросил тогда Бек. "У нас с недавних пор завёлся коллекционер хлястиков, уже многие пострадали!" — улыбнулся лезгин, небольшого роста, с крупной головой и квадратной фигурой борца. Тогда Бек не придал значения его словам, посчитав за шутку. Только сейчас, бросившись к соседнему шкафу с шинелями, он не обнаружил на висевших шинелях ни одного хлястика. "Дурдом!" — Бек отпросился у дежурного и не вышел на поверку. С окна было интересно наблюдать за построением личного состава бригады. Вот все подразделения отчитались и дружно запели гимн СССР:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь!
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Музыка гимна, торжественно льющаяся из репродуктора, заряжала своей энергией и мощью, заставляя сердце каждого гражданина испытывать гордость за свою многонациональную Родину. Подобное Бек чувствовал ещё маленьким мальчиком. Он страстно любил хоккей и наизусть знал знаменитые "тройки": Михайлов — Петров — Харламов, Лебедев — Капустин — Мальцев. Когда по телевизору показывали церемонию награждения и звучал гимн, Бек весь трепетал и был ужасно горд за свою Родину и за любимых спортсменов! И с детства запомнилась смешная песенка про хоккей:

Где-то на белом свете чемпионат идёт,
Александр Мальцев открывает счёт,
Рядом "летят" канадцы, режут коньками лёд,
А на воротах Зингер песенку поёт:

Фигу, фигу, фигу вам! Гол вы не забьёте нам!
Если гол забьёте нам — "костыли" сломаем вам!

— напевал маленький Бек, смеша всех взрослых и, конечно, бабушку!

Как только все улеглись, наступила тишина. Дежурный, сидя в кресле перед телевизором, задремал, удобно развалившись и положив ноги на табуретку. Дневальным опять заступил Асылбек, которого "отцы-командиры" решили уволить в запас только под Новый год. Бек рассказал ему об инциденте и тот обещал помочь, если силы будут неравны. Назаров тихо встал, надел тапочки и без труда отыскал кровать Калинкина: "Эй, Калина, вставай, пойдём, пообщаемся!". Тот открыл глаза: "Не о чем нам с тобой общаться, отдыхай!" и хотел перевернуться на другой бок. Но Бек опередил его, подняв правую ногу, он сунул её прямо в нос сержанту: "Ну-ка, понюхай!". Взбешённый челябинец вскочил с кровати. Бек стал отступать к коридору, заманивая в туалет. Калинкин, выбросив вперёд ногу, хотел пнуть обидчика в живот. Бек поймал её и сразу нанёс жёсткий прямой удар. Раздался щелчок, и Калинкин упал. Из разбитой губы и носа брызнула кровь. Бек подскочил и добавил ещё ногой в лицо поднимающемуся противнику. Это было лишним, Калинкин уже потерял всякую охоту драться. Он наклонился, закрывая лицо и пытаясь остановить кровотечение. Боковым зрением Бек увидел чью-то приближающуюся фигуру. Через мгновение он был отброшен в сторону и заключён в тесные объятия дежурным по дивизиону лейтенантом Давыдовым: "Ничего себе! Ты же недавно только пришёл? Ну-ка спать, бегом! Завтра если увидят, я молчать не буду!". В коридоре раздался громкий голос Асылбека: "Э-э-э, Давыд, ты что, стукач, что ли!? Они один призыв — ему ничего не будет! Ай, Бекболат, сен джигит екенсін! Дурыс, ешкимды корыкпа![1]

Блеснув крепкими белыми зубами и стоя в дверях, добавил: "Ну всё, ребятишки! Теперь я могу увольняться спокойно! За казахов есть кому отвечать!". Дежурный повёл поникшего Калинкина умываться, Бек же отправился спать. Всё произошло быстро и спонтанно и заняло немногим больше двух минут — время одного раунда. Победа ввиду явного преимущества! Так держать, пусть знают и боятся! Бек немного поворочался на кровати, вспоминая все прошедшие события, особенно разговор с начПО. "Да, пожалуй, из меня выйдет толковый помощник в борьбе с дедовщиной! Таким "макаром" мы с полковником Рябковым быстро поднимем воинскую дисциплину!" — усмехнулся про себя рядовой Назаров, погружаясь в сон...

(Из письма рядового Назарова Б. С. Нургалиеву Арсену)

"Салам, брат! С горячим армейским приветом пишет твой братишка Бекболат. Как живёшь, что нового, кого видишь? Как здоровье, погода, работа? Скучаю по всем родным и своим близким. Ладно, коротко о себе. Здоров, весел и сердит временами. Устроился писарем в штаб, в "учебке" не получилось, так здесь "повезло". Шеф, начальник штаба, мужик нормальный, вроде должны с ним сработаться. Работы много, спать ложусь в четвёртом часу. Служба налаживается, кормят отлично, всё у меня в норме. Хотел выслушать твой

[1] А ты, оказывается, джигит! Правильно, никого не бойся! (каз.).

совет. Давеча разговаривал с начальником политотдела. У него предложение ко мне, говорит, хочешь коммунистом прийти домой? Я, конечно, мол, это мечта каждого комсомольца. Он мне: тогда заслужи, будь моим всевидящим оком, давай вместе поднимать воинскую дисциплину. Это, говорит, твоё первое задание! Вона как! Ладно, я ему первое время "баки забью", а дальше как? Ему же показатели нужны. Ведь кого-то "сдавать" придётся. Что-то мне не по нутру всё это. Что делать, подскажи? А так всё отлично, правда, с земляками пока напряжённые отношения из-за моего слабого знания казахского языка. Со мной по-русски не хотят разговаривать. Один "зема" из-под Кокчетава только не "брезгует". Нормальный парень — Жулдузбек. Представляешь, я себя таким "недоделанным" никогда не чувствовал, как выходные наступают, хоть вешайся! Но по-любому надо идти к землякам общаться. Здесь такие порядки. Каждый со своей национальностью в свободное время сидит, разговаривает. Вот и идёшь с тяжёлым сердцем словно на каторгу. Скажешь что-нибудь, а в ответ недоуменные рожи или тишина — "он вчера не вернулся из боя". Короче постные лица и кривые ухмылки. Я не выдержал, одного "земелю" приласкал немного, а то вообще "опупел в атаке"! Так после этого разборки пошли, мол, ты что, на своих руку поднимаешь, мы с тобой вообще можем не общаться! Короче, и стыдно, и горько за своих соплеменников. Единственный Жулдузбек поддержал меня, сказал им, что черти они, не по-человечески делают. Потом, после всех этих "базаров" гнилых, через пару дней меня в штаб приняли — и всё! Тут сразу отношение поменялось! Простили, поняли, давай общаться. Буквально через полдня пришли просить: это надо, то надо, выручай, одним словом! А куда я денусь? С Жулдузбеком начали казахский учить, я уже домой два письма написал "казакша", они мне тоже. Потихоньку "ботать" начинаю, тяжело, правда, но, как говорил товарищ Суворов, тяжело в учении — легко в бою! Да, прошли КШУ (командно-штабные учения), меня похвалили. Так что спи, брат, спокойно, небо в надёжных руках! На этом разреши закончить своё небольшое послание, привет всем! Пиши! Жду с нетерпением! С приветом, ряд. Назаров Б. С. 5.12.1987 г.".

Утром, проснувшись, Бек первым делом взглянул на Калинкина. Ничего вроде, губа только опухла, а так — не видно. Был понедельник, после завтрака, на разводе, стоя в строю, Бек тихо позвал челябинца: "Э-э-э... Калина!" — тот повернулся, и Бек, указывая пальцем на свои губы, поджал их, давая понять, чтобы тот не показывал свою разбитую, опухшую губу. Ответом послужил солидарный кивок. Молодец! Быстро извлёк урок, политику партии понимает правильно! Надо будет потом его подбодрить, но аккуратно, чтобы место своё знал. Дуэт Касимов — Довженко, "ночные клоуны", тоже вроде подмазываются, утром подошли, сигаретами делятся, о гитаре разговор завели, мол, видели, что в ленкомнате "лабаешь", давай вечером побрынькаем. Хохол — "Бандера" — раньше вообще не смотрел в мою сторону, а тут, после отбоя, в штаб заглянул, познакомились: "Богданом кличут, з під Івана-Франкивска! Дюже правильно робишь! "Москалей" треба сничтожати!". Какой-то "махновец" отмороженный. Про него рассказывали забавный случай.

Дело было год назад, зимой. Дивизион тогда отправился “воевать” под Лядны, местечко рядом с Оршей. “Бандеру”, Рыбачук его фамилия, поставили истопником в палатку командира дивизиона — Мирона. Вечером приехали из леса заготовщики дров, привезли машину уже расколотых поленьев. Истопники разобрали дрова, затопили печки. Вечером, перед сном, Мирон, как обычно, принял “на грудь” и лёг спать. Рядовой Рыбачук, чтобы ночью не вставать топить печь, надел на себя два “танкача” и, думая, что командир, “подогретый” спиртом, не замёрзнет, не стал топить печку — решил хорошо выспаться. Ночью Мирон проснулся от жесточайшего холода, смотрит — дверцы печки светятся, вроде, огонь есть, горит. Наверное, заболел, лихорадит, подумал, перевернулся, хочет уснуть — не может. Чувствует, что-то не так. Воздух в палатке — морозный, аж пар со рта идёт! До печки дотронулся, она холодная. Дверцу открыл, там ...фонарик! С бодуна, злой как чёрт, Мирон кочергой ударил истопника по ноге. Тот от страшной боли вскочил, схватил лежавший рядом топор и с криком: “Бисов москаль! Зарублю!” — бросился на командира. Мирон от страха выскочил из палатки и давай убегать, крича офицерам, чтобы угомонили этого “Бандеру” ненормального. Говорят, круга три вокруг палаток гонял его хохол, пока не выскочили, разбуженные истошным криком Мирона, офицеры и не успокоили Рыбачука. С той поры “Бандера” стал “человеком-невидимкой”, ходил только в столовую. А так спал, никого не трогал и ему никто не мог ничего приказать, только если попросить. Иногда офицеры упрашивали его, он тоже был механик-водитель: “Богдан, пожалуйста, завтра отгони машину! Как назло никого нет, да и твоя машина только тебя слушается!”. “Бандера” щерил свой беззубый рот, ему льстило, что хвалят его умение водить боевую машину. Он действительно классно управлял этой огромной махиной, и по “тревоге”, и когда выезжали на учения, никого не подпускал к ней — технику он любил и знал как свои пять пальцев. Когда кто-то другой пытался завести её, эта “железка” сразу начинала капризничать, не держала обороты, глохла. И всё заканчивалось одним и тем же: “Ну её в баню! Рыбачука зовите!”.

С “Бандерой” было опасно связываться: однажды в дивизионе появился “пиджак” — молодой лейтенант, не кадровый, а после университета. Их призывали на один год, и если в вузах была военная кафедра, они приходили “летёхами”. Лейтенант Аксёнов — молодой, курносый, весёлый и энергичный выпускник Киевского радиотехнического института, был ровесник “Бандеры”. Подтянут, строен, физически развит. Его достоинствами были справедливость, чувство юмора, всегда хорошее настроение и любовь к порядку. В понедельник, впервые заступив дежурным по дивизиону, лейтенант Аксёнов решил отправить всех на зарядку. Ему сказали офицеры, что в понедельник — командирский день, Мирон придёт рано утром и что в это время в казарме никого не должно быть. Что это правило не распространяется на “Бандеру”, они не сказали. Рано утром все уже вышли на зарядку, один Рыбачук, как обычно, лежал и не думал вставать. Лейтенант Аксёнов, с улыбками, шутками и прочими подходцами, пытался заставить “Бандеру” подняться, чего только не обещая тому. Разгневанный Богдан от всей своей широкой украинской души разразился в ответ такой отборной бранью, что даже без перевода стало ясно, что будет, если ещё раз его разбудят. Аксёнов опешил, его мальчишеское лицо покрылось

пятнами, большие голубые глаза потемнели. Он был честный, добрый малый, никому не позволяющий с собой разговаривать в таком тоне. Они сцепились и чуть не подрались, их разняли. После этого случая вдруг вверенная Аксёнову боевая машина, начальником расчёта которой он был, неожиданно сломалась. То ли двигатель, то ли трансмиссия. И всю зиму лейтенант Аксёнов провалялся в боксе, на бетонном полу, под машиной, иногда заходя погреться в кабинет к Беку, проклиная зиму, морозы и весь этот армейский дурдом.

Стоя на плацу и глядя на стриженые затылки солдат, Назаров перебирал ногами, постукивая их друг об дружку. Уже полчаса длился развод, и стоявшие неподвижно ракетчики подмерзали. Вчерашний дежурный по бригаде доложил комбригу про хамское поведение третьего дивизиона, отказывающегося спеть песню перед принятием ужина. Полковник Кашин, исполин в папахе, насупил брови и громовым гласом вызвал Мирона: “Дятел, Миронов! Ко мне!”. Стоявшие рядом офицеры и солдаты соседних дивизионов и подразделений, не скрывая злорадства, заулыбались. Мирон, чеканя шаг, приблизился к комбригу. Кашин негромко что-то сказал ему, судя по физиономии и мимике, явно нелирическое. После чего Мирон развернулся и строевым шагом, весь красный, вернулся к своему дивизиону: “Дятел, Давыдов! Выйти из строя!” — заорал он. Пришёл черёд краснеть молодому лейтенанту, только прибывшему в часть и мечтавшему сделать блестящую карьеру на воинском поприще. Только в отличие от предыдущего “разбора полётов” слышимость была прекрасной, и какие только матерные слова и сравнения не обрушились на молодую белобрысую голову Давыдова.

Вечером, сидя в кабинете и занимаясь обычной штабной рутиной, Назаров услышал стук и голос Давыдова: “Бек, это я, лейтенант Давыдов, открой!”. Его оставили дежурить на вторые сутки. Бекболат впустил его, всё-таки он был неплохой, этот крупный, немного полноватый, похожий на ребёнка, с большими ресницами и румянцем на щеках лейтенант. Назаров пил кофе и предложил Давыдову. Кофе и коробку сахара-рафинада принёс шеф, для себя и для Бека, когда бывало много работы и приходилось вкалывать чуть ли не до самого утра. Потягивая кофе и куря сигареты, Бек устало слушал откровения обиженного молодого “летёхи”: “Бекболат! Почему мы служим не в царской России, а? Вот тогда были понятия — благородство, достоинство, честь мундира, дуэли. А сейчас? Обидно, понимаешь, я в училище, в Оренбурге ничего подобного не слышал от старших офицеров. А здесь эта тварь меня при всём строю педерастом называет. Эх, было бы то время, я бы ему в лицо перчатку бросил, а потом… потом на дуэли застрелил бы, как собаку бешеную!”.

“А ты его завтра застрели при всех на разводе, нет, знаешь, лучше просто в шапку выстрели! Сбей с головы! Я в кино такое видел! И красиво, молча уйди … и всё!” — еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться, отозвался Бек, глядя на уставившегося перед собой в стенку, чуть не плачущего, с поджатыми по- ребячьи губами Давыдова. Тот не уловил иронии, продолжая в мыслях “разделываться” с гадом-командиром. Это был шок для его неокрепшей психики. После этого случая он подал рапорт и уволился или перевёлся в другую часть. В общем, лейтенант Давыдов стремительно промелькнул этаким поручиком Голицыным на фоне армейских будней дивизиона и скрылся. О дальнейшей его судьбе история умалчивает.

Наконец-то незаметно приблизился первый Новый год, который Бек встречал не как обычно — дома в кругу родных и друзей, а среди воинского коллектива. Пришла долгожданная посылка из дома. Бек с нетерпением ждал вечера, когда можно будет не торопясь вскрыть её. Поздним вечером, когда офицеры разошлись по домам, закрывшись в кабинете, Бек добрался до заветного ящика. На крышке каллиграфически выделялся красивый дядин почерк. Содержимым оказались килограмм карамелек, пачка печенья и письмо. Тёплых носков, самого главного, что он ожидал увидеть, не было! Зато было письмо, в котором дядя Толеген рассказывал о своей работе, проблемах автопарка и о недавно прочитанной книге. В конце стояло P. S. — "постскриптум": "Я хотел положить тёплые носки, но мне сказали, что это по уставу "не положено". А если "не положено", то должно быть не положено. Служи честно, как все, не будь особенным и ничего не выдумывай. С уважением, твой любящий дядя Толеген".

Глядя на витиеватый, красивый почерк дяди, Бек понял вдруг, что кроме них у него никого нет, и что дядя Толеген, будучи партийным, не делая поблажек, очень принципиально относится ко всем людям, особенно к родным. Бек не обиделся на него. Кроме себя, своей работы и решений съездов дядя ни о чём не думал — такой человек. А карамельки и печенье он мог бы сам купить в магазине. Одно название — "посылка". Что ж, придётся "воевать" без носков. А ведь два раза в письме просил. Да ещё когда к шефу домой ходил, по дороге на почту завернул, позвонил, напомнил. Трубку тогда татешка взяла, обрадовалась, минут десять разговаривали. На почте тогда тоже звонил домой Паша, весёлый азербайджанец Яшар Пашаев. Возвращались вместе, Бекболат был в радостном настроении и что-то рассказывал ему, делясь новостями. В какой-то момент он понял, что что-то не так, глядя на молчаливо шагавшего Пашу. Тот не улыбался, хмуро смотрел себе под ноги и молчал.

— Эй, кардаш, что молчишь? Всё нормально дома? — поинтересовался Бек.

— Да, все живы-здоровы, слава Аллаху! — отозвался Паша.

— А что такой смурной? — Назаров пристально глядел, стараясь угадать терзающие товарища думы.

— Бек, извини, ты вообще казах? Я имею в виду, у тебя папа-мама казахи? — вопросительно взглянул Паша.

— Да, казах, чистокровный, а что? — Бек не понял, куда гнёт Яшар.

— Ты что, дома говоришь по-русски? — Паша остановился, в глазах стоял неподдельный ужас.

— Да, говорим по-русски! Иногда, конечно, общаемся и на родном, а так у нас всё на русском! — Бек теперь понял, что в глазах этого паренька он утратил нечто такое, что является основным стержнем любого "нацмена", его самобытностью, культурой и национальной гордостью.

После этого разговора Бек долгими зимними вечерами думал и понял одно: где бы он ни был, кем в этой жизни ни стал, только он родился казахом и живёт в Казахстане. И не важно, что в школе, в его классе было всего три казаха, а в доме — "хрущёвке", где они обитали, всего две казахских семьи. И чтобы кем-то стать, надо было в совершенстве знать русский язык — чтобы получить хорошее образование. *Важнее понять, что ты являешься представителем великой нации, что наши предки сумели отстоять своё государство и большую территорию, не забыв при этом*

свои обычаи и культуру. И наше дело сейчас — всё это сохранить и преумножить для себя и своих потомков.

Вдали от родины, в одиночестве, пройдя все тяготы и лишения воинской службы, испытав горечь обид и разочарований, Бек острее воспринял такие понятия, как “туган ель”, “халык”, “казак тілі”[2].

Хорошо всё-таки, что я пошёл в армию, думал он. С Жулдузбеком занятия проходили неплохо, писать многие казахские слова Бекболат уже умел без ошибок, да и с земляками общение налаживалось. Бек вспоминал смешные случаи на “гражданке”, рассказывал их на казахском. Стоял дикий хохот. Бека поначалу это задевало, а потом, видя, что все смеются от души, уже не стеснялся. Один из Смаиловых оказался неплохим гитаристом, да ещё и обладателем красивого баритона. Вечерами, в ленкомнате, он делился с Беком текстами многих казахских песен, учил играть. Так что обучение пошло неплохими темпами, да и где-то в крови проснулись, видно, гены, вспомнились разъезд, бабушка, детство.

У бабушки был большой и лохматый, совершенно белый пёс по кличке Верный. Он был похож с разорванными ушами на белого медведя. Бек сильно привязался к нему, да и пёс всегда радостно встречал малыша, виляя хвостом. Зимой он исправно катал большое корыто, в котором сидел Бек, а летом не отходил ни на шаг, где бы они ни были. Однажды, как обычно заигравшись, они далеко отошли от дома. Начало смеркаться. Внезапно Верный резко остановился, уставившись в чернеющий край леса, глухо зарычал. Шерсть его встала дыбом, пасть ощерилась, глаза загорелись красными угольками. Он клыками схватил Бека за рукав и потянул в сторону дома. Бек испугался, он никогда не видел пса таким страшным. Заплакав, побежал домой. Пёс почему-то остался, глядя и рыча в сторону леса. Примчавшись, рассказал всё бабушке и взрослым. Мужчины вышли во двор — не торопясь возвращался Верный, то и дело останавливаясь и рыча. “Волки! Смотри, в темноте глаза горят, видишь?” — один из дядек, обняв маленького Бекболата, ткнул пальцем в сторону леса. В надвигающемся сумраке неподалёку светились несколько пар зелёных огоньков. Другой дядя, постарше, вытащил из дома винтовку и скрылся в темноте, за ним увязался Верный. Спустя пару минут вдруг раздался звук, напоминающий раскат грома или щелчок огромной камчи. “Теперь волки больше не придут. Не бойся, мой верблюжонок!” — бабушка обняла Бека и крепко прижала к себе... Да, бабушки уже давно нет в живых, вскоре после переезда в большой, крепкий совхоз она внезапно заболела и померла. Верного в тот же год застрелил какой-то местный алкаш на унты.

Новый год отметили весело. Из ленкомнаты вытащили и накрыли столы. Разложили из посылок деликатесы, сладости, накупили лимонада, тортов, фруктов и принесли из столовой огромное количество еды. Вечером дивизион построился в казарме. Пришли поздравить офицеры. Кого-то представили к очередному званию, кого-то наградили нагрудными знаками отличия. Появился и начПО. Произнёс тёплые пожелания, заботливо пообщался с молодым пополнением. Уже уходя, вдруг остановился у стенда с документацией: “Кто это у вас так красиво пишет?”. —

[2] Родной край, народ, казахский язык.

“Рядовой Назаров, товарищ полковник!” — ответил рядом стоявший НШ. — “Где он, ну-ка сюда его!” — начПО зашёл в ленкомнату. “Назаров!” — крикнул шеф. — “Здесь!” — отозвался Бекболат, на ходу приводя себя в порядок. Перед дверью помедлил, застегнулся, поправил ремень. Войдя, громко отчеканил: “Вызывали, товарищ полковник?”.

— Ну здравствуй, сынок, как тебе служится? Как здоровье, настроение? Никто не беспокоит? — начальник политотдела стоял у стенда с портретами членов Политбюро, будто рассматривая их лица, голос его звучал елейно, завораживающе, по-отечески тепло и нежно. Казалось, этот небольшого роста милый полковник не кто иной, как добрый волшебный гном из сказки.

— Никак нет! Всё отлично! Здоровье и настроение! — бодро отрапортовал Бек.

— Ну а со мной по секрету ничем не хочешь поделиться? — спросил уже вкрадчиво, выжидающе и многозначительно посмотрев на Бека, полковник Рябков.

— Да рад бы поделиться, но практически... и... нечем! — Бекболат выдержал взгляд и по-прежнему улыбался.

— Значит, всё у вас хорошо... Ладно, поверим, проверим! — и Рябков резко вышел.

Чуть погодя за ним вышел и Бек. Дневальный, окликнув Бекболата и скосив глаза в сторону штаба, дал понять, что его ждёт НШ. Шеф сидел в кресле, курил свои любимые сигареты “Орбита”: “Что, в политотделе собрался служить? Шустрый ты, однако! То-то он всё про клуб говорил, художник там увольняется, замену найти надо!”. Бек не стал лукавить и как на духу рассказал обо всём.

— Бекболат! Знаешь, у каждого человека всегда есть выбор! Единственно, делай всегда то, что тебе приемлемо по душе, и тогда не придётся краснеть ни перед кем. Внутренний голос, совесть или ещё что, всегда шепнёт, когда ты делаешь что-то нехорошее. Если ты один раз закроешь глаза, второй раз, третий, то потом тебе не надо будет ничего закрывать — всё будет закрыто. Поэтому всегда оставайся человеком! — шеф потушил сигарету, встал, посмотрел внимательно, словно видел впервые: — Ладно, держи “краба”! С Новым годом!

В начале января начались боевые “тревоги”, ещё одни командно-штабные учения и наконец-то наступил час “Икс”, которым заранее пугали. В четыре часа утра по “тревоге” подъём и выезд на месяц в зимний лагерь. Два дня готовился дивизион: проверяли технику, оборудование, снаряжение, оружие и обмундирование. Бек с шефом готовили штабные карты. Сначала их надо было аккуратно нарезать, потом склеить и сложить “гармошкой” так, чтобы получился размер “А-4”. Развёрнутая же карта напоминала большой бумажный ковёр. Строго по установленному размеру в отведённом левом углу писалось “Утверждаю, командир в/ч 06405 полковник Кашин”. В середине, буквами покрупнее: “План военных действий третьего отдельного зенитно- ракетного дивизиона в/ч 06405 при нападении авиационного полка ВВС НАТО или Великобритании”. Далее на карту наносились наши запасные, скрытые и прочие позиции, КП (командный пункт), месторасположение седьмой танковой армии и возможные варианты атак и обороны. Всё это напоминало кадры из военных фильмов, когда висит карта, на ней стрелки и товарищ Сталин, попыхивая

трубкой, произносит известную фразу насчёт того, что скажет товарищ Жуков. Нередко возникали мысли о войне. Когда ночью, вскочив по "тревоге", при мелькающем свете тревожного освещения и давящем на уши звуке сирены, глядя на выезжающие из боксов боевые машины, невольно думалось: а учебная ли это "тревога"?! Может быть, дядя Сэм действительно решил навсегда покончить с коммунизмом?

Разбудили, как и обещали, в четыре утра. За десять минут до этого все уже одетые лежали в кроватях, ожидая звонка дневальному и команды дежурного: "Дивизион, ТРЕВОГА!!!". Включалась тревожная кнопка, завывала сирена, на окнах опускалась светомаскировка, нервно дребезжал звонок открываемой оружейной комнаты. Всё вокруг бешено двигалось по отрепетированному сценарию. По нормативу последняя машина дивизиона должна была покинуть расположение части через 15 минут после сообщения сигнала. Комбриг с секундомером стоял у КПП и, если не укладывались, то всё начиналось сначала. На сей раз всё прошло гладко. По "тревоге" Бек был посыльным — ему надлежало оповестить закреплённых за ним офицеров — кого по телефону, кого лично по адресу, напечатанному на жетоне. Жетоны висели в коридоре, на стенде с документацией — две пластины из оргстекла, с напечатанными фамилиями посыльных и офицеров с их адресами. Бек мчался в ДОСы (дома офицерского состава) через КПП, считая номера домов, квартир, лестницы и этажи. Звоня или стуча в двери: "ТРЕВОГА!!! ТРЕВОГА!!! ТРЕВОГА!!!".

После оповещения из "секретки" (секретной части) тащили и загружали в машину семь-восемь ящиков с "талмудами" — секретной литературой. Ящики были тяжеленными, и со второго этажа их еле выносили четыре человека. Оставалось в "оружейке" получить автомат и забраться в кузов машины, где друг на друга были сложены большие металлические ящики с документацией.

В железном кузове "радийки" было холодно, на кочках машину кидало так, что стальные огромные ящики сверху скользили вниз, норовя упасть Беку на ноги. Приходилось обеими руками придерживать их, по ходу прыгая и пиная всё вокруг замерзающими ногами, чтобы как-то разогреть их. Такая "тарантелла" продолжалась приличное время, уже было светло, а машины всё продолжали свой путь. Вдобавок хотелось в туалет, а ещё снять сапоги и растереть ступни. Наконец-то машина замедлила ход и остановилась.

— Назаров! Ты там живой? — раздался голос НШ и послышался звук открываемого замка.

— Неживой... местами... особенно нижними! — Бек прыгал на месте. Мочевой пузырь, казалось, разорвёт не только ремень, но и пуговицы.

Вокруг опушки, на которой по заданным координатам и надлежало устроить лагерь, темнел густой сосновый лес. Стояла тихая, безветренная погода, снег громко хрустел под сапогами и своею белизной давил на глаза. Мороз-воевода, казалось, усыпил всё живое в лесу и теперь собирался взять в свой плен неизвестно откуда взявшихся, суетящихся, бегающих и играющих в свою непонятную игру людей.

Полдня пролетело незаметно, под умелыми действиями офицеров и солдат старшего призыва палаточный городок словно возник сам собою. Кроме вместительной солдатской и офицерских палаток здесь были

полевая кухня с большой крытой столовой, медпункт, палатка караульной службы рядом с техтерриторией, обнесённой двумя рядами колючей проволоки с калитками. Даже "плац" был почищен, расчерчен и отсыпан. Начались суровые армейские будни. В огромной солдатской палатке в два яруса сколотили каркас, поперёк которого уложили частокол из брёвен небольшого диаметра, затем матрацы. Брёвна — стволы молодых сосенок не отличались ровностью и в некоторых местах, как ни старались ребята подогнать их, были "впадины" или наоборот "бугры". На них невозможно было лежать или спать, конечно, если не быть йогом. Бек им не был. Он всё же подыскал себе хорошее, ровное место, поближе к печке, на втором ярусе. В зимних лагерях "козырными" считались места второго яруса — где теплее, а летом же, наоборот — внизу. Поздно вечером, вернувшись в палатку после работы в кузове большой "радийки", который был оборудован под передвижной штаб, Бекболат с изумлением уставился на пару пяток, торчавших из-под одеяла на его месте. Днём Бек специально показал дневальному и попросил проконтролировать, чтобы никто не смел ложиться на "святое место". Но, видимо, дневальный забыл. В полумраке, возле печки, бесформенной тенью чернела его сидящая фигура. Бек растормошил его: "Я же просил тебя! Ты что, забыл, что ли? Кто там залез на моё место?". Дневальный — младший сержант Погорелов, на полгода старше призывом, худой, небольшого роста, с вечно бегающими глазёнками, обиженно шмыгнул носом: "Да не забыл, говорил я! Только он меня разве слушает!". — "Кто он?". — Бек почему-то подумал на "Бандеру". "Клопов!" — дневальный зевнул и, открыв заслонку печки, начал ожесточённо шуровать кочергой. — Ладно, пусть спит, завтра разберёмся. Утро вечера мудренее, — нахмурился Бекболат, затем найдя в углу палатки свободное место, уснул. "Подъём! На зарядку!" — сквозь сон донеслось до Бека. Да, вот и ночь пролетела, будто только что глаза закрыл. В темноте, на морозе, закрывая глаза от бьющего в лицо снега, солдаты бежали до техтерритории и обратно. Это и было зарядкой. Клопов был сержантом в отделении боевого управления — ОБУ, "черпаком", то есть отслужил уже год. Коренастый, плотный, горбоносый и пучеглазый, он за словом в карман не лез и ходил в дружках с "Бандерой". Бек догнал его и, держа такой же неторопливый темп, спросил, говорил ли ему дневальный, что место, куда он лёг, "забито"? И что там вообще место первой батареи и именно его — Назарова Бекболата. Клопов, даже не повернувшись, презрительно бросил: "А мне по барабану! Я лежу где хочу!". Бек в ответ: "Знаешь такую пословицу? Каждый клоп должен знать свой... окоп!". "Да, ты опух, я вижу! Ну-ка! стоять!" — Клопов остановился и пошёл на Бекболата. Медлить было нельзя. Бек правой нанёс прямой удар в челюсть, но в последний момент Клопов, видя удар, откинул голову назад. Бек "провалился", удар только в самом конце достиг цели, точнее горла — прямо в кадык. Схватив себя руками за горло, Клопов захрипел, согнулся и затем осел. Бекболат оглянулся: рядом стоял "Журавлик", друг Клопова. Рядовой Журавлёв — голубоглазый, рыжий, курносый водитель "радийки", в кузове которой по "тревоге" выезжал Бек, стоял спокойно и, прищурив коровьи глаза, процедил: "Всё, хана тебе, казах! Ночью секир-башка будет!". Бек, чуть постояв, побежал дальше за растворяющимся в темноте дивизионом.

Вечером, опять возвратившись поздно, Бекболат обнаружил своё место свободным. Керосинка тускло освещала стоявшие внизу чёрной массой сапоги и тёмно-синие холмы солдатских одеял. Бек, завернувшись в одеяло, с наслаждением вытянулся, с удовлетворением отметив про себя ровную поверхность под матрацем, сунул под него прихваченные в штабной "радийке" ножницы, так, на всякий "пожарный". Они не пригодились. На зарядке его остановили Клопов и "Журавлик": "Ладно, казах, живи, пожалели мы тебя! Только не "борзей" больше!". Бек дипломатично смягчил "пилюлю", ответив, что уважает их как нормальных ребят. Но и своё не отдаст никому! В общем, был заключён договор о взаимном мирном сосуществовании. Ещё одна победа! Пусть небольшая, но стратегически важная, так как она закрепляла собою всё достигнутое до неё. Вроде всё неплохо складывалось, но неприятности возникли совершенно с другой стороны.

После "ожесточённых" боёв наступила передышка, и Бекболата поставили в караул, охранять техтерриторию. Вот тогда-то, стоя по два часа ночью в жуткий мороз, Бек понял, как пригодилась бы сейчас пара тёплых шерстяных носков. Портянки не спасали, они были тонкие и застиранные до такой степени, что совершенно не грели. Все два часа приходилось скакать, прыгать и танцевать лезгинку, хорошие уроки которой преподавал дагестанец Нияз Юсупов. Коренастый, широкоплечий увалень, он выделывал такие "коленца" своими мощными косолапыми ногами, что совсем не вязалось с его обычной медвежьей медлительностью. Добродушный Нияз отличался к тому же бережливостью и запасливостью, мог найти любую необходимую вещь или знал, у кого она есть. Когда Бек из-за своей беспечности, не вняв предостережению предусмотрительного Нияза, лишился хлястика от шинели, то именно Юсупов где-то раздобыл другой — старый, протёртый хлястик, который и отдал Бекболату. После Бек стал вешать свою шинель в кабинете, объяснив шефу, почему он вынужден это делать. Прыгая и приплясывая с автоматом за плечом, Бек считал минуты, когда же он, придя в "караулку", сможет сесть возле печки, снять сапоги и начать растирать стопы и пальцы ног. Только минуты через две начинаются боль и покалывание, но сразу на душе становится спокойно от того, что ничего себе не отморозил. Ноги остались целыми, только после этих караулов Назаров начал кашлять, всё сильнее и сильнее. Потом, дня через три, поднялась температура. Бек еле стоял на ногах.

Однажды на утреннем разводе командир, зачитывая список команды, отправляющейся на заготовку дров, произнёс: "Назаров". После развода Бек подошёл к Мирону: "Товарищ подполковник, разрешите обратиться? Разрешите остаться и не ехать в лес. У меня голова болит, температура!". — "Ничего страшного! Знаешь, какое самое лучшее лекарство от головы!? Топор! Ха-ха-ха!" — заржал, довольный своей шуткой, подполковник Миронов. Делать было нечего, даже шеф ничем не смог помочь. Бекболат думал, что это будет его последняя поездка: обратно его привезут еле живого, в бреду и без сознания. Взяв топоры, пилы, ящики с инструментом, команда заготовщиков загрузилась в машину и тронулась в путь.

— Берегись!!! — гулким эхом раздавались голоса, и высоченные сосны, напоследок громко крякнув, с треском падали вниз, увлекая за собой ветви и снег с соседних деревьев. Под звон пил и дружный перестук

топоров Бек в лесу отвлёкся, ощущая себя каким-то первопроходцем, осваивающим просторы дремучей Сибири или Аляски. Или что он каторжник, сосланный в Сибирь на лесоповал. С фантазией у Бека было всё в порядке — в детстве начитался книг. Любимыми авторами были Джек Лондон, Майн Рид, Фенимор Купер и другие.

Бек встал на расколку дров. До этого он пробовал, сидя на снегу и уперевшись ногами в сосну, пилить её ствол. Занятие нудное, забивающее до судорог мышцы рук. Затем в команде, срубающей ветви со стволов — тоже трудоёмкая операция, требующая больших телодвижений. После чего потаскал на плече длинные сосновые стволы — опять не то, из-за высокого роста приходилось либо сгибаться, либо передвигаться на полусогнутых. Потом на распилке, на козлах, распиливать брёвна на чурки — забивались руки. В конечном итоге, хорошо наточив колун, Бек стал колоть дрова. Сразу вспомнился Челентано из фильма "Укрощение строптивого". Немного подурачившись, изобразив его телодвижения, Бек приноровился, слился в единый механизм по раскалыванию чурбанов. Здесь не требовалось большой физической силы, нужна была просто техника. Бекболат "поймал" её, не растрачивая силы на лишние движения, просто поднимал топор и, резко присев, вонзал его в деревянную плоть, по-мужицки крякая и ухая. Стало жарко. Бек разделся, снял бушлат, ватные штаны, ремень. Надо полностью отключиться, не думать о себе, просто действовать автоматически как робот. Назаров мог "отключаться" — научился этому в "учебке", на зарядке, когда бежал за сержантом Галузой. Когда стало невмоготу, он вдруг решил "отключиться", перестать думать о чём-либо, смотреть лишь на ноги впереди бегущего сержанта. Как только тот поднимал правую, Бек повторял его, когда левую — соответственно. Получался своеобразный "паровоз", Бекболат "сел" на хвост Галузы и "включился" только тогда, когда пробежали пять километров. И как ни странно, он даже не запыхался. После этого уже никакие кроссы и марш-броски его не пугали.

Так и пролетел день. Под вечер Бек почувствовал себя лучше, исчезли температура, сопли и ломота во всём теле. — Да, никогда бы не подумал, оказывается, то, что нас не убивает — делает сильнее. А может быть, от страха организм перестроился и заработал в усиленном режиме. Ладно, ерунда всё, главное сейчас приехать, в сухое переодеться, чаю напиться и спать.

К концу января морозы отступили. Потеплело, выглянуло солнышко, и служба пошла веселее. Настал день, когда чумазые, месяц не видавшие бани, радостные солдаты возвращались "домой", т. е. в бригаду. К обеду прибыли в часть, быстро подкрепились и строем, с песней, радостно зашагали в баню. Вот удивительно: родная казарма после лесной жизни казалась домом — уютным, тёплым и просторным. Чистые, выбритые, в свежем нательном белье, солдаты сидели, шутили и травили байки тем, кто остался в дивизионе и не ездил на "войну". По этой части отличался друг Касимова — Довженко, гитарист, балагур и большой выдумщик. Не моргнув и глазом, он рассказывал, как самолично сбил "шпионский" самолёт. Как однажды в лесу, ночью, пойдя в туалет, он столкнулся с медведем-шатуном и что тот его чуть не сцапал. "Да шо ты брешешь, цэ ж Мирон с бодуна был! Який такий ведмедь!" — ощерился "Бандера". Два дня ещё отдыхали солдаты, а затем опять началась служба.

Бек уже втянулся в непростую, требующую особого внимания и терпения, штабную работу. Потихоньку, видя потенциал и выдержку немногословного паренька-казаха, майор Харин стал давать ему задания и поручения особой важности. К весне 1988 года Бекболат Назаров практически мог заменять своего шефа, сам составлял и распределял наряды, печатал приказы, расписывался за командира, НШ, замполита, ставил печати и даже писал в секретных тетрадях шефа за него, его же почерком.

Наступил апрель. В марте вышел приказ министра обороны об увольнении в запас отслуживших положенный срок, и Бек уже стал "черпаком". Год служи — второй гуляй! Уехали многие, ставшие приятелями Беку ребята, в том числе Джимми-Гияс и Джимми-Али. Их часто вспоминали, особенно "приколы" рядового Гиясова. Весной, незадолго до его увольнения, в дивизионе появился молодой лейтенант — выпускник военного училища. Высокий, долговязый, нескладный и худой, с застенчивыми голубыми глазами и красным румянцем, он неуверенно зашёл в расположение, озираясь по сторонам. Джимми-Гияс сидел у своей кровати, подшивая воротничок, готовился к заступлению в наряд. Одного взгляда было достаточно, чтобы разглядеть эту "диковинную" птицу, похожую на страуса, словно входящую в вольер со львами. "О-о-о, мой брат приехал!" — радостно завопил Гияс, вскочив и всё бросив, помчался навстречу лейтенанту. Тот от неожиданности остолбенел, не зная что и предпринять. "Салам алейкум, брат Аскер! Как добрался, как наши родители, как дядя Сулейман и тётя Зухра?" — Гияс обнял опешившего "летёху" и смачно поцеловал его три раза в щёки. Солдаты, сидевшие и готовящиеся к наряду, молча, чтобы не испортить спектакль, трясясь от смеха, падали с табуреток. Щёки выпускника военного училища стали ещё краснее. Теперь уже не только они, но и уши и даже всё лицо стали одним багровым пятном. Только голубые глаза с надеждой и мольбой оглядывали всех вокруг, словно пытаясь найти защиту от этого чёрного и страшного кавказца. "Пойдём, брат! Я тебя сейчас познакомлю с друзьями!" — Гияс ухватил за руку и потащил, как паук муху, сникшего лейтенанта. Но, видно, этому концерту не суждено было отыграться по полной программе — неожиданно нарисовался замполит, забрал высоченного "брата" рядового Гиясова, и никто так и не узнал, как же он добрался и как живут их родственники. После этого "тёплого" приёма новоиспечённый лейтенант не захотел проходить службу в нашей части и, подав рапорт, отбыл в неизвестном направлении.

Павел Тарутин попал в армию случайно. Вообще вся его жизнь состояла из череды нелепых случайностей, ляпов и ошибок. Даже родился он внезапно, незапланированно, как "снег на голову". Его родители, тогда студенты-выпускники Московского инженерно-строительного института, гуляли, отмечая окончание вуза и обмывая дипломы. На природе, у речки, под воздействием винных паров и обилия съеденных шашлыков, а может, из-за активности солнечного ультрафиолета, Анатолий Тарутин, будущий отец Паши, вдруг поссорился со своей девушкой. До этого никогда не пивший, не куривший, скромный и застенчивый "очкарик", гордость потока и отличник учёбы, Толик на природе вдруг "разбушевался". А всё из-за предложения руководства факультета остаться на кафедре. Остальных распределили по всему бескрайнему

Советскому Союзу, и среди выпускников шли горячие споры и обсуждения о перспективах развития тех или иных городов нашей необъятной Родины. О Толике как будто и позабыли. И чтобы привлечь к себе внимание, он вдруг заявил, что тоже, как и все, поедет на "горячие" стройки века, что не побоится трудностей и испытаний, выпадающих на долю молодого специалиста. В ответ спортсмен и тоже отличник — гордость института Славка Фролов усмехнулся: "Толик, дорогой, а ты у маменьки своей разрешения спросил?". Все засмеялись, так как знали маму Толика, работающую комендантом в одном из общежитий. У неё было прозвище "Гестапо". Она была принципиальной, очень педантичной и любящей "жёсткую" дисциплину. Никого не впускала без документов, после положенного времени выгоняла, и с ней невозможно было договориться. Она одна воспитывала Толика, который был для неё всем на свете. Разумеется, ни о каких стройках и не могло быть речи. Толик не любил Славку: тот был совершенно другим — уверенным, дерзким и вдобавок очень красивым, великолепно сложённым, эрудированным парнем. Любимец и тайная мечта многих девушек, Славка был из обеспеченной семьи, каждое лето ездил по заграницам, имел свою шикарно обставленную квартиру в новом строящемся районе, где частенько устраивал молодёжные вечеринки. К тому же Таня, с которой Толик дружил со второго курса, сидела рядом со Славкой, смотря ему в рот, и всякий раз заливалась истеричным смехом, когда тот шутил и дурачился. Даже когда Славкин сарказм коснулся и Толика, она словно чужая смотрела на него, насмешливо щурясь своими ярко-голубыми небесными "брызгами". Как это у Есенина верно подмечено: "Что ты смотришь синими брызгами, или в морду хошь?". Эх, дать бы сейчас ей и этому жлобу Славке в их радостные морды. Сидят, жмутся, воркуют, голубки. Тьфу, смотреть тошно! Толик обиделся, махнул рукой и пошёл прочь. Ну их всех к чёртовой матери! Не оборачиваясь на зовущие голоса и призывы не уходить, Толик отправился в сторону станции. Скоро должна быть электричка. В голове шумело, в груди, казалось, пылал пожар и к горлу подступил какой-то щиплющий комок. Было обидно за себя и маму. Какие же все они сытые, жестокие и бездушные! И ведь никто не вступился, даже Танька и та предала! Сзади послышались чьи-то лёгкие, торопливые шаги, кто-то догонял его, мелькнула тайная надежда: Танька, одумалась, наверное... "Толик! Постой же, прошу тебя!" — шумно дыша, запыхавшись, подлетела... Лена Романова — тоненькая, тёмненькая, с мышиными смородиновыми глазками и всегда с грустным, загадочным взглядом, — из параллельной группы. — "А тебе что надо?" — Толик схватил её за плечи, с силой сжал, разворачивая, чтобы оттолкнуть от себя. "Ай! Больно же!" — вскрикнула Лена, лицо её исказилось от боли: "Ты такой мне совсем не нравишься! Толик, ты же добрый, умный, ну что ты расстроился? Было бы из-за чего и кого. Да и зачем тебе эта дура Танька? Она совсем тебе не пара. Знаешь, я в тебя с первого курса влюблена!". Затем, нежно взяв его лицо в свои маленькие, пухленькие ладошки, притянула к себе и поцеловала...

Вот так и произошёл быстротечный роман. Маме не понравился выбор сыночка, но Толик уже решил для себя уйти из-под маминой опеки. Это был его первый самостоятельный шаг, точнее, бунт и новое переосмысление жизненных ценностей. Сущность Толика разделилась. Как будто

жил один Толик — тот, любящий маму, Таню Никитину и всех, кто даже был просто в приятельских отношениях с ним, верящий всем и всему вокруг. И другой — реалистичный, жёсткий, всё подвергающий сомнению и не верящий никому. С этим раздвоением и сомнением он и женился на Лене, с ней было спокойно и просто. Словно один организм, этакий симбиоз Рыцаря Печального Образа и Грустной Дульсинеи Тобосской! Они хотели девочку, а родился мальчик — слабый, вечно болеющий и хныкающий. Его назвали Павлом. Маленький Павлик воспитывался у бабушки. Родителям вечно было не до него — работа, коллектив, дружеские посиделки под вино и гитару, походы, пикники. Бабушка научила Павлика читать. Малышу с детства нравились иконы и церковные книги. "Отче наш, ежи еси на небесех..." — читал по слогам Паша и с благоговением смотрел на суровый лик, печальные глаза которого строго вопрошали с иконы. Родителям, строителям коммунизма и впитавшим со школьных лет неприязнь к поповскому "мракобесию", конечно, было неприятно видеть любимое чадо, с нескрываемой радостью рассказывающее наизусть молитвы, псалмы и истории из жития святых. Они пытались как-то повлиять, поговорить с бабушкой, объяснить, что этим она только вредит малышу, но всякий раз безуспешно.

Таким вот "отшельником" и вырос Павлик, как в келье, у бабушки дома. Он не любил выходить на улицу, со сверстниками ему было неинтересно, да и друзей особых у него не было. В садик он походил только перед школой всего пару недель, вдруг внезапно заболев, всю зиму провалялся дома. В школе особыми талантами похвалиться не мог, к точным наукам предрасположенности не было. Отличался только примерным поведением, да по истории всегда стояло "отлично". В пионеры не был принят по причине плохой успеваемости, а в комсомол вступать отказался. К концу десятого класса Павел Тарутин вырос в длинноволосого и худощавого отрока с большими голубыми глазами, прямым, немного курносым носом, пухлыми девичьими губами, тонкой шеей и нескладной фигурой. Нескладной в смысле для парня, для девушки фигура была идеальной — худенькие плечи и широкий таз с прямыми стройными ножками. Природа сыграла с ним злую шутку, а может, просто родители сильно хотели дочку, кто знает.

Об армии даже не было никаких мыслей. Через знакомых нашли врача, обещавшего комиссовать Павлика. Все были в полной уверенности, что так и произойдёт. Но судьба опять решила всё по-своему. Какой-то "отмазанный" этим врачом молодой повеса слишком много болтал, и информация дошла до соответствующей инстанции. Произошёл скандал, врач уволился. Теперь никто не решался даже сделать отсрочку, чтобы потом, не спеша, найти нужных людей и комиссовать Павла. Тут быстро всё закрутилось, пошли комиссии, дали номер команды, проводы — и вот уже Павлик с двумя авоськами, в старом трико, кедах, беспомощно крутя стриженой головой на вокзале, старается изо всех сил не заплакать. Взволнованные родители шепчут напоследок. Мама: "Напиши, как приедешь!", папа: "Держись молодцом!", "Спаси и сохрани!" — это уже бабушка, она поцеловала Павлика, перекрестила: "С Богом!".

Окончание в следующем номере.

Татьяна ОКОЛЬНИЧЬЯ

“И приходит озаренье...”

***

Как окошко жизнь раскрыта
Прямо в утро, прямо в лето,
С маковки до пят облита
Золотистым мёдом света.
Как душист, как звонок, лёгок
Этот свет — душа взлетает!
И, спустившись на ромашку,
Словно карамелька, тает.

Городу моему

Иду к тебе, мой старый Павлодар,
Саманный, деревянный город детства.
Не ведал о заборах наш квартал,
И было близким дальнее соседство:
Тогда тебе не заслоняли сердца
Слои бетона — ты тогда дышал
Свободной грудью степью изумрудной,
Где ветры пряны от дыханья трав.
А как гулял по праздникам квартал! —
Живёт во мне той радости наследство:
Тех песен и частушек шквал —
Гармонь с домброю по соседству!

Горница

В горнице дома Павла Васильева

Ах ты, горница-солнце
В четыре оконца! —
Образа и бумажные
Розы в углу.
Раствори мне окно,
Моя звонкая горница,
Я к рассветной реке
Босиком убегу.
Мне прошепчут черёмухи
Возле колодца
То, что кроме меня
Не понять никому:
Они учат меня,
Как весеннее солнце
Превращать в лепестки

И в цветы, и в листву,
Как — корнями с землёй —
В мир, как в небо, глядеться —
Они учат
Простому на вид волшебству:
Как, строку напоив
Жаром щедрого сердца,
Ветки первых стихов
Прорастить в синеву.

У бюста Павла Васильева

Красный сок гвоздик замёрзших,
На граните в бронзе — ты.
В декабре тебе приносят
Эти красные цветы.

С них, оттаявших весною,
В снег, как кровь, стекает сок.
Ты ж — весь бронзовый — спокоен,
Будто яростным прибоем
Стих не бился о висок.

Было так: палач и жертва,
Кровь и боль, и волос сед...
На скаку умолкло сердце
В 27 полынных лет.

Смолк твой сочный мощный голос,
Стих в ночи твой смертный крик,
Будто солнце раскололось,
И, пронзая чёрный космос,
Лик сияющий возник.

Поэт

А у птиц не бывает морщин:
Птичье сердце
От взлёта до взлёта
Птичью кровь,
Как крылом, ворошит
Голубым продолженьем полёта!

В начале всё же было слово...

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

А. С. Пушкин

В начале всё же было слово,
Во тьме сверкнувшее, как нож, —
Не сказанное всуе слово:
Произнесённое есть ложь!

Прекрасен замысел Господен —
Небесным оком обозрим —
Где мысль сверкнула третьеводни,
Возник из слова Божий мир.

Разъединились темень с светом,
Заголубели небеса,
И если б не был Бог Поэтом,
Он жизни бы не написал!

И кто поэт? — Творца творенье,
Провидца даром наделён,
Он — божий сын? Земной ли гений,
Он — ангел света? Демон он?!

Приходят в мир земной поэты,
Его пророки и творцы,
Чтоб на земле медвяным светом
Сияли божьи бубенцы,

Чтоб на лиловых струях ветров
Сверкала молний мишура —
Влетают в мир земной поэты,
Как искры божьего костра.

Влетают в мир земной Есенин,
Цветаева, Васильев, Блок —
В мир этот радостно-весенний,
Где был поэтом первым Бог!

К книге стихов Ольги Григорьевой "Вечный сюжет"

Вот книга стихов. Вот "Вечный сюжет"
— Кто автор их?
— Женщина с именем Ольга.
— Княгиня, святая?
— Нет. Просто — поэт.
А это всегда
Где-то рядышком с богом!

Какая чистая и ясная душа,
Какая мудрость!
Как трепетно, светло и грустно
Коснулись сердца крылья строк.
Как хорошо мне — видит Бог!
Так тихо люстра
В конце спектакля освещает зал, —
А в нём ещё страстей накал,
И не уходит потрясённый зритель.
Тихонько кто-то слёзы вытер,
Волнуется оваций шквал,
И тянутся к сердцам незримо нити.

И пусть не нов сюжет стихов —
Сюжет их вечен.
В них жизнь земная и любовь,
Как в храме свечи.
И в вязкой тине дел и дней
Стихи — как праздник.
Как хорошо мне — ей-же-ей!
На сердце радость.
Как хорошо мне — видит Бог:
Коснулись сердца крылья строк.

Берёзы

Моей маме Окольничьей Тамаре Михайловне

Сквозь берёзовые ветки
Весь февраль гляжу на небо.
Я совсем как птица в клетке
Вижу небо сквозь ажур,
Где оранжевой креветкой
Солнце плавает в лазури
И качается на ветках
Сонный лунный абажур.
Две берёзки, две соседки —
Чистота и озаренье!
Я ловлю, я пью мгновенья
Этой звонкой чистоты.
И на ум приходят горы:
На скале крутой и голой
В круговерти всех ненастий,
Напружинясь как струна,
Тихий свет струит берёза,
Так доверчиво и просто,
Будто все людские слёзы
Утолить должна она!..
Так я думаю в ненастье,
Примеряясь к слову "счастье",
В ожиданьи откровенья
На извечный сей вопрос.
И приходит озаренье
Как языческой простушке,
Что как вдруг святые души,
Что слетают с дальних звёзд,
Чтобы мир земной послушать,
Чтоб подать пример смиренья,
Стали душами деревьев,
Стали душами берёз?!

Синий конь

Бахытжану Канапьянову

В полуяви, в полудрёме,
В полугрёзе, в полусне
У скирды ржаной соломы
Синий конь приснился мне.

— Синий конь, а птице синей
Вы, случайно, не родня? —
В незаконченности линий
Профиль дивного коня.

Покосился влажным глазом,
Веком бархатным моргнул —
Заискрил восточной вязью
Тонкий месяц возле скул.

Этот конь — шальной, крылатый —
В гриве звёзды и цветы —
Он к тебе влетает, брат мой,
Из вселенской темноты.

Он является не многим,
Он слетает с дальних звёзд,
Этот чудный иноходец,
С чёлкой, сотканной из грёз.

Прихотлив, как мир поэта,
Волен, как поэта мысль,
Он рождается из света,
Пьёт из лунных чаш кумыс.

Он проносится над степью,
Не касаясь сонных трав,
В бег свой звон тысячелетий,
Словно музыку, вобрав.

И когда в окно влетает
Сквозь времён седые мхи,
У поэта расцветают
В сердце песни и стихи!

Кисловодская легенда

Науму Григорьевичу Шаферу

Вечерело в Кисловодске,
Пел шарманщик возле дачи,
И ему с его шарманкой
Мало верилось в удачу.
Пел шарманщик, и шарманка,
Словно старый шкаф, скрипела.
Пел шарманщик, и шарманка
Думала, что тоже пела.
Потускнела позолота,
Поистёрлась бахрома —
Знать, шарманкина работа
Недоходная весьма.
Хоть пестрит народом площадь, —
До артистов дела нету.
Разве только вон извозчик
Кинул мелкую монету.
Тут в ответ на скрип шарманки
Заскрипела вдруг калитка,
И к шарманке-оборванке
Господин пошёл не прытко.
В белой чесучовой паре,
Шляпа, трость — богатый барин!
— Ну, гляди, шарманка, в оба —
Видно, знатная особа.
Господин серьёзно слушал,
Шляпу снял и глаз прищурил.
Будто глядя песне в душу,
Брови светлые прихмурил.
А когда замолкла песня,
Господин сказал басисто:
— Вот, дружок, возьми на память —
Как артисту от артиста!
Ты меня до слёз растрогал.
От души дарю, ей-богу!
— Нищему зачем брильянты?
Мы — ночлежные таланты.
Не возьму, брильянт, простите —
Лучше чаркой угостите!
— Ну, тогда, что делать, знаю —
Песней заплачу за песню.
Что ж, шарманка дорогая,
Будешь петь со мною вместе?
Ты играй, играй, шарманка,
В жизни раз бывает случай.
У шарманки-оборванки
Собралась народу куча.

Словно тройка громыхнула
Вдоль по Питерской-Ямской,
И "Дубинушка" дохнула
Человеческой тоской.
А потом, взяв шляпу в руки,
Господин пошёл по кругу.
— Эх, какую кучу денег
Заработали мы вместе!
— И теперь одна забота —
Поделить их честь по чести!
— Всё твоё, что в этой шляпе!
— Ну, спасибо. Сам-то кто ты?
— Сам я — вроде как Шаляпин —
Твой коллега по работе.
А толпа рукоплескала —
Зной взрывался от оваций!
И от криков "бис" и "браво"
Осыпался цвет с акаций.

Лучик

Галине Беспаловой,
павлодарской художнице

Тараканом рыжим солнце
Соскочило с края тучи,
И на скатерти смеётся
Крохотный, но дерзкий лучик.
Ты следишь за ним тихонько,
Лишь бы только не спугнуть!
Он по ниточке по тонкой
Вытанцовывает путь.
Он тебе устроил праздник
Этот маленький проказник,
Он тебя как будто дразнит:
Белый, синий, жёлтый, красный...
Вот скользнул на край мольберта
В непросохшие мазки.
И свернулся вдруг креветкой,
Как вопрос в конце строки.
Лучик радостного солнца —
Дуновенье вдохновенья!
И, как вздох со дна колодца,
Кто-то властный — разум вспенил!
И оркестр палитры грянул
Под рукою дирижёрской.
На холсте мазки от "piano"
До "пронзительно и остро"!
В круг языческие боги
Сдвинулись, сверля очами,
В пляске яростной и строгой,

То ль в восторге, то ль в печали.
Кисть в немом забилась крике.
Роем — лица, светом — лики!
Жемчуга, браслеты, кольца
В стоне росных колокольцев!
И, расписывая лики,
Кисть художника взлетает.
На цветах и листьях — блики,
Над холстом сам Бог витает.
И когда черным чернее
Ночь примчит с куском сангины,
Звонким светом обогреет
Лучик, впаянный в картины.

Художник

Павлодарскому художнику
В. М. Мартынцеву

Свечи сгорают,
И вянут цветы —
Хрупок, не вечен
Миг красоты.
Только художник
С мгновеньем "на ты" —
И на холсте
Не завянут цветы,
И не погаснет
Зажжённая свечка:
Миг красоты их
Продлён в бесконечность. —
Миг озаренья,
Служенья, горенья, —
Сплав вдохновенья —
И краски чисты! —
И не утрачен
Миг красоты, —
Если художник
С гореньем "на ты"!

Рождение музыки

Ларисе Лобченко,
музыканту, композитору,
обаятельной женщине

Оттого ль, что медь браслетов
Жарко тлела на запястьях,
И стонали кастаньеты
В брызгах огненного счастья,
Рассыпался смех гитары
Разноцветным монпансье,
Пёстрой шалью с кистью алой,
Яшмой, яхонтом, опалом,
Жарким шёпотом перстней.
Словно вихрь душа взлетала —
Ей всё было мало, мало
Красок пепельных рассвета,
Где превыше всех запретов
Ртутью медленно стекала
Страсть по шёлку одеяла.
И искрилось, и звенело

В синих звуках скрипки тело!
Из намёков, из проклятий,
Волхвований и объятий,
Из молитв и откровений,
Из восторгов и сомнений —
Вдруг — в безмерности мгновенья —
Точно выстрел! Озаренье!
И — рутинная работа:
Сердце положить на ноты.

Атос

Моему мужу
Петеру Владимиру Карловичу

На кровати лежит человечек,
Одеялами стиснуты плечи,
Темень в доме. Погашены свечи.
Мать сказала: — Спать, спать, человечек!

Но ему не лежится, не спится.
Темень чёрною пряжей на спицах,
Страхи впитывая зрачками,
Выползает из недр зазеркалья.

Чёрный плащ, чёрный глаз, чёрный шорох.
Ужас прячется в бархатных шторах!
Заворочались чудища в норах,
Воры рыщут в ночи вдоль заборов!!!

Чьи там чёрные пальцы на раме?
Человечку хочется к маме,
Но молчит человечек упрямо.
“Храбрый мой, — пела вечером мама. —

Храбрый мальчик мой,
Рыцарь мой славный...” —
Пальцы крошечные на раме!
Настежь створки — и вниз,
К чёрным страхам —
В мокрый парк,
Точно рыцарь на плаху!

Тень от вяза маячит на шторах...
Тень безглаза, плащ тучи разорван... —
Нет ни чудищ, ни воров... А шорох?!
Дождь гуляет бочком вдоль заборов!

Человек рассмеялся средь сада:
Глупых страхов бояться не надо!
Гордый — в дом — победитель химер —
Пятилетний граф де ля’Фер!

Золотой кораблик

Дочери Ксюше в день рождения

Золотой кораблик сердца,
Яркий, солнечный прибой —
То ли фуга, то ли скерцо
Над землёю голубой!

Золотой кораблик сердца
Так доверчив, весел, чист,
Что порханьем лёгких терций
Заполняет нотный лист! —

Тут и скрипка, и валторны,
И литавры, и свирель —
И гитаре вторит томной
Лёгких клавишей капель.

Золотой кораблик сердца,
Дат семейных карусель —
Это солнечное скерцо,
Эти март, октябрь, апрель!

Июльский дождь

Моей дочери Наташе
в день её 33-х-летия

Как радовался город,
Как счастлив был весь город,
Когда вдруг дождь нескорый
Прошёл над мостовой,
Над рыжими домами,
Над крышами трамваев,
Над тусклыми словами,
Над грустною листвой.

Помолодело лето,
Зазеленело лето,
И, как усталость, с веток
Стекает грусть забот.
Промокшее до нитки,
Хохочет в арках эхо,
И, выгнув спину, чинно
Обходит лужи кот.

Я в утро окунаюсь,
Я заплываю в утро,
Я утром восхищаюсь
И растворяюсь в нём.
И как в такое утро
Быть правильной и мудрой? —
И я снимаю туфли —
И в утро — босиком!

А в каждой луже солнце
Блестящей рыбкой бьётся,
И я несусь за солнцем
Вприпрыжку и бегом.
И пусть в окно трамвая
Мне кто-то улыбнётся,
И в счастье окунётся,
И растворится в нём!

Валерий РУМЯНЦЕВ

Пять рассказов

Семён

1

Никто не знает день своего прозрения. Семён Беспалов считал, что он попал в тюрьму случайно. Был у друга на свадьбе. Гости то и дело кричали “Горько!”. Видимо, таким образом они делились с молодожёнами опытом своей семейной жизни. Он тоже кричал; потом выпил лишнего, ну и затеял с каким-то родственником невесты, прилетевшим с Севера, спор. Трудно быть уравновешенным — даже река иногда выходит из берегов. И каким-то непонятным образом пустяковый спор перерос в драку. Семён даже не помнил потом, кто первый ударил. Не вспомнил он и то, как его шофёрские руки схватили стоявшую рядом табуретку и с размаху опустили её на голову приезжему. Всё бы ничего, протрезвели и разобрались бы по-свойски, однако вышло иначе. То ли табуретка оказалась тяжёлой, то ли рука у Семёна крепкой — но в результате северянин попал в больницу с формулировкой “тяжкие телесные повреждения”. Понятное дело: милиция, следствие, суд — и в конце этой цепочки вот она — тюрьма. И в ней теперь обживается остриженный наголо Беспалов. Он каждый день пишет своей жене Любаше длинные письма, пронизанные раскаянием за совершённую глупость. “Ну откуда взялся этот чудак на мою голову?” — сокрушается в который раз Семён. Впрочем, Беспалов винил только себя. В письме жене так и написал, что, мол, оказался дурак дураком, что именно водка затолкала его на нары. Однако такого в его жизни больше никогда, никогда не повторится. И вообще, к рюмке он теперь не подойдёт, хоть убей. Об отречении от алкоголя в письме так и написал: “Клянусь тебе, Любаша, нашим сыном: ни грамма больше не выпью за всю оставшуюся свою жизнь”. Он действительно так решил и ни капли не сомневался, что сдержит своё слово. Семён обещал жене поступить заочно в техникум, а потом, если получится, и в институт. Какие, дескать, у него годы — всего двадцать пять, цветущий возраст. А если есть цветущий возраст, значит, должен быть и возраст плодоносный. Семён подробно описывал, как они будут счастливо жить, как продадут мотоцикл и купят для начала подержанные “Жигули”, а потом, бог даст, — и новую “Волгу”; что обязательно у них года через три-четыре родится ещё и дочь, и её тоже надо будет назвать Любашей. Мол, сидеть-то ему всего два года, а за примерное поведение могут и скостить — это здесь часто практикуют. Надо только выйти отсюда. И тогда он заработает столько денег, что на всё хватит. Некоторые люди как-то же становятся богатыми. А он чем хуже? Обязательно купят себе дом, не век же Любаше толкаться со свекровью в одной хате. О многом ещё писал Беспалов; ему хотелось вымолить у жены прощения за всё, что он натворил. Ладно, пусть даже не простит. Проживёт и непрощённым. Но чтобы ждала; так же, как ждала его из армии.

В письмах планы на будущее чередовались с воспоминаниями: и как они учились в одном классе, и как после выпускного вечера уже под утро он первый раз прижал её к себе, и как весело прошла их свадьба. А сколько восторга было, когда три года назад родился их сын Михаил. Правда,

Семён не стал упоминать, что в тот день вместе с друзьями он выпил ящик водки и чуть не утонул в реке. Тогда он ещё не понимал, что самый опасный водоём — стакан.

Будущее всегда таит в себе надежду. Беспалов жил надеждой, что Любаша не откажется от него, дождётся. И с первого дня пребывания в зоне каждый день писал ей письма, надеясь вот-вот получить ответ на первое письмо.

2

Через два года, ранним летним утром Беспалов прибыл на станцию, от которой до родного села ходьбы меньше часа. Это было самое счастливое утро в его жизни. День намечался пасмурный, но настроение у вчерашнего заключённого было светлым. Мимо него прошла всего одна попутная машина, но и та не остановилась. Это нисколько не испортило приподнятого настроения Семёна, и он лишь прибавил шагу. Зона позади — и это самое главное. Свобода! А воздух свободы наполнен ароматом надежды. Впереди, что бы там ни случилось, полноценная жизнь с теплом домашнего очага, работой без принуждения, радостью общения с родными и самыми близкими. Вот уже и село, и хорошо видна крыша родного дома. И телеграмма о том, что он освободился и едет, должно быть, лежит на столе, на скатерти, в передней. Семён ускорил шаг и вскоре почти вбежал во двор, оставив калитку открытой. Его колени подкосились, он обнял крыльцо и со слезами счастья на глазах стал целовать каждую ступеньку. Но даже слёзы счастья имеют солёный привкус жизни. Что же он наделал? Там, за дверью, его сын, который рос без него два года. А мать? Её уже нет. Из-за колючей проволоки он не мог протянуть ей руку помощи, когда она угасала, долго и мучительно; и, когда умерла, он не шёл за её гробом и даже не знает, где на сельском кладбище её могила. “Какой же я дурак. А Любаша...”. Суета за дверью. Скрип петель. И через минуту Семён обхватил руками тёплые ноги своей жены и целовал, целовал их, задыхаясь от волненья, приговаривая: “Прости меня, прости, прости...”.

Оставим на некоторое время наедине мужчину и женщину, которые не виделись два года.

После обеда они вдвоём сходили на кладбище на могилу его матери. Потом по пути домой заглянули к родственникам и друзьям, пригласили их вечером в свой дом отметить возвращение Семёна. Такого дня, переполненного чувствами, разговорами о будущем, всплесками радости и встречами, в жизни Беспалова не было. А ещё Семёну хотелось подольше побыть вместе со своим пятилетним сыном. При первой возможности он наблюдал за ним, но тот был в этот день не по-детски серьёзен. Мишутка не спешил признавать в приезжем отца, иногда пытливо посматривал на него и, казалось, что в эти минуты он думает про себя: “Мы ещё посмотрим, что ты за птица”.

Вечером в дом к Беспаловым набилось много народа. Усадить всех гостей в передней комнате не удалось; пришлось принести от соседей три стола и поставить их в прихожей, которая одновременно была и кухней. За угощение хозяину стыдно не было: на столах были и водка, и самогон, и много закуски. Родной дядька Семёна забил по такому случаю несколько кроликов, которых он разводил уже много лет. Он же, когда все расселись, произнёс первый тост:

— Ну что, дорогой племяш. Вот ты и вернулся. Я всегда был тебе как отец, коль судьба тебе выпала без отца расти. И скажу тебе как отец: конь на четырёх ногах, да и то спотыкается. Что ж, всякое в жизни бывает. Главное — не наступать на одни и те же грабли второй раз. Вот и давайте выпьем за благополучное возвращение.

Все дружно выпили и потянулись за закусками. Семён залпом выпил свою рюмку, которую он сам предварительно наполнил холодной колодезной водой. После третьего тоста за столом стало ещё оживлённее, посыпались сальные шуточки. Когда Беспалов проглотил, опять же одним махом, содержимое четвёртой рюмки, то почувствовал, что она оказалась с водкой. Кто-то заменил его рюмку, пока он отлучался из-за стола. Семён разозлился, ещё не зная на кого, но вида не подал. Потом он почувствовал приятное лёгкое возбуждение и на смену угасающему раздражению пришло умиротворение. Следующую рюмку себе он налил уже сам и при этом решил: "Две рюмки — и на этом всё". Впрочем, после второй рюмки Беспалов уже не видел в спиртном своего врага; наверное, потому что этот враг проник в него и назвался другом. Одна рюмка догоняла другую, и все вместе они заставляли виновника торжества громко смеяться и говорить направо и налево различные глупости. Семён давно уже так вкусно и так много не ел. Он был весел, смотрел на присутствующих и думал, как всё-таки хорошо, что все собрались. Подмоченную репутацию сушат публично. Пусть все убедятся, что он уже дома и начинает нормальную, как и они, жизнь. Да что там, как они! У него будет лучше, чем у них.

Застолье было в разгаре. Уже один разбил тарелку, другой свалил бутылку с самогоном, третий начал говорить нечленораздельно. Были тут и те, кто и пить торопится, и буйствовать спешит, но до драки дело не доходило. Некоторые присутствующие не только совершали глупости, но и соревновались в этом. Те, кто потрезвее, сглаживал возникающие конфликты и успокаивал крикунов. Когда на улице стемнело, на столах в прихожей закончилось водка. Ну что может быть хуже для хозяина, когда не хватает спиртного? Только нехватка закуски. Беспалов вышел из дома, выкатил из сарая свой мотоцикл и завёл его.

3

"Ничего, — рассуждал он, набирая скорость по укатанной грунтовой дороге, — это дело поправимое. До станции всего три километра. Будет вам, дорогие гости, водка по такому случаю". На станции магазин работал круглосуточно, и там можно было купить спиртное. Ветерок обдувал ездока. Он мчался по дороге и думал, как замечательно началась его новая жизнь. Семён не подозревал, что новую жизнь начать легко, но трудно закончить старую. Его душа пела; а когда душа поёт, мы не замечаем фальши. Хорошая штука транспорт: не успел оглянуться — и перед глазами станция. Правда, товарные составы мешают пройти к магазину. И какого кляпа их тут нагнали. Беспалов заглушил мотор, слез с мотоцикла, приставил его к столбу и направился к молчаливо стоявшим составам, отделяющим его от здания станции. Он пролез под вагонами трёх составов, отоварился в магазине и двинулся назад, чтобы довести начатое дело до ума, а доведение до ума требует точного знания маршрута. И он полез под вагон первого состава. Успешно миновав два состава, он нырнул под вагон третьего. Семён уже вылезал из-под вагона последнего состава, как

неожиданно над его ухом раздался оглушительный собачий лай. Он инстинктивно дёрнулся назад, стукнувшись головой обо что-то металлическое. Хмельная голова закружилась, и на мгновение утратила способность воспринимать происходящее. Семён даже не услышал звон бьющегося стекла в сумке. И в этот момент вагон товарняка тронулся. Беспалов, сидя на шпалах, только видел, что колёса медленно и безразлично катятся на него. Он подумал, что его голова, получив железную оплеуху, рисует в своём больном воображении движение стоящих на месте колёс. Собака залаяла ещё громче, чувствуя своё превосходство над человеком, который вёл себя как-то странно. Сознание подсказало Семёну, что надо выбираться из-под вагона в противоположную сторону, и он медленно, слишком медленно начал движение. Он уже почти вылез. Появившийся вагонный скрежет подсказывал ему, что колёса действительно катятся на него. Осталось убрать с рельса почему-то отяжелевшие и непослушные ноги. Но этого сделать он не успел…

Что было дальше, Беспалов не помнил. Один лишь раз он пришёл в сознание и услышал, что кому-то поездом отрезало ноги. В больнице, когда Семён очнулся и узнал, что с ним произошло, он сначала не поверил, а потом долго плакал, горько и безутешно…

И осталось ему в жизни одно: влачить себя по дороге жалкого существования.

Сухари

1

Жизнь устроена так, что у каждого молодого поколения есть свой враг. Поколению, к которому принадлежал Василий Черкашин, противник достался сильный, временами даже казавшийся неодолимым. И звали этого врага немецкий фашизм. Черкашину немного повезло. На фронт он попал не в трагическом сорок первом, а в октябре сорок второго, когда и немцы начали выдыхаться, и наша Красная Армия от солдата до генерала многому научилась.

Прошёл месяц, как Черкашин носил шинель, но ему казалось, что минуло уже полгода. Когда идёт война, восприятие времени иное. Правда, до фронта они пока не добрались, хотя до него осталось рукой подать. Где-то там, за горизонтом, рвутся бомбы и снаряды, и ветер приносит только отголоски этих разрывов. Вчера утром их колонну тормознули, и все они чего-то ждут. Никто не знает чего. Дали команду сдвинуться на обочину и стоять. Вот они и стоят. А мимо идут солдаты, идут и идут туда, где каждый день тысячами убивают и калечат. О чём думает каждый из этих солдат? Спросить бы их… А кто спросит? Не до расспросов сейчас. Все думают только об одном: быстрее бы закончилось это проклятье — война.

Черкашин, как и другие ребята из его взвода, спасаясь от холода у костра, томился в ожидании. Сухари, которые каждому из них выдали как суточный сухой паёк, уже давно перекочевали в их молодые желудки, и от этих сухарей остались одни воспоминания. Как часто бывает, в такие минуты разговор заходит о еде. Каждый вспоминал, какие блюда готовили дома, каков вкус этих блюд. Армянин Ашот нахваливал хаш, который часто варила его мать, при этом он причмокивал, закрывая глаза. Казах Самет спорил с ним и доказывал, что лучше бешбармака ничего нет. Вспоминали

и русские щи, и хашламу, и пельмени, и шашлык, и манты, и много ещё чего. А москвич, по фамилии Берг, рассказал, как он до войны бывал с отцом в ресторанах, и называл блюда, о которых никто не слышал.

Когда мимо них проходили грузовики, крытые брезентом, всем было ясно, что везут или боеприпасы, или продукты. Об этом стали говорить всё громче, но пока была махорка, крамольных мыслей вслух никто не высказывал. Когда же козью ножку из последней махорки по очереди докурили, стало совсем паршиво. Махорка и кипяток ещё как-то отвлекали от голода, но когда стемнело и остался один кипяток, раздался нерешительный голос Берга:

— Можно было бы разведать, что там везут в машинах, но нельзя. Мы же комсомольцы. Я правильно говорю, Черкашин? Ты же у нас комсорг.

Черкашин поёжился то ли от холода, то ли от провокационного вопроса и ничего не ответил.

— Разведать-то можно, — продолжил тему Ашот, — только после этого и в штрафбат загреметь можно.

— Быстрее бы на фронт. Там-то, говорят, кормят нормально…

В разговор о том, какие же продукты везут в грузовиках на фронт, втянулись уже почти все. Не участвовали в этом разговоре только Черкашин и малоразговорчивый сибиряк Чуев. Василий как комсорг не имел права подрывать дух комсомольцев подобной болтовнёй. И он отмалчивался. Хотя в душе он соглашался с намерением своих завтрашних боевых товарищей. Только бы хлебных продуктов и махорки! На большее они не претендуют. Когда стемнело, Берг в шутку предложил провести комсомольское собрание на тему “Роль комсорга в обеспечении личного состава сухим пайком”. Василий молча встал и отошёл от костра.

— Наш комсорг так наелся, что пошёл до ветру, — попытался пошутить Берг, но в этой фразе никто не усмотрел шутки.

Черкашин неслучайно удалился от своих сослуживцев. Он услышал, как вдалеке послышался шум мотора. Машина шла в сторону фронта. В голове комсорга молниеносно созрел план. В двухстах метрах от него поворот дороги, значит, водитель снизит скорость. Там же, на повороте, ложбинка, в которой можно спрятаться, иначе свет фар машины зацепит его фигуру; тогда и шофёр и сопровождающий груз будут настороже. Черкашин быстро добежал до ложбинки, снял шинель, кинул её на землю, лёг сам и, расстегнув несколько пуговиц на гимнастёрке, превратился в охотника, который хочет убить голод. Когда полуторка поравнялась с Василием и начала тормозить, он метнулся к машине, в мгновение ока зацепился за задний борт, подтянулся, нащупал ногой какую-то опору и правой рукой юркнул под брезент. Рука легла на картонный ящик, отодвинула какое-то препятствие и нащупала сухари. Почти машинально рука схватила добычу и отправила её за пазуху. Несколько таких движений — и Черкашин спрыгнул на дорогу. Бегом он вернулся к шинели, быстро надел её, растолкал добычу по карманам и, скрывая возбуждение, вернулся к костру.

— Черкашин! Ещё один ужин проехал мимо… — не унимался Берг и кивнул на дорогу.

— Ну хватит тебе приставать к комсоргу, — прервал москвича Чуев. — Смотри, а то доболтаешься.

— Я так понимаю, что пора доставать “НЗ”, — объявил Василий и начал раздавать сухари товарищам.

Все восхищённо загалдели, а Берг кинулся обнимать Черкашина, приговаривая:

— Ну ты молодчина, настоящий комсорг. Всю жизнь помнить буду…

Когда ели сухари, все понимали, как эти сухари попали в карманы к Черкашину, но вслух никто не проронил ни слова. Костёр, кипяток, да ещё и сухари — уже можно было жить. После непредвиденной трапезы Чуев махнул рукой и к изумлению всех выпалил:

— Раз пошла такая пьянка!..

При этом он достал три щепотки махорки: всё, что у него оставалось на чёрный день.

Вкус тех сухарей и той махорки Черкашин запомнит на всю жизнь. А жизнь у него была ещё впереди. Два года, проведённые в окопах, завершились тяжёлым ранением. Орден Славы на груди говорил о том, что те сухари ему можно было простить. Черкашин вернулся с фронта и пошёл дальше по жизни как разведчик по тылам противника. Звёзд с неба не хватал, работал токарем в вагонном депо и так дожил до пенсии.

2

Прошло много лет. Очень много. Ушли годы — и ни слуху ни духу… Василий Степанович Черкашин только что перешагнул семидесятилетний рубеж. Однако радости от этого он не испытал. Пришли другие времена, когда борцы с привилегиями перешли на сторону противника, когда в гонке за богатством победителей уже не судили, когда богатые провели черту бедности, когда торжество лжи широко освещалось через средства массовой информации, когда опьянение свободой пока ещё не вызвало похмелье заднего ума, когда нищие духом объединились в гильдии, когда из двух зол стали выбирать тайным голосованием. А выборы в Думу? Они показали, что только очень богатые люди могут позволить себе думать о родине. Ветер перемен поднял пыль, за которой Черкашину трудно было рассмотреть происходящее. Вокруг него бурлила совершенно иная, чуждая для него жизнь. То, ради чего он проливал свою кровь, за что в меру своих сил боролся всю свою жизнь, новая власть, не задумываясь, перечеркнула. Получалось, что свою жизнь он прожил зря. Черкашин так же, как и миллионы других его соотечественников, растерялся в этой новой жизни. Он не понимал и не хотел понимать, как это всего за три-четыре года одни россияне умудрились заработать миллионы долларов, а несколько человек — миллиарды. Сам Черкашин относился к той категории, кого судьба бросила в потребительскую корзину, а попала в мусорную. Пришло время, когда будущее уже не таило в себе надежду. Видимо, поэтому он достал бумажный портрет Иосифа Сталина, который бережно хранил много лет, и кнопками прикрепил его у себя дома на видное место.

Однако и в новой жизни у Василия Степановича иногда бывало и что-то хорошее. Поздней осенью, когда пожаловали первые морозы, ему неожиданно дали путёвку в санаторий, и он первый раз в жизни приехал на юг. Подавляющее большинство отдыхающих сочинского санатория “Волна”, куда прибыл Черкашин, составляли так называемые “социальники”, то есть те, кому государство выделило бесплатную путёвку и оплатило дорогу до здравницы и обратно домой. В основном это были пожилые люди, которых жизнь особо не баловала. Стояла уже середина ноября, но солнце не до конца растеряло свой задор. С деревьев тихо и безропотно сыпались

листья. Василий Степанович сидел на лавочке и смотрел на листок, который только что упал к его ногам. Ещё немного лет, подумал он, и он также, как этот листок, упадёт и исчезнет с лица земли. Хотя обед в столовой санатория уже начался, Черкашин не спешил. Он вошёл в столовую специально позже всех, кушал не спеша, чтобы уйти последним. Это он делал для того, чтобы в обезлюдевшем зале взять с десяток кусочков хлеба. После этого он сразу же направился в свою палату и бережно разложил принесённые кусочки на тёплую батарею.

И так происходило изо дня в день.

За два дня до отъезда Черкашина из санатория погода закапризничала: резко похолодало и пошёл нудный мелкий дождь. Генеральный директор санатория сидел у себя в кабинете с плохим настроением, но не по причине плохой погоды. Он погрузился в раздумья о том, как дополнительно выкупить акции санатория, чтобы контрольный пакет был у него в руках. А как известно, пока цель не достигнута, она господствует над нами. Его размышления прервал стук в дверь. Вошла заведующая корпусом и, не успев отдышаться, негодующим тоном стала докладывать:

— Николай Алексеевич, у нас ЧП. Только что горничная сообщила, что при уборке сто четырнадцатой палаты в шкафу она обнаружила рюкзак с сухарями. Как выяснилось, рюкзак принадлежит отдыхающему Черкашину…

— Ну это разве ЧП, — равнодушно отреагировал руководитель здравницы.

Потом он встал из-за стола, подошёл к окну, на мгновение задумался. — Наверно, этот Черкашин — человек пожилой?

— Да, Николай Алексеевич, вы прямо в точку попали. Черкашин — участник Великой Отечественной войны. Зовут Василий Степанович, — уже спокойнее продолжала докладывать заведующая корпусом.

— Пригласите его сейчас ко мне, — сказал хозяин кабинета и снова стал смотреть в окно, дав понять, что разговор окончен.

Вскоре в дверь кабинета нерешительно постучали, и на пороге показался сухощавый старичок среднего роста. Он неуверенно закрыл за собой дверь и в нерешительности застыл на месте. Костюм на нём был потёртый, старого фасона, в руках он сжимал выгоревшую фуражку. Видавшие виды ботинки красноречиво свидетельствовали о том, что их хозяин сушит сухари не от хорошей жизни. От спального корпуса до административного здания старик шёл без зонта — и его обременённое глубокими морщинами лицо было влажным.

— Проходите, присаживайтесь, — спокойно предложил хозяин кабинета и указал жестом на приставной стол, облепленный с двух сторон стульями.

Старик сел, положил фуражку себе на колени и опустил голову. Он знал, о чём пойдёт речь.

— Пожалуйста, дайте вашу санаторно-курортную книжку.

Черкашин вынул из внутреннего кармана книжку и молча протянул её генеральному директору. Николай Алексеевич не спеша полистал страницы, убедился, что отдыхающий принял мацестинские или йодобромные ванны, гидромассаж и другие процедуры.

— Василий Степанович, а скажите мне, зачем вы сушите сухари? Только честно.

Лицо у старика дрогнуло, и на глазах выступили слёзы. Он наклонил седую голову и стал рукой вытирать глаза. После затянувшейся паузы он хотел что-то сказать, но горло не слушалось, и он смог только проглотить слюну.

— Я прошу прощения, но я хочу получить ответ на свой вопрос.

Черкашин тяжело вздохнул и стал объяснять:

— Понимаете, мне уже восемь месяцев не платят пенсию. То задерживали на три-четыре месяца, а в этом году стало ещё хуже… Мне-то пенсии хватало. Я ведь один. Жену три года назад похоронил. Сын с семьёй в Приморском крае. Живу на станции под Ленинградом. Всё бы ничего, если бы пенсию давали… А без хлеба как? Вот, думаю, сухарей хоть привезу и дотяну. У меня ведь огородик, куры… Деньги-то у меня были на книжке, были деньги. Да Гайдар всё отобрал… — кулаки у старого солдата невольно сжались.

— Ну, понятно. Да вы не расстраивайтесь, Василий Степанович. Время сейчас тяжёлое, я вас ни в чём не виню.

Они поговорили ещё минут пять и в заключение беседы Николай Алексеевич проводил ветерана до двери, пожал руку и добродушно сказал:

— Если будут ещё раз давать путёвку в наш санаторий, приезжайте.

Через два дня Черкашин уезжал домой. На перроне он купил газету и сел в поезд. Когда вагон вздрогнул и покатился, он достал очки, развернул газету и стал знакомиться с последней страницей. В колонке под названием “Фразы” он прочитал: “Мимо нас прошла целая эпоха, а мы остались невозмутимы и загадочны, как сфинксы”. Василий Степанович отложил в сторону газету и, глядя в окно, долго думал над этой фразой.

Кома

Они не оставляют меня ни на минуту. Кажется, это длится уже вечность. Время дёргается, кружит, петляет и… стоит на месте. Эти лица вокруг, плачущие, деловые или суровые сменяют друг друга как на карусели. Карусель мыслей похожа на шум моря, белый шум моря…

И сквозь мысленный шум яркими блёстками калейдоскопа беспорядочная череда картин иной жизни. Может, прошлой? Трудно сказать. А если прошлой, то моей ли? Не знаю…

Запах перемен. Ветер гонит волны по ковыльной степи. Волны доходят до меня, щекочут колени и убегают к горизонту. Солнечный шар в чистой бездонной синеве. Большой и добрый мир… Пронзительный свист, и осколки солнца падают в поднимающуюся темноту. Звёзды. Мириады звёзд и знакомые созвездия. Звёзды на погонах. Звезда в стакане. Колкая прохлада на губах. Кремлёвские звёзды и крики ворон, мечущихся над прожекторами. Свет. Яркий свет, в котором растворяется всё вокруг…

Дедушка держит меня за руку и сдерживает шаг, чтобы я не отставал. Я бегу по кромке песчаной косы, и брызги летят из-под ног. Впереди то и дело взлетают белые чайки. Они пролетают мимо меня и с криками носятся над Волгой. Воздух пахнет речной свежестью и цветущей травой. Я бегу всё быстрее и быстрее…

Я бегу изо всех сил, но шум моторов всё ближе. Мост через заросшую камышом речку, знакомый забор, калитка, испуганное лицо мамы, бросившейся навстречу. А вокруг крики, выстрелы, чужие грубые голоса… Я смотрю в окно на проносящиеся по улице мотоциклы и вижу в оконном стекле своё отражение. Но это лицо дедушки.

Оно дрожит и затягивается подступающим сумраком. Я проваливаюсь в него и лечу сквозь сгустки тьмы...

Последние куски облаков проносятся мимо иллюминаторов, самолёт резко снижается, и мы приземляемся на Ханкале. Аэродромная суета, краткие ЦУ начштаба, глоток разведённого спирта, рёв моторов, отправление колонны...

Обезображенные деревья вдоль трассы, пустынные улицы встречных сёл, обгоревшие дома за массивными металлическими воротами. Поворот на Ачхой-Мартан. Остановка у блок-поста. Вслед за Брагиным выхожу размять затёкшие ноги.

Павел Брагин. В училище мы друг друга недолюбливали. А, встретившись здесь, обрадовались. Среди тревожащей неизвестности знакомое лицо...

Череда лиц, сменяющих друг друга как колода карт. Каждое лицо — судьба. И все они связаны пульсирующими нитями, сплетающимися в вертикаль власти. Вертикаль шатается, и нити рвутся, разлетаются в разные стороны, но появляются новые, и эта карусель длится нескончаемо...

Я просыпаюсь от тихого стука в окно. Лежу в темноте с открытыми глазами и слышу, как мама открывает дверь, слышу её неразборчивый шёпот, шаги в прихожей. Звуки знакомого голоса. Я бросаюсь к отцу и прижимаюсь к его мокрой шинели. Мама суетится, собирая на стол. Отец не один. С ним ещё двое солдат. Пожилой, кавказского типа, с чёрными взъерошенными усами и совсем молодой, тонкий как девчонка. Они жадно набрасываются на варёную картошку. В мерцающем свете керосиновой лампы я вижу добрую и счастливую улыбку отца...

Гулкие удары в дверь, и стук отлетевшего засова. Топот сапог и автоматная очередь. Залитое кровью лицо молодого солдата, выпавшая из его пальцев картошка в мундире. Застывший взгляд черноусого кавказца, уснувшего прямо за столом. Отец ранен и пытается подняться с пола. Мама бросается к нему, но падает в угол от удара прикладом. Мой крик оглушает меня самого и путает все мысли. Рука в чёрной блестящей перчатке хватает меня за волосы и рывком ставит на ноги.

— У, партизанское отродье, — шипит офицер, дыша мне в лица перегаром, — вырастешь, тоже бандитом будешь как твой отец?

— Он не бандит! — кричу я, вырываясь.

Немец бьёт рукоятью пистолета по моей голове, и мир вокруг гаснет...

Это ощущение полёта в полной темноте сначала пугает, потом к нему привыкаешь и уже перестаёшь обращать внимание на то, что летишь в Никуда. Тем более, что полная темнота незаметно перестаёт быть полной. Частицы тьмы оказываются лишь промежутками между кусками жизни. Или жизней? А может, это разные стороны чего-то одного, чему ещё нет названия? Я всегда испытывал склонность к философии. Но сделать это профессией даже в голову никогда не приходило. Это казалось таким же нелепым, как сделать профессией способность дышать. Выбор профессии у меня произошёл как-то сам собой. Любимый фильм детства, и эта чеканная фраза: “Есть такая профессия — Родину защищать”. Родина... Что от неё осталось? Из темноты выплывает лицо майора-пограничника. Когда это было? Впрочем, неважно. Был поезд, был стук колёс, было полутёмное купе и звуки гитары. И вновь эти звуки возникают в полумраке, и я слышу хрипловатый голос:

... Дождь по палубе бьёт, с криком носятся птицы.
Волны лезут на борт и скользят по броне.
Разве думали мы, охраняя границу,
Что враги изнутри угрожают стране?

Может, проще зажить, всё в прошедшем ругая,
И проворно вложить веру новую в грудь?
Но один только раз в жизни мы присягаем,
И один только раз выбираем свой путь...

Зачистка. Это понятие пришло в Россию из американских боевиков. Когда стали учиться демократии у Соединённых Штатов, когда поливать себя грязью стало признаком хорошего тона, подражание Западу затопило всю страну. Выплыли немногие. А утонувшие продолжают жить. Или думать, что живут. Или думать, что думают. Государственная Дума. Красивая ложь может скрыть многое, но ненадолго. Красочная импортная упаковка вызывает восхищение только до тех пор, пока не вскроешь её и не обнаружишь внутри ничтожное содержимое. Форма и содержание. Старый философский вопрос. Философия. Это то, что хранит нас от ошибок, потому что, если заниматься ею, то на ошибки времени уже не останется. Когда-то я мечтал сесть в кресло, обложить всё вокруг липкой бумагой, чтобы никто не смог ко мне подобраться, и спокойно предаться размышлениям. Но покоя нет, покой нам только снится. Мы в постоянной суете откладываем жизнь на “потом”. “Потом” никогда не наступает. Суета нескончаема. Я лечу сквозь тёмный тоннель, но в прозрачные участки стен вижу себя, лежащего в белой комнате, и вереницу людей, сменяющих друг друга у моей постели...

— Откуда у тебя этот шрам, — спрашиваю я дедушку, показывая на рубец, пересекающий лоб.

— Это память о войне, — тихо говорит он.

— Расскажи, — прошу я.

— Как-нибудь потом, в другой раз.

Но другой раз так и не наступил.

Я плыву по течению невидимой чёрной реки. Так тихо и спокойно на душе. Я плыву по течению, только тишина теперь наполнена ожиданием чего-то ужасного. Что-то назревает вокруг. И вот уже вместо чёрной реки голубое небо. И я уже не плыву, а трясусь на “уазике” вслед за пылящим БТР. И безмятежные облака всё продолжают своё вечное странствие. Но ощущение тревоги разлито в воздухе. И я физически чувствую, как время отсчитывает последние секунды. Пять....Четыре.... Три.... Два.... Один... Ноль... Сердце сжимается в комок. Но ничего не происходит. И сразу тревога исчезает, растворяется в красоте окружающей природы. А в голубом небе всё те же белоснежные облака на фоне чернеющих гор.

Чёрный столб, взметнувшийся в небо, словно падение в грязь лицом. Горящий бронетранспортёр, сбившаяся в кучу колонна. Ураганный огонь по “зелёнке”, где, скорее всего, уже никого нет. Искалеченные тела убитых и раненых и ощущение беспомощной злости. Злости на невидимого противника, на бездарных политиков, втянувших нас в эту мясорубку, на самих себя, вынужденных играть по навязанным сверху правилам...

Сверху видно всё. Я вижу блеск медицинских аппаратов у своей постели; я чувствую, о чём думает медсестра, дежурящая в палате; я читаю

мысли врачей, каждое утро заходящих в ожидании хоть каких-нибудь изменений. Всё это проходит мимо сознания как голос диктора, когда ты сидишь у работающего телевизора, но занят каким-то своим делом. А я сейчас занят. Я в автономном плавании. Я плыву, но курс постоянно меняется. Иногда я пытаюсь понять, почему. Иногда мне становится всё безразлично...

Мы блокировали село со всех сторон. Наша группа подходит к дому, где, по агентурным данным, в эту ночь будет связник Басаева. Вообще-то, мы должны были взять с собой представителя местной власти. Но не хотим рисковать. Местные доверия не вызывают. Ждём. В доме тихо. Мы осторожно просачиваемся во двор. Окружаем добротный кирпичный дом. Хорошо что нет собаки. Я подаю знак, и двое солдат стучат в дверь. В доме вспыхивает свет, слышится шум, детский плач. Наконец дверь приоткрывается и, уложив на землю показавшегося мужчину, солдаты заученным до автоматизма прыжком врываются в дом. Нервы на пределе, окна под прицелом. Через некоторое время мы слышим:

— Чисто!

Поднимаем хозяина, заводим внутрь дома и входим сами. В комнатах ничего подозрительного на первый взгляд нет. Молодая чеченка прижимает к себе двух маленьких детей. Мальчик постарше, стоя у стены, исподлобья сверкает чёрными глазами. Проверяем документы у хозяина. Всё в порядке. Для проформы спрашиваю, не было ли в доме кого-нибудь из посторонних, и получаю отрицательный ответ. Впрочем, на иной ответ я не рассчитываю. Извиняюсь, коротко объясняю ситуацию и направляюсь к дверям. Хозяин облегчённо переводит дыхание и выходит проводить. В это время на улице слышатся выстрелы. Ночная тишина взрывается криками, разрывами гранат, шумом моторов. Мы бросаемся к воротам. Во двор вбегает Брагин с тремя бойцами.

— Ушёл, гад! — сообщает он, — двоих парней у меня положил.

Брагин подбегает к чеченцу, с размаху бьёт его по лицу.

— Кто у тебя был? — кричит Павел. — Отвечай! Пристрелю как собаку!

— Хлебом клянусь, никого у нас не было, — шепчет хозяин.

— Врёшь. Все вы заодно. Ну ничего, не таких раскалывали.

— Тащи его в дом, — приказывает Брагин сержанту, — и обыскать всё вокруг.

— Постой, Павел, — вмешиваюсь я, — мы уже проверяли. Здесь чисто.

— Ты не врубаешься, — отмахивается он, — мы упустили связника, потеряли двоих бойцов. Как думаешь докладывать? Нет, нужно что-то найти, и я найду.

Я снова захожу в дом. Там уже всё перевёрнуто. В поисках тайников солдаты сдвигают мебель. В соседней комнате с грохотом падает шкаф. К Брагину подбегает один из его солдат, с победным видом показывая автоматный патрон.

— Ну вот, — произносит Павел довольно. — Что, бандитская морда, не успел все концы спрятать? В машину его!

Хозяина выводят на улицу. Женщина бросается за ним, но Брагин хватает её за волосы и бросает на стул.

— Сейчас напишешь о том, кого вы прятали, или твой муж попытается бежать...

Плачущая хозяйка порывается встать, однако рука Брагина пригибает её к столу.

Старший мальчик бросается на Павла, и тот вскрикивает, отдёргивая укушенную руку. Отбросив мальчишку к окну, Брагин наводит на него пистолет и шепчет:

— Ах ты змеёныш... Всех вас под корень...

Я выхватываю у Павла пистолет и, сжав его плечо, кричу:

— Отставить, майор! Уходим!

Несколько секунд Брагин сжигает меня яростным взглядом, затем вырывается и выбегает из комнаты, бросив на прощанье:

— Чистоплюй!..

Я не помню, когда появилась эта музыка. Знаю только, что раньше её не было. А сейчас она заполняет собой весь мир. Она пронизывает меня, она бросает меня с ноты на ноту, и я сам являюсь её частью. Музыка Мишеля Леграна. Её пульсирующий ритм словно управляет чёрным вихрем, захватившим меня. И вдруг — тишина. А впереди, там, куда медленно и торжественно влечёт меня упругая трепещущая чернота — переливающийся всеми мыслимыми и немыслимыми оттенками, искрящийся сноп излучающего безграничную любовь света. И пока я тщетно пытаюсь собраться с мыслями, меня, словно пушинку в водовороте, разворачивает и несёт обратно. Но хочу ли я возвращаться?..

Возвращение домой. Последние часы в Грозном. Я бывал здесь до войны и потому, хотя и с большим трудом, способен ориентироваться в усеянном руинами городе. Но я не смотрю по сторонам. Я полностью полагаюсь на водителя и погружаюсь в мысли о доме. За пару кварталов до Минутки мы попадаем в пробку. Я выхожу из машины. Впереди догорает перевёрнутый “Мерседес”. Рядом танк и кучка распалённых солдат, что-то доказывающих патрульным. Очередное ЧП. Как мне всё это надоело! Ну ничего. Скоро буду дома и постараюсь всё забыть. Я повторяю это снова и снова, хотя прекрасно понимаю, что забыть не удастся. Ничего не удастся забыть.

Свежий весенний ветер. Ветер странствий, ветер перемен. Он всегда волновал сердце. И сейчас он мягко толкает меня в лицо, зарождая надежду на лучшее. Я полной грудью вдыхаю воздух и щурюсь от яркого солнца. И не замечаю мимолётный солнечный блеск на крыше полуразрушенного здания в стороне от дороги. Я не слышу выстрела, не слышу испуганного крика водителя. Я успеваю заметить только его искажённое лицо, и небо обрушивается на меня всей своей синевой. И начинается бесконечная карусель из чудовищной мешанины фантастических и реальных видений. И черноглазый мальчик на крыше, сжимающий в руке снайперскую винтовку, — это лишь одна из бесчисленных картинок калейдоскопа...

Свет в конце чёрного тоннеля — словно приглашение домой. Как лампа на окне в тёмную беззвёздную ночь. Этот свет притягивает всё сильнее. И хотя тёмное облако, захватившее меня, по-прежнему мечется по тоннелю, словно маятник, я ощущаю, как одна за другой рвутся невидимые нити, связывающие меня со мной, лежащим в белой палате. Я равнодушно слежу за суетой врачей, уже потерявших всякую надежду. Я бесконечно устал в этом бесконечном круговороте. Раз за разом меня подносит всё ближе к белому манящему свету. Порой мне кажется, что я вижу

за сияющим входом мелькающие лица родных. И тогда необъяснимое чувство возвращения домой возрастает многократно...

Новые врачи. Новые методы. В палату поставили телевизор. Мне ежедневно включают новости. И это окончательно обрывает последние тонкие связи с прежней жизнью. Я, наконец, свободен. Я свободен и лечу домой. Ласковый пульсирующий свет всё ярче. И вот, когда я уже готов погрузиться в тёплое притягивающее сияние, там, в густой темноте, из которой я только что вырвался, вспыхивает белое облако. И сквозь отступившую тьму вдали проступают бесконечно дорогие лица. Лица жены и дочери. И время взрывается. В одно мгновение всё становится на свои места. Я разворачиваюсь и, собрав остатки своей воли, устремляюсь назад. К тем, кого я не могу бросить в этом жестоком мире.

Двери открываются автоматически

Дождь колотил по запылённым окнам, словно пытаясь ворваться внутрь и отмыть всё дочиста. Ветер метался по извилистым улочкам и раскачивал ветви дрожащих каштанов. Редкие прохожие, поёживаясь от холода, торопливо сновали по тротуарам, стараясь не ступать в пузырящиеся лужи.

А внутри церкви было тепло и сухо. Изредка потрескивали горящие свечи, время от времени поскрипывала крыша под особо мощными порывами ветра, но чувство безопасности и спокойствия, казалось, пропитало всё вокруг.

Леонид любил такие минуты. Минуты, когда заканчивались дневные заботы, прекращался шум, всегда сопровождающий стройку или перестройку, рабочие разбегались кто куда, и Леонид оставался один. Он неторопливо обходил помещения, проверяя, всё ли в порядке после суматошного дня, и, ощущая приятную усталость, садился ужинать.

Ужин плавно перетекал в воспоминания и мечты. Мечты и воспоминания переплетались друг с другом и создавали ткань реальности, которой Леонид, сам этого не осознавая, старался отгородиться от реальности истинной, окружавшей его уже более года.

С тех пор как он уехал из России, его не оставляло странное чувство, что он смотрит фильм о чьей-то чужой жизни, но смотрит изнутри, словно играя в этом фильме главную роль. Дни проходили за днями, что-то менялось согласно утверждённому где-то сценарию, удачи сменялись неудачами и наоборот, но ощущение, что он барахтается в холодной и равнодушной к нему действительности, подступало, как только выдавались свободные часы.

Первое время свободных часов было мало. Заботы о жилье и пропитании, бюрократические бумажные хлопоты отнимали много времени и сил. Однако постепенно всё более-менее наладилось. Правда, не так, как виделось издалека, и совсем не так, как мечталось. Но Леонид понимал, что всё сразу и именно так, как хочется, бывает только в сказках. И потому особо на судьбу не жаловался, говоря себе, что всё могло быть гораздо хуже. После окончания астраханской консерватории, после замкнутого мира, в котором и которым он жил все студенческие годы, Леонид с головой окунулся в послеперестроечную Россию.

И пришёл к выводу, что его музыка, вообще-то, никому не нужна. Или почти никому.

Пару лет он проработал учителем в школе. Затем некоторое время играл в ресторанном ансамбле. Убедившись, что просвета нет, отправился по совету друзей покорять Москву. Москва не покорилась, давно уже захваченная толпой поспевших гораздо раньше захватчиков.

Помаявшись и растеряв все иллюзии, Леонид продал квартиру, дачу и машину, оставшиеся от родителей, и уехал во Францию. Почему именно во Францию, он и сам не мог объяснить. Возможно, если бы Леонид покопался в глубине души, то пришёл бы к выводу, что, не покорив Москвы, решил покорить Париж и тем реабилитироваться в собственных глазах. Но Леонид не занимался самоанализом. Как и все творческие натуры, он просто следовал зову своего сердца, особо не представляя, куда это может привести.

Деньги закончились быстро и неожиданно. Впрочем, Леониду повезло. Бродя по кварталу Сен-Жермен, он наткнулся на маленькую церковь и услышал русскую речь. Оказалось, бригада студентов из России подрабатывает здесь на ремонте и можно устроиться к ним подсобником. Что Леонид и сделал.

А поскольку он знал французский, то настоятель церкви — преподобный Клод Бернье — вскоре стал выделять его из группы иностранных рабочих и частенько беседовал с ним о России, о Франции, о назначении человека на земле и о неисповедимости путей господних.

Узнав, что Леонид — музыкант и что ему сейчас негде заниматься музыкой, настоятель предложил ему на время ремонта должность ночного сторожа. Тогда после работы он мог бы музицировать, чтобы не утратить навыка. Конечно же, Леонид согласился.

И теперь по вечерам в пустой полутёмной церкви звучала скрипка, помогая своему хозяину жить и надеяться на лучшее.

Этот вечер начался как обычно. Леонид поужинал холодной телятиной с багетом, достал из футляра инструмент и привычно ощутил щекой теплоту старого дерева. Но только он поднял смычок, как хлопнула входная дверь, и послышался голос преподобного Бернье:

— Прошу вас, маэстро. Осторожнее, здесь доски не закреплены. Сами понимаете, ремонт...

Леонид вышел на звук голоса и увидел настоятеля церкви и маленького незнакомого человека в сером плаще и чёрной фетровой шляпе. Принимая у незнакомца мокрую верхнюю одежду, преподобный Бернье представил Леонида:

— А это наш сторож. Лео, просушите всё хорошенько. Льёт как из ведра. И заварите-ка нам хорошего чаю. Маэстро Вебер любезно согласился протестировать наш новый орган. Но сначала не мешало бы согреться.

— Простите, святой отец, — тихим голосом произнёс посетитель, — но я предпочёл бы сразу же приступить к делу. Моё время стоит дорого. Я здесь только по просьбе епископа, и затягивать визит в мои планы не входит.

— Как вам будет угодно, маэстро, — в голосе настоятеля послышалась нотка обиды, но он быстро взял себя в руки и вновь стал само воплощение любезности. — Конечно, ваше время бесценно. Я вам крайне признателен...

— Хорошо-хорошо, — прервал эти излияния маэстро, — показывайте ваше приобретение.

Они прошли к органу.

Леонид развесил вещи для просушки, всё-таки заварил чаю, а заодно и кофе, и, заслышав голос разбуженного органа, поспешил на его зов.

Торжественно и неторопливо полились звуки, заполнившие всё вокруг своей глубиной и многослойностью. Леонид узнал сонату до минор Мендельсона.

Слушая музыку, Леонид с любопытством следил за движениями маэстро Вебера. А зрелище было не менее захватывающим, чем звучание. Кроме пяти расположенных друг над другом ручных клавиатур Вебер довольно успешно управлялся и с огромными деревянными пластинами клавиатуры для ног. Игра в четыре конечности напоминала ритуальный танец вошедшего в экстаз шамана.

"Как ему удаётся не упасть с органной лавки", — невольно мелькнула мысль.

Когда зазвучало адажио второй части, когда светлая всепоглощающая печаль полностью завладела всеми его чувствами, Леонид уже не мог оторвать глаз от священнодействующего музыканта.

А затем вихрем сверкающих юбиляций ворвался полонез и закружился по церкви перед тем как уступить место ликующей фуге финала.

Потрясённый и очарованный, Леонид весь растворился в музыке. Клетки его тела, словно став дополнительными трубами органа, повторяли, воплощали и предвосхищали каждый звук. Музыка была самой жизнью, и музыка была её смыслом.

И вдруг вместо предвкушаемых звуков заключительного хорала — тишина.

Маэстро Вебер резко оборвал игру и вышел из-за кафедры.

— Поздравляю, святой отец, — сказал он своим тихим спокойным голосом. — Великолепный инструмент. Желаю вам найти для него подобающего исполнителя. Всего доброго. Позвольте мою одежду, — повернулся музыкант к Леониду, всё ещё стоявшему в оцепенении.

— Да, конечно, — встрепенулся тот и бросился за вещами.

Помогая Веберу одеться, Леонид прерывающимся от волнения голосом выдавил:

— Позвольте выразить вам своё глубочайшее восхищение, мсье Вебер. Это было божественно.

— А вы что, разбираетесь в музыке?

— Немного. Я окончил консерваторию по классу скрипки.

— Вот как? — равнодушно бросил маэстро, направляясь к выходу.

— Лео приехал из России, — вмешался отец Бернье. — Он не слышал раньше музыкантов вашего уровня.

— Из России? — маэстро остановился, и на его лице впервые за всё это время появился некоторый интерес. — Так вы русский?

— Да. Леонид Борисов.

— Вот как?

Маэстро на мгновение задумался.

— Святой отец, вы, кажется, упоминали о чае? — повернулся он к настоятелю.

Через полчаса Леонид, раскрыв зонт, провожал маэстро Вебера до его машины. Холодные капли дождя попадали Борисову за шиворот и образовывали маленькие лужицы, пока не находили себе дальнейшего пути.

Леонид ничего не замечал. Он двигался как во сне, охваченный ощущением значительности происходящего, хотя это ощущение и властвовало где-то на уровне подсознания.

Маэстро Вебер кивнул на прощание и юркнул в серый “Ситроен”. Мягко заурчал мотор, и машина скрылась за фонтаном, струи которого мешались с косыми струями дождя.

Леонид вернулся в церковь.

Преподобный Бернье сидел на скамье с опущенной головой, погружённый в молитвы или размышления

— Ну что, Лео, — сказал он, поднимаясь навстречу вошедшему, — похоже, мне предстоит искать нового сторожа?

Борисов пожал плечами:

— Я и не думал об этом, святой отец.

— А что тут думать. Такое везение не бывает случайным. Здесь явно видна рука провидения. Один из величайших музыкантов нашего времени удостоил вас своим вниманием. Думать тут нечего. Тут нужно благодарить Господа нашего за предоставленную возможность. Думаю, вас ждёт большое будущее.

— Не стоит загадывать. Поживём — увидим.

— Вас что-то смущает? Вы не уверены в своих силах?

— Да нет, в своих силах я уверен. Вернее, был уверен до сегодняшнего вечера. Но после того как услышал игру маэстро… Знаете, я вдруг почувствовал, как ничтожно всё, что я умею. Ничтожно перед настоящим мастерством. Я, конечно, понимаю, что путь к совершенству требует времени и старания, но раньше как-то не задумывался, насколько далёк этот путь.

— Дорогу осилит идущий, — улыбнулся священник, — нужно не терять веру в правильность выбранного пути. Спокойной ночи, Лео.

— Спокойной ночи, святой отец.

Леонид закрыл дверь за ушедшим священником и долго бродил перед алтарём, не зная чем заняться. Спать не хотелось. Хотя было ясно, что отдохнуть необходимо. Ведь завтра — очень ответственный день.

“В одиннадцать утра приходите в “Палас Гарнье”. Директор будет вас ждать”, — зазвучали в памяти слова маэстро Вебера.

Леонид мечтательно улыбнулся. Он представил себя во фраке со скрипкой в руке. Он увидел огромные афиши со своим именем, переполненные зрительные залы, восхищённые лица оркестрантов. Он явственно услышал чарующие звуки Сорок Первой симфонии.

И всё-таки что-то мешало полностью отдаться счастливому предвкушению успеха. Леонид вновь и вновь перебирал в памяти минуты прошедшего вечера, пытаясь поймать это дискомфортное ощущение, понять, что же было не так. И ничего не находил. Всё было просто, открыто и замечательно.

За чаем маэстро Вебер рассказал, что с детства испытывал тёплые чувства к России. Его отец во время войны был в маки. В их отряде, кроме французов, сражались и русские. Однажды боши чуть было не схватили отца. Он был ранен и спасся только благодаря русскому товарищу — Кириллу Медведеву. Так что в семье Веберов советских солдат всегда вспоминали с уважением и особой благодарностью.

Маленький Вебер даже побывал однажды с отцом в гостях у русского друга — в Сталинграде. В памяти до сих пор остались заросшие полынью

окопы и дзоты на Мамаевом кургане, длинные просмолённые лодки на Волге, тарелки с чёрной икрой и опера Чайковского в музыкальном театре.

И ещё — блестевший перламутром аккордеон дяди Кирилла, на котором тот играл каждый вечер. А по утрам учил играть на нём маленького французского гостя. И умилялся, предрекая мальчику большое будущее.

“По сути, это был мой первый учитель, — задумчиво произнёс маэстро. — Кто знает, как сложилась бы моя судьба, не будь той поездки в Сталинград...”.

Леонид вспомнил, что именно после этих слов маэстро Вебер попросил его сыграть что-нибудь. Леонид растерялся, но тем не менее сумел взять себя в руки и решил показать всё, на что способен.

И он выбрал самое трудное, что пришло в голову — “Последнюю розу лета” Эрнста.

Несколько минут маэстро слушал с отрешённым лицом и закрытыми глазами, затем знаком остановил Борисова и сказал, что во Франции стало одним настоящим музыкантом больше.

И он предложил Леониду работу по специальности, заявив, что природный дар нуждается в постоянном совершенствовании, а в бездействии даже самый большой талант увядает.

Нет, всё было просто замечательно. И нет никакого повода для беспокойства. Наверное, он просто немного устал от обилия сегодняшних впечатлений. Борисов несколько раз глубоко вздохнул, отгоняя неясные сомнения, и переключился на размышления о завтрашнем дне.

Прошёл месяц. Месяц стремительных перемен. Работа в “Гранд-Опера” помогла Леониду быстро получить известность в музыкальных кругах. И не только парижских.

Всего через три недели игры в оркестре он получил несколько предложений подписать договор на сольные выступления. Буквально за неделю он стал самым модным скрипачом французской богемы. Париж был завоёван. На Леонида обрушились репортёры, антрепренёры и безумные гонорары.

Первым делом Борисов купил небольшую квартиру на бульваре Капуцинов и пригласил на новоселье маэстро Вебера и преподобного Бернье. Маэстро вежливо поблагодарил, но сослался на ужасную занятость, а священник с немалой радостью принял приглашение.

Леонид накрыл по-русски обильный и по-французски изысканный стол. Святой отец воздал должное и напиткам и закускам. Леонид старался всячески поддерживать у гостя хорошее настроение, но Клод Бернье как профессиональный психолог всё же заметил, что глаза у Борисова оставались грустными.

— Что с вами, Лео? — наконец, не выдержав, спросил он.

Леонид пожал плечами:

— Да нет, всё нормально. Устал немного. Ездил сегодня в Сен-Женевьев-дю-Буа.

— Тогда понятно. И теперь вас, конечно, одолевают мысли о вечном.

— О вечном? Скорее, о быстротечном. Какая-то пустота внутри.

Леонид бросил в шампанское кусочек ананаса и, наблюдая за движением пузырьков газа, продолжал:

— Знаете, святой отец, ведь вроде всё идёт лучше некуда. Достиг того, чего желал. Кажется, должен радоваться. А радости нет. Есть сомнения: а

того ли я желал? Для чего всё? Раньше у меня была цель. Я верил в своё предназначение — нести музыку людям. Но, возможно, я принимал желаемое за действительное. И нет никакого предназначения. А есть просто кое-какие музыкальные способности. И всё. А дальше — просто слепая удача. Или, наоборот, неудача. И нечего придумывать себе высокие цели. А нужно просто жить как все. Но вот ведь какая штука: я уже не хочу жить как все. Мне скучно жить как все. Сегодня у могил русских эмигрантов я понял, что такие же мысли одолевали людей и до меня. И наверняка будут одолевать после. И нет просвета.

Борисов замолчал.

Священник задумчиво гонял по тарелке бусинку красной икры, и казалось, полностью ушёл в это занятие. Однако через минуту ему всё-таки удалось подцепить вилкой упругую бусинку. Удовлетворённо вздохнув, он сказал:

— Если бы вы знали, сколько раз мне приходилось слышать такие речи. Человек, наделённый способностью мыслить, рано или поздно задумывается о смысле жизни и рано или поздно испытывает подобные чувства. И это естественно, Лео. Люди, которым это не знакомо, несчастные люди. Хотя по большей части сами они этого не осознают. И могут быть вполне довольны жизнью. Но вот доволен ли ими Господь, это вопрос. А что касается вас, Лео, то вам грех жаловаться. Господь наделил вас талантом. Для какой цели — мы можем только гадать... Пути господни неисповедимы. Но уже то, что Бог привёл вас именно в нашу церковь, устроил вашу встречу с маэстро Вебером, помог вам получить известность — всё это трудно объяснить просто случайностью. Мне ясно видится здесь божий промысел. У Господа на вас большие виды, Лео. Вы должны гордиться и испытывать благодарность. А сомнения ваши вполне понятны. Вы прошли тот отрезок жизненного пути, который ясно представляли себе. В раздумьях, в мечтах. Вы шли к ясной и понятной цели. И вот дошли. А теперь перед вами дверь в новое, ещё неведомое. И вся жизнь человека — это, по сути, переход от одной двери к другой. Иные двери открывают резко, даже не задумываясь, что за ними. Перед другими долго стоят в раздумье или же робко стучат, ожидая ответа. Вы сейчас именно в такой ситуации. Всё образуется. Это хорошо, что вы задумываетесь. Может быть, не осознавая этого, вы думаете, стоит ли открывать дверь, перед которой вы стоите. И Бог предоставляет вам сделать свой выбор. А ведь для многих двери открываются автоматически. Как в метро. И тогда от человека уже ничего не зависит. А вам предстоит сделать выбор. У вас есть талант, есть здоровье, есть молодость. С таким набором можно смело отправляться в путь.

Борисов улыбнулся:

— Благодарю вас, святой отец. Я обдумаю ваши слова. Я понимаю, что мне грех жаловаться на судьбу. И многие хотели бы поменяться со мной местами. Но в глубине души я понимаю и то, что многое получено мной незаслуженно. Ещё в первую встречу с маэстро Вебером, когда он потряс меня своей игрой и своим участием в судьбе незнакомого ему человека, какое-то смутное беспокойство долго не покидало меня. Я не мог понять, в чём дело. Но не мог и отделаться от этого неприятного чувства. И только много дней спустя понял, что именно меня смущало. То, что мне просто повезло. А если бы у отца Вебера не было русского друга, а если бы в детстве маэстро не побывал в Советском Союзе, а если бы я не приехал из

России, с той же благосклонностью отнёсся бы знаменитый маэстро Вебер к церковному сторожу с музыкальным образованием? Весьма и весьма сомнительно. А на следующий день? Как я волновался, как выбирал, что сыграть на прослушивании в "Гранд-Опера"? Как будто я шёл на экзамен. И что же? Никакого прослушивания не было. Меня тут же зачислили в штат. Рекомендация маэстро Вебера не оставляла другого исхода. Думаю, и дальнейшие предложения посыпались не без участия маэстро. Я, конечно, благодарен ему, но только в мечтах я совсем не так представлял себе признание. Я надеялся, что не лишён таланта, и что именно этот талант будет оценён.

— По-моему, в вас говорит гордыня, друг мой. Вам обидно, что вам помогли добиться успеха. Но ведь талант ваш всё-таки разглядели. Не будь его, никакие рекомендации не позволили бы вам взойти на музыкальный Олимп.

— Я тоже тешил себя такой мыслью. Но вчера прочёл в "Фигаро" занятную историю. В Вашингтоне журналисты провели эксперимент с участием Джошуа Белла. Он считается лучшим скрипачом Америки. Известнейший музыкант, билеты на концерты которого расходятся моментально и стоят не ниже ста долларов, около часа играл в подземном переходе метро, изображая уличного музыканта. Он исполнил лучшие произведения Крейслера, Шуберта, Массне и Баха на скрипке Страдивари. Тысячи людей проходили мимо, но большинство не обращало на знаменитого скрипача никакого внимания. И лишь некоторые бросали деньги в скрипичный футляр. Маэстро сумел заработать аж 32 доллара. Вот она, цена таланта. Журналисты ожидали огромной толпы, ажиотажа, запланировали даже вызов полиции. А на деле — полнейшее равнодушие. И это в Вашингтоне, который считается одним из самых музыкальных городов Америки.

Как вы думаете, святой отец, если бы подобный эксперимент был проведён в Париже, результат сильно отличался бы от американского?

— Не сомневаюсь, — с достоинством ответил священник.

— А я не уверен. Я слишком долго жил музыкой. Только музыкой. А ведь у людей есть много других интересов. И вполне логично, если то, что ценно для одних, для других — всего лишь дань моде или вообще пустое занятие. И возникает вопрос — а есть ли они, общечеловеческие ценности? Я решил, что музыка — это моё призвание. И я уже вряд ли пересмотрю это решение. Но всё чаще приходит мысль: а стоило ли уезжать из России? И долго ли будет жить музыка в душе человека, потерявшего связь с Родиной?

— О чём вы говорите, Лео? У музыки нет национальности.

— Возможно. Но у меня есть, — задумчиво сказал Леонид.

После ухода священника Борисов долго стоял у окна и смотрел на город. Мигающие витрины, летящие огоньки автомобильных фар, людская чехарда у входа в метро, театр Гарнье с огромными освещёнными окнами — всё гармонично сливалось в единую симфонию, пока ещё неясно звучащую в голове. Симфонию прекрасную, волнующую и в то же время чужую.

"Париж — это праздник, который всегда с тобой", — всплыли в памяти слова Хемингуэя.

Леонид усмехнулся и отошёл от окна.

Этой ночью ему снились двери. Длинная череда дверей. И открывались они автоматически.

Процесс

Как ни красило утро нежным светом стены нового, сверкающего стеклом и металлом банка на противоположной стороне улицы, как ни ласкали солнечные зайчики лицо лежавшего на диване Полуэктова, всё было напрасно. Настроение, отвратительное ещё с вечера, нисколько не улучшилось и наутро. Тишина, стоявшая в квартире, словно боялась потревожить апатию, полностью захватившую мозг. И пользуясь отсутствием жены с сыном, которые уже вторую неделю гостили у родных в Кисловодске, Сергей Петрович не торопился вставать.

Прошли те времена, когда по утрам он ощущал заряд бодрости и торопился скорее начать день, полный планов и свершений. Тогда он считал, что сон — зря потерянное время, и спал только в силу необходимости. И даже немного завидовал людям, которые жаловались, что страдают бессонницей. Как можно страдать оттого, что жизнь дарит тебе лишнее время, недоумевал он. Время, которого всегда не хватает. Теперь он убедился на собственном опыте, что количество времени ещё не означает его качество.

Сергей Петрович Полуэктов был писателем. Вернее сказать, таковым его считали окружающие, потому что когда-то он состоял в Союзе писателей СССР и довольно часто публиковался в толстых литературных журналах. Теперь и Союза того нет, и литературные журналы уже не те, но знакомые по инерции продолжают называть Полуэктова писателем. А сам он ощущал себя писателем только в те волнующие моменты, когда ставил точку в конце очередного произведения. Тогда он ощущал себя почти всемогущим и наслаждался этим ощущением. Только всё реже становились такие моменты, и всё чаще одолевали мысли о собственной бездарности.

Порой он относил это на счёт общей духовной атмосферы в обществе, порой винил во всём текучку, хозяйственную суету, усталость от обилия малозначительных и нескончаемых занятий. Но это были только поиски причин, поиски, которые не могли никуда привести, потому что, в сущности, были только имитацией поисков истины, защитной реакцией глубоко запрятанного чувства творческой неудовлетворённости.

Отправив жену с сыном отдыхать, Сергей Петрович преследовал сразу две цели. С одной стороны, он хотел удалить родных из Москвы, где в последнее время становилось как-то тревожно, а с другой стороны, думал, что, оставшись один, сможет наконец вплотную заняться литературным трудом. Он взял недельный отгул в МГУ, где вёл у будущих журналистов семинар по зарубежной литературе, закупил кофе, сигарет, продуктов.

Когда-то он мог за ночь написать рассказ. Теперь его планы были намного скромнее: рассказ за неделю. Задуманное казалось вполне реальным. Подгоняло и то, что он уже давно обещал знакомому редактору из “Нового современника” подкинуть что-нибудь новенькое.

Прошло несколько дней. Начало рассказа всё откладывалось. Сергей Петрович разобрал свой литературный архив, занёс в компьютер наброски для будущей большой вещи, которую он когда-нибудь напишет. Отремонтировал текущий кран в ванной, заодно навёл порядок в шкафу для инструментов. В общем, переделал массу полезных дел. И всё это время

упорно гнал от себя навязчивую мысль, что, вообще-то, он просто оттягивает момент, когда нужно будет приступить к тому, что, собственно, и было намечено. К написанию рассказа.

Полуэктов убеждал себя, что нет никаких причин для беспокойства. Ведь, в сущности, процесс уже идёт. Неявно, беспорядочно, мучительно медленно, но идёт. Писательский труд нельзя загнать в жёсткие рамки плана. Записать мысли на бумагу — это не самое трудное. Куда труднее подойти к этой стадии, создать замысел произведения. Это и есть творчество. А дальнейшее — дело техники. Да, самое трудное — сюжет. Здесь нужно озарение. Сюжет должен захватить душу. Только тогда будет результат. А иначе не стоит и начинать...

Сергей Петрович встал и лениво побрёл на кухню. Заварил крепкий кофе и задумался. О чём писать? Сейчас такое время, что люди читают всё меньше. А если и читают, то по большей части детективы или фантастику. Впрочем, ориентироваться на спрос — последнее дело для писателя. Не важно, что писать. Важно — как.

Машинально Полуэктов достал из холодильника джем, масло, сыр. Приготовил тосты, неторопливо позавтракал. Затем, захватив чашку ароматного кофе, прошёл в кабинет и включил ноутбук. Долго смотрел на экран, положив пальцы на клавиатуру и забыв про кофе. Затем щёлкнул мышкой по ярлыку электронного дневника. В который раз пробежал глазами открывшуюся страницу с колонкой аккуратных записей. Даты были разные, а текст один: “Сюжетов нет”.

Сергей Петрович снова погрузился в свои мысли.

Минут через пятнадцать он вздохнул, залпом допил кофе и отправился на кухню мыть посуду. Глядя на струю воды из крана, Полуэктов вспомнил прошлогодний сплав по таёжной реке. Вот где он чувствовал, что живёт настоящей жизнью. Их было трое, на двух лодках. И дикая природа. Чистый воздух, чистые мысли. Он не раз потом думал, что неплохо было бы поселиться в таких местах и забыть о московской суете, о вечных склоках, интригах, хамстве, дебильных телеканалах, нахрапистых самодовольных политиканах и зомбирующей рекламе. К сожалению, это только мечты. А на деле он — такое же дитя цивилизации, как и все вокруг. Разве что чуть более склонное к самоанализу и потому вечно сомневающееся в правильности принимаемых решений. Извечные искания: что делать? Куда идти? Кто виноват?

Полуэктов тряхнул головой и ушёл в ванную. Принял душ, побрился. Взял с полочки маленький пузырёк, на этикетке которого была выведена надпись “Вдохновение”. Капнул на ладони и яростно потёр их друг о друга. Поднёс ладони к лицу и несколько раз глубоко вдохнул. Минуту постоял с закрытыми глазами, прислушиваясь к ощущениям. Вновь подошёл к ноутбуку и долго смотрел на заставку с меняющимися разноцветными геометрическими узорами.

Всё было бесполезно. Обрывки мыслей, обрывки воспоминаний, обрывки когда-то написанных строк сливались в хаотически кружащийся клубок, живущий своей собственной, неподвластной человеку и непонятной для него жизнью.

Сергей Петрович решил проветриться. Благо погода солнечная. Быстро оделся, вышел из квартиры.

На улице Полуэктов столкнулся с жильцом соседнего подъезда, моющим свою машину. Тот отложил тряпку и, поздоровавшись, спросил:

— Что там нового? А то у меня телик сгорел. Ничего не знаю.

— О чём, собственно? — не понял сначала Сергей Петрович.

— Да всё о том же! Коммуняк разогнали? Или всё в демократию играют?

Полуэктов пожал плечами:

— Да я, знаете, политикой не особо интересуюсь. А телевизор вообще не смотрю. Да и что там смотреть — одна реклама. Решил вот прогуляться, развеяться немного.

Сосед недоуменно посмотрел на Полуэктова и снова принялся протирать лобовое стекло.

Метрах в пяти от машины на асфальте неподвижно сидел бульдог в ошейнике и внимательно смотрел на закрытую дверь подъезда.

— Ваш? — спросил Сергей Петрович, чтобы как-то сгладить воцарившееся неловкое молчание.

— На кой он мне? У меня — ройтвеллер. А это Петровых с третьего этажа. На днях в Канаду уехали. На пмж. Ну а собака им там ни к чему. Вот и сидит, ждёт хозяина. Откуда ей знать, что уже не дождётся.

— Да, жаль. Ну ладно, я пошёл.

— Давай, — буркнул сосед, выплёскивая грязную воду под колёса.

Полуэктов неторопливо пошёл по улице, вновь размышляя о сюжете. Может, о собаке написать, мелькнула мысль. О собачьей верности. Хотя нет, после Джека Лондона сказать здесь нечего. Впрочем, Троепольскому удалось. Я бы, наверное, тоже смог. Но не сейчас. Может потом, когда будет больше времени. Так о чём же? Хорошо было классикам: они жили в такое время, когда сюжеты прямо валялись под ногами. Время великих перемен, время крупных потрясений. А сейчас? Как сказал поэт: “Мы живём в какое-то безвременье...”.

Он свернул на Мантулинскую и пошёл по направлению к набережной. По привычке заглянул в книжный магазин, постоял у полок, заполненных разноцветными глянцевыми томами. Вспомнил книжный голод восьмидесятых, когда книги раскупались практически сразу после поступления. А теперь продавцов, что-то оживлённо обсуждавших у телевизора, было намного больше, чем покупателей. Сергей Петрович полистал роскошное издание Шекспира, но, взглянув на цену, осторожно поставил книгу обратно на полку.

Вышел из магазина и зашагал дальше, рассеянно провожая взглядом проносящиеся по дороге грузовики с военными, автобусы с зашторенными окнами и группы накачанных молодых людей с одинаковыми каменными лицами, целеустремлённо движущихся к центру.

На набережной дул холодный ветер, а на другом берегу реки Полуэктов заметил много бегущих людей. Видно, опять разгоняли какой-нибудь митинг. Политика! И когда люди поймут, что ими просто манипулируют. Умело используют чувство стадности, веру в доброго царя, в идеалы демократии.

Демократия! Само это слово сделали своей противоположностью. В устах обывателей оно превратилось почти в ругательство. Вот тоже хорошая тема для исследования. Проследить в истории человечества, как хорошие идеи извращаются до неузнаваемости. Как гипноз правильных слов

заставляет не замечать самую очевидную ложь. А ведь из всех стран, считающихся демократическими, пожалуй, только Швейцария имеет на это право. Страной управляет федеральный совет из семи человек. Все важные решения принимаются только всенародным референдумом. А у нас? Народ как дубина в руках политиков.

А люди всё верят. Верят, что и от них что-то зависит. Убедившись в очередном обмане, прозревают, чешут в затылке, ищут виноватых, и всё начинается сначала. Верили и тогда, когда голосовали за то, чтобы в России ввести пост президента. Чем Россия хуже других республик?

А ведь совсем немного ума было нужно чтобы понять: это первый шаг к гибели. Власть — самый страшный наркотик. Жажду власти утолить невозможно. И удельные князья-президенты непременно растащат страну на куски. Но верили, что этого не произойдёт: ведь народ проголосовал за сохранение Союза.

Верили и тогда, когда выбирали Ельцина. Не за умные речи, не за дальновидные планы. А единственно за то, что он казался не похожим на других партократов. Он пришёл к власти под маской борца с привилегиями, под флагом сокращения номенклатурной опухоли, разъедающей страну. И получив власть, первым делом увеличил и число привилегий, и число чиновников. И всё это по воле народа и для блага народа.

Люди верили. И тогда, когда защищали так называемый “Белый дом” от “угрозы” со стороны марионеточного ГКЧП. И тогда, когда народу указывали, где искать очередных виновников всех бед. Верили. И продолжают верить разным чубайсам, гайдарам, немцовым, бурбулисам.

И что самое противное, верят не только простые одурманенные люди, но и интеллигенция, которая вообще-то должна думать по определению. Но ведь верят и выступают в поддержку высокопоставленных подлецов. Или притворяются, что верят, преследуя какие-то свои цели. Но тогда ещё противнее.

Что за страшная судьба у России. Вот о чём надо писать. Вот на что открывать людям глаза. Вроде всё просто. Но ведь глаза можно открыть тем, кто хочет видеть. А видеть правду хотят далеко не все. Это довольно-таки страшно — видеть правду. Гораздо спокойнее видеть то, что удобно принимать за правду.

Полуэктов горько усмехнулся и вздрогнул, услышав выстрелы. Это были уже не пистолетные хлопки или автоматные очереди, которые периодически доносились и раньше. Это были орудийные выстрелы.

Салют? В честь какого праздника? А впрочем, в Москве теперь каждый день какой-нибудь праздник. Как пир во время чумы. Эх, бросить бы всё и действительно уехать в Сибирь. Подальше от этой мишуры. От всего этого безумия.

Сергей Петрович живо представил бревенчатый дом на берегу реки. Запах кедровых шишек, треск поленьев в печи, утренний туман и пенье птиц. Свежие ягоды, свежее молоко, свежая рыба. Жена в кресле-качалке среди цветов перед домом. Сын со связкой пойманных хариусов. И сам он за письменным столом у открытого окна. Свежий ветер налетает с реки, и свежие мысли льются на бумагу.

Порыв свежего ветра и в самом деле налетел с реки, бесцеремонно вернув писателя в реальность. Полуэктов поёжился, и его мысли вдруг

сделали поворот на сто восемьдесят градусов. Ясно припомнился холод по ночам, когда они с друзьями выползали из палатки и грелись у костра, мучительно ожидая наступления рассвета. И это в августе. А что зимой? Разыгравшаяся фантазия услужливо подсунула картины чадящей печи, засыпанного снегом крыльца, больного сына и хлопочущей вокруг его постели измученной жены. А летом? Тучи гнуса, комары, клещи. Бездорожье. До ближайшего метро как до Луны.

Нет, писатель всё-таки должен жить в столице. Постоянно держать руку на пульсе страны. Иначе оторвёшься от народа. А вот он, народ. Бежит по улице, и ведь каждый человек — это целый мир. Интересный, загадочный, неповторимый. И чтобы понять его, писатель должен жить его жизнью.

Бегущая толпа налетела на Полуэктова, закружила его и потащила с собой. Чтобы не упасть под ноги бегущим, он волей-неволей вынужден был принять участие в общем движении. Испуганные крики, плач, мат кружились над головами. Сзади слышались выстрелы и гудки машин.

Постепенно Полуэктову удалось выбраться на правый фланг и свернуть в первый попавшийся переулок. А дальше он уже спокойнее стал уходить дворами от этого кошмара.

По дороге попалось несколько павильонов, возле одного из которых расположилась группа коротко остриженных юношей, одетых в чёрные куртки. В руках у них были бутылки с пивом, которые они как по команде опустили, заметив приближающегося Полуэктова. Ему стоило большого труда удержаться от невольного желания ускорить шаг. Однако он взял себя в руки и довольно спокойно прошёл мимо под пристальными взглядами оценивающей его компании. И только свернув за угол, с облегчением вздохнул.

Внезапно он почувствовал себя усталым и опустошённым. Тут же само собой возникло решение, что на сегодня прогулок достаточно. Купив в подвернувшемся магазинчике хлеба и бутылку водки, Полуэктов поспешил домой.

Во дворе было пусто. Только возле двери первого подъезда, положив голову на лапы, лежал бульдог.

Сергей Петрович отломил кусок батона и положил возле собаки. Бульдог тоскливо взглянул на Полуэктова и отвернулся.

Дома Полуэктов рухнул в кресло и закрыл глаза. Тяжесть и пустота каким-то образом мирно уживались в душе. Не хотелось ни о чём думать. Но мысли совершенно не считались с желаниями Сергея Петровича. Они возникали, менялись, дробились и наконец исчезали неизвестно куда.

Сколько просидел Полуэктов неподвижно, думая ни о чём и обо всём сразу, он и сам не знал. Наконец он поднялся, подошёл к раскрытому ещё с утра ноутбуку и сделал в дневнике очередную запись: “4 октября 1993 года. Сюжетов нет”.

Затем аккуратно отключил ноутбук, налил стакан водки и залпом выпил.

г. Сочи.

Александр МАТВЕЕВ

“Да будет благодатен этот мир!..”

Июль 2010

Маше Матвеевой

На потом оставив массу дел,
Первый юбилей! (На годовщину).
Я в Москву до внучки полетел —
Угодив в такую чертовщину...

Очумев без дождика, народ
(Видно, нагрешивший перед Богом)
Марлей закрывает нос и рот,
Чтоб не задохнуться сизым смогом.

Будто бы взаправду божьи кары
Из небес свалились на людей.
Подступают к городу пожары —
Никаких спасительных идей!

А прогноз — ни капельки дождя
И ни ветерка, и даже тучки.
От дымов завесы возводя,
Создаём комфорт для Маши-внучки.

А она, такая непоседа:
Радостна, отчаянна, смешна. —
Подтянулась!.. встала, и пошла,
Чётко обозначив слово: “Де-да...”

Внученька, разумное дитя,
Зашустрила, напрягая ножки!
Голову седую очертя,
Дед добыл ей штучные серёжки.

И молю: храни её Господь —
Милое прелестное созданье.
Наша родовая кровь и плоть.
... Деду помахала до свиданья.

На Химкинском водохранилище

*(Размышления у проекта 641 Б-396 ДПЛ)**

Я в Белокаменной столице
Сойду на Сходненской — метро...
Жара расплавом льёт в нутро —
Дымы пожаров хмурят лица.

Таких природных аномалий,
Понатворивших много бед,
В прошедшие сто тридцать лет
В округе всей Москвы не знали.

В Морской музей — до экспоната,
Где на понтонах невесом:
Подлодка — "Буки", класса "СОМ" —
Проект TANGO по коду НАТО.

Помногу дней на ней годами
Подводники — лихой народ,
Шли по безмолвию широт:
В Атлантике ли, подо льдами...

В каприз бездонной глубины,
В одном дыханье с экипажем,
Корабль и люди — всё не важно —
Бывали Родине верны.

Морячат, судеб не кляня,
На скромный быт почти не сетуя.
Как будто б песней недопетою
Подплав остался для меня.

Москва. Июль. 2010.

Мой Татьянин день

Хирургу-офтальмологу
КМН Татьяне Петиной

Судьба опять за шиворот взяла
(Увы, итоги возрастного факта),
Такие вот прискорбные дела —
Мой правый глаз сгубила катаракта.

Три года не сходила грусть с лица:
Комплексовал, ждал должного совета.
Ведь зренье рулевого-сигнальца —
Стал правый глаз совсем не видеть света.

---

* "Буки" ДПЛ — Большая дизельная подводная лодка.

Я исходил от полуночных дум,
Лунатиком блуждая по квартире.
А как стрелял! — Не то чтоб наобум,
На "бис" мишени колошматил в тире.

Меня терзал свалившийся недуг.
Едва сомкну на сон грядущий вежды,
Не раз мне в полудрёме и не вдруг
Казался шёпот: "Не теряй надежды".

... Зелёнкою поставлена отметина.
Сестричка обчекрыживает бровь.
Я на столе... Хирург Татьяна Петина
В глазу колдует... "Вот и вся любовь".

Анестезия. Но моё сознанье
Рисует образно её движенья рук.
Спокойное и ровное дыханье —
Залог конца моих предельных мук...

Пошли ей Боже, чтобы постоянно
Была избраннику желанна и мила.
... С прекрасным русским именем Татьяна
Сопряжены событья и дела.

Спасибо, Музыка!

На концерте Ларисы Коротиченко

Зал набит до отказа...
Боже, — как хороша:
Ошарашило разум —
Встрепенулась душа.

В благозвучье напева
Взгляда не отведу
От брюнетки, что слева, —
В четвёртом ряду.

Ей, как видно, не важен
Культ гранёных камней.
Лёгкий штрих макияжа —
И что надо — при ней.

Не холёные руки.
Карих глаз глубина.
Видно, с близким — в разлуке...
При подружке, — одна?!

Но едва ли свободна.
Образ кроток и мил.
Богу было б угодно,
Вот кого полюбил.

Ах, как жаль, не взвихрится
Наших чувств резонанс.
Лишь исполнит ЛАРИСА
Мой любимый романс.

Предшествие зимы

Дни осени. Средина сентября.
С улыбкою рассталось бабье лето:
Деньками тёплыми природу одаря,
В глубинах космоса затем угаснет где-то.

Опавший лист, игрушечною смальтой
Закруживает ветер — бог ты мой!
А дождь вовсю колотит по асфальту:
Холодный, крупный, яростный, прямой.

Промозглая и слякотная осень
Вступает в свои полные права.
Вершины гор припорошила проседь
И вот — "рукой подать" до Покрова.

"Как хорошо, что ты была..."

Любовь моя! Ну разве не вражина?!.
Шлейф подлостей сочла за пустячок.
Я девять лет сжимался, как пружина,
И вдруг нажал на спусковой крючок.

... Враз "выпряглась". Наш воз не повезла.
Не захотел прощать такого бзыка.
Но не держу обиды или зла —
Хоть "трохи" лжива и длинноязыка.

Всё начинаю с чистого листа.
В её финтах не смею усомниться.
Позиция не девственно-чиста
И по ночам, бог миловал, не снится.

10.10.10.

В этот день годовщина! —
К цифрам взор обращу...
В чём же первопричина?!
Ворошить — не хочу.

Уходила Она
По осенней пороше:
Мол, плохая жена —
Оставайся — хороший.

Без истерик и слёз.
Объяснений, скандала.
Навсегда и всерьёз.
Видно, опыт немалый.

У обоих из нас
Никого на примете.
Я — женат второй раз,
Она замужем — третий.

Гордость мне не велит,
А сдержаться не в силах,
Созерцать, как юлит
Будто б аспид на вилах.

Вдруг "походит не в масть" —
Отбоярится живо.
Хочет много и всласть
И хронически лжива.

Все вложенья скостил,
Чтоб не думалось ложно...
И грехи отпустил —
Зла забыть невозможно.

Даже в юных летах,
За казённые пайки,
Так закручивал гайки!—
Рвал резьбу на болтах...

Завет

Я убеждён, что мысль материальна,
Сопоставлял явления, и вот:
Стяжателей, живущих аморально,
Однажды кара всё-таки найдёт.

Не попирай библейские понятья
И уважай достоинство других.
Ведь кто-то там?! — объединив проклятья,
Тебе однажды адресует их.

Венок сонетов

(Что тащим в XXI-й век)

1

Да будет благодатен этот мир!
В нём счастлива хранительница-женщина.
Созвучия мелодий звонких лир
Возвысят суть деяний, ей завещанных.

Есть истина, банальна и проста,
Сокрытая глубинами интима:
Живут влюблённые во здравии, до ста, —
Не замечая лет невозвратимых.

Чтоб скверный быт тебя не истязал,
Уверенно шла жизненной дорогой
И помнила, про то мудрец сказал:
Да не суди, себе подобных, строго!..

Пусть будут "полной чашей" дом, квартира —
Не сотвори, подчас, себе кумира.

2

Не сотвори, подчас, себе кумира.
Добра желай для страждущих людей.
В тенётах кредиторов и банкиров —
Исчахнет пусть завистливый злодей.

Не приобщайся к ересям идей,
В глубинном осмысленье веры в Бога.
Постигнешь мир, духовностью владей —
Путь к истине не лёгкая дорога.

Не возжелай среди мирских утех
Сиюминутных мерзостных мгновений.
Единый путь — путь разума для всех,
В нём заронился опыт поколений.

Тебя ж ваял не скульптор-ювелир.
Рожденье — есть великий жизни пир.

3

Рожденье — есть великий жизни пир.
Возрадуйся божественной удаче:
До дна испей природный эликсир,
Всё быть могло не так, не то, иначе...

Верхушек нахватавшийся блатарь,
Приверженец неписаных законов,
Хотя и человеческая тварь —
Чувствителен к житейским обертонам.

Те, что в "законе" — "сявок" не пасут,
А держатся с достоинством и вместе.
"Базар" — у них юстиция и суд.
"Понятия" — особый кодекс чести.

Вершат правёж, вкушая кайф чифира...
Жизнь — ставка в лотерее судеб мира.

4

Жизнь — ставка в лотерее судеб мира.
Не поспешай ответить злом на зло,
Когда гнобит не мелочный задира —
Из тех, кому по-крупному "везло".

Он в мелочах не может воздержаться,
Рвать людям нервы — эко ремесло?!
Отпетый кат, тем будет наслаждаться, —
Всё вытянет по первое число!

В повадках волчьих всякое возможно:
Шантаж, угрозы, подкупы и лесть.
В одной ораве прозябать несложно.
Система действует... Была она. И — есть.

Однако же так будет не всегда.
Сей постулат — совсем не ерунда.

5

Сей постулат — совсем не ерунда.
На рейдерстве весьма поднаторели.
Они, борзея, действуют всегда:
Через бассейны, сауны, постели...

Без тендеров, бумаг, переговоров
Блага и недра переходят к ним:
Отпетый клан подлейших мародёров,
Их генотип едва ли истребим.

Хотя, глядишь, — настиг возмездья рок.
Ещё один, опять, “почил за дело”.
Утехой — не могильный бугорок,
А мраморная аспидная стела!

Тем и живут — кого ещё прогнуть бы...
Коверкают жестоко людям судьбы.

6

Коверкают жестоко людям судьбы:
Пока повсюду мерзкая среда...
Лишь времена иные всё рассудят.
Обиды ль зарубцуют навсегда?

А в сонмище общественных явлений
Пассивное сообщество зевак
Постигнет ли дремучесть откровений
Про то, как околпачивал Чумак.

Резон тех оргий — как не прогадать,
Не загрузив извилины особо?
Но должное приходится воздать —
Островским, кашпировским, иже глобам...

Но впредь не охмуряли б никогда!
Доколе же? — Довольно, господа...

7

Доколе же? — Довольно, господа!
Извлечены печальные уроки:
За кем теперь идти нам и куда? —
На то у нас — сенаторы-пророки!

Как в мешанине кризисных проблем
И прочих схоластических догматов
Найти разумность должных теорем
И чёткую логичность постулатов?

Кликуши, словно в годы чёрных смут,
Всеобщий миру предрекая казус,
Такую околёсицу несут —
Мол, это всё предвидел Нострадамус.

Резон — прокукарекать, промелькнуть бы —
Менталитет слегка перетряхнуть бы.

8

Менталитет слегка перетряхнуть бы
В глобальной разобщённости людей.
Идеи в этой части крайне скудны,
Не возродишь иных, как ни радей...

Благие планы для конечных сроков
Всей массой средств, чтобы бороться с ней
(С глобализацией общественных пороков)
И, чтоб с верхов — до самых до корней!

Из тех, что обществом содержатся на страже —
Поборами изматывают нас:
Что ни чиновник — взяточник, продажен,
Как говорят: за ними нужен — глаз...

Взывай к Всевышнему, правительству, ментам,
А воз, как был... И долго ль будет там?

9

А воз, как был... И долго ль будет там?
И всё, как мир, известно и старо.
Товарищи в верхах "все по местам...".
Игра не в шарик-малик и таро.

Проблема эта, в общем, не нова:
Неистребима даже, как ни странно,
Десятилетьями минуют жернова
Бездарный клан "созвездья ветеранов".

И сколько ж надо ждать ещё, — когда
Изменится в стране мировоззренье?
Пока чиновничья паскудная среда
Всё низведёт до точки омерзенья.

Живём в постыдные, лихие времена —
Растёт неверием воздетая стена...

10

Растёт неверием воздетая стена.
Пробьётся ли в ней праведника глас?..
И сколько ж, кто не смыслят ни хрена,
По-чёрному дурачить будут нас?

Корпоративный алчный интерес
Вскормился не на ровном месте:
Сам по себе однажды не воскрес,
О том давно дурные ходят вести.

Бывало ли когда при высшем свете :
Чтоб в саунах и банях на досуге
(В раю, наверное, не всякому посветит),
К десерту предлагали б секс-услуги?!.

Бытует, к общепринятым чертам —
Разврат блудниц, совсем не по летам.

11

Разврат блудниц, совсем не по летам,
На кастингах вкусивших славы “МИССкам”,
Когда гуртом по стойлам-закутам
Их папики под закусь будут тискать.

Не где-то в отпуске на самом дальнем юге
Столбятся злачные добротные места.
Обыденно, под боком, на досуге —
Возропщет кто-то ... Что вы — клевета!..

Благие помыслы — напрасные потуги.
Увещеванья, ересь — ерунда!
Обласканные данной властью “слуги”
Живут себе, не ведая стыда.

“Героев” этих зримы имена.
Такие вот настали времена.

12

Такие вот настали времена.
Но в стане их раздрая не выносят:
Коль жертва будет определена,
Под “Фас!” сожрут и никого не спросят.

Всё будет чинно, без обиняков!
Помиловать кого-либо... Едва ли...
Ведь знали же, он был всегда таков —
Когда хуралом дружно выдвигали.

А он теперь душонкою смердит.
Как видно, не смущается нимало,
Своим “собратьям” шибко норовит,
Больней в отместку, врезать под дыхало.

В фарватере тех кляузных традиций,
Взлелеянных на авторстве петиций.

13

Взлелеянных на авторстве петиций,
Свою ничтожную озвучивают прыть,
Развратные, разнузданные лица,
А нам в одном ковчеге с ними плыть.

Вот уж настали мосек времена!
Им подавай — желанного Мессию.
И брызжет ядовитая слюна
Совместно с Казахстаном на Россию.

Нет — пестуя, растить патриотизм,
Лелеять человеческую личность!..
Тупой национальный эгоизм
Не возродит в стране патриотичность.

При выверенной общности позиций
Не грех считаться б с мненьем оппозиций.

14

Не грех считаться б с мненьем оппозиций.
Мать-Родина — у всех она одна!
Чтоб мирно жить, страной своей гордиться
И чтоб она была защищена.

И чтоб завистливым амбициям в угоду,
Чиновная паскуднейшая рать
Не смела б в пух и прах перетирать
Людей достойную элитную породу.

Пройдёт же не один десяток лет
(Освоить будет проще мирозданье),
Чем, уважая некий паритет,
Стремиться к миру, к братству, к созиданью.

Пускай мажором полнится эфир,
Да будет благодатен этот мир!

15

Да будет благодатен этот мир!
Не сотвори, подчас, себе кумира.
Рожденье — есть великий жизни пир.
Жизнь — ставка в лотерее судеб мира.

Сей постулат совсем не ерунда.
Коверкают жестоко людям судьбы.
Доколе же? Довольно, господа!
Менталитет слегка перетряхнуть бы...

А воз, как был... И долго ль будет там?!.
Растёт неверием воздетая стена.
Разврат блудниц, совсем не по летам —
Такие вот настали времена.

Взлелеянных на авторстве петиций,
Не грех считаться б с мненьем оппозиций.

г. Алматы.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

(Продолжение. Начало в №№ 1-6 за 2011 год)

21 августа 1996 года

Прекрасный привет из школьной юности — была у меня дома в гостях Лилия Сычёва, которая уже много лет живёт в Удмуртии, а в Павлодаре у неё родственники. Мы не виделись почти с самого окончания школы, и теперь это зрелая женщина, не лишённая, впрочем, прежнего обаяния. Была с дочерью — вполне взрослой девицей, которая прилично играет на гитаре и поёт.

Хорошо пообщались, повспоминали школу и совхоз... Лилька была для мужской половины нашего класса "своим парнем", хотя при этом безответно "сохла" по Тольке Пуцелеву. Учила нас танцевать вальс, к которому я с тех самых пор неравнодушен...

Прощаясь, чуть не прослезились: доведётся ли ещё когда-нибудь увидеться?

22 августа

Два дня назад позвонил корреспондент лондонской газеты "Таймс" из её московского корпункта: хочу, говорит, приехать, написать о чеченской диаспоре. Это, отвечаю, не ко мне, а к властям и, скорее, даже не нашим, а алматинским.

С некоторым опозданием сообщил в обладминистрацию — там поднялся страшный переполох: оказалось, что заявка от него лежит в нашем МИДе, но разрешения нет. А он, выясняется, уже прилетел. Его тормознули в нашем аэропорту, а на следующий день отправили на самолёте в Алматы. Теперь если и разрешат, вряд ли захочет к нам ехать. Хотя, если окажется упёртым, может, наоборот — приедет обязательно.

***

Сейм (парламент) Латвии намерен принять декларацию об оккупации Латвии Советским Союзом в июне 1940 года и призвать все страны мира и международные организации помочь ей в ликвидации её последствий. Это потенциальная зуботычина России, не желающей признавать факт оккупации. Между тем, именно политическое руководство России немало сделало для признания суверенитета нынешней Латвии.

24 августа

Грустный в этом году День шахтёра в Экибастузе. Уже две недели разрез "Богатырь" стоит. И это не забастовка в её привычном понимании, хотя, конечно же, акция протеста. Большинство машинистов экскаваторов и других горняков подали в администрацию заявления одинакового содержания: "В связи с четырёхмесячной задержкой зарплаты, невозможностью нормально питаться и содержать семью работать не в состоянии...".

Положение нынешнего "Богатыря" наш собкор в Экибастузе П. И. Оноприенко охарактеризовал так: полная неопределённость.

***

Публикуем решение акима области Д. К. Ахметова о дополнительных мерах по недопущению срыва выплат пенсий и пособий. Чего в нём только нет, в этом решении. Но вряд ли удастся выправить положение с пенсиями в ближайшее время.

***

Больше года находился в афганском плену экипаж российского "Ил-76". И невероятным образом ему удалось сбежать из него — на своём собственном самолёте, обманув и обезвредив охранников. Шансы у лётчиков были минимальные, они могли погибнуть каждую минуту. Теперь о них сюжеты по ТВ, мы тоже даём материал, полученный по каналам ИТАР-ТАСС. Они — настоящие герои!

27 августа

В Павлодар приезжал губернатор Омской области Л. К. Полежаев, наш земляк, строитель канала "Иртыш — Караганда". Оказывается, здесь похоронен его отец.

Омская область оказалась заложницей "межгосударственных разборок". Суть проблемы: Казахстан получает часть электроэнергии из России и, задолжав за неё, был отключен от единой энергосистемы. А Омская область получает большую часть электроэнергии из Казахстана и также пострадала из-за этого. К тому же омские тепловые электростанции работают на экибастузском угле, за который также должны. Скоро зима, а угля на станциях нет.

Договорились, что омичи расплатятся частично деньгами, частично нужной угольщикам продукцией. Ещё омичи возьмут наши трактора, а частично рассчитаются трансмиссиями, без которых не обойтись нашему тракторному. Договорились включить в последнюю "схему" и алтайцев — тракторы в обмен на двигатели для них. Конечно же, цивилизованными такие отношения не назовёшь, но лучше уж так, чем никак.

28 августа

Приезжал один из высокопоставленных чиновников правительства. Визит его был обставлен с большой помпой: в поездке по городу и Павлодарскому району нам с А. М. Мухамеджановым было велено сопровождать его лично, а затем озвучить его заявления в газетах. На подсолнечном поле он говорил, что надо создавать прочную базу семеноводства, в цехе по производству сыра — что это постприватизационная политика государства (хотя цех работает уже больше двух лет)...

На следующий день его сопровождали наши журналисты. В маршруте поездки значились несколько прибрежных хозяйств Качирского района. Шёл сильный дождь, под которым у поворота на "Байгунус" мокли в ожидании высокого гостя директор совхоза и аким сельского округа. Но кавалькада автомашин на полной скорости промчалась мимо. Можно представить, что после этого творилось на душе у встречавших. Затем кортеж ненадолго тормознул у "Песчанского", а мимо "Бобровки" также пролетел, не останавливаясь. Однако здешний директор оказался не лыком шит и, мигом заскочив в "Волгу", бросился вдогонку. Настичь кавалькаду ему удалось лишь километров через пятнадцать, на границе Железинского района, где колонну встречало уже здешнее начальство. И он всё же пробился к представителю правительства, чтобы засвидетельствовать своё почтение, после чего с чувством исполненного долга отправился восвояси.

А высокий гость и сопровождавшие его лица отправились обедать в специально установленную для этого юрту на берегу Иртыша. Журналисты туда, само собой, допущены не были, их наскоро кормили неподалёку под навесом.

Партноменклатура, насколько мне известно, тоже не уезжала из поездок "на места" голодной, но такого чванства и бессовестности себе не позволяла.

Кстати, ещё о природе власти... Некоторое время назад в Павлодар приезжали лидеры "Азамата" — нового общественного объединения, оппозиционного нынешнему руководству страны, или, точнее, характеру нынешних реформ. Так вот, их не только не встречали с распростёртыми объятиями, но не давали помещения для встречи с горожанами, а местным журналистам строго-настрого запретили даже сообщать, что они у нас были.

В Кустанайской области "Рафик", на котором оппозиционеры передвигались, задержали на одном из постов ГАИ и продержали с вечера до утра, потому что усмотрели какой-то непорядок в документах на машину. Так у нас относятся даже к "мягкой" оппозиции, которую представляют бывший министр и бывший посол в Китае.

29 августа

Печатаю в газете "Америку". Есть неплохие отзывы.

***

На днях выезжаем в Баянаул на "Иртышский меридиан". Готовились к слёту через пень-колоду, масса накладок, но решили всё же провести — может, в последний раз...

Ко всему прочему — холод собачий. Ольга готовится к поездке сверхосновательно: насобирала три сумки вещей — берёт две электрических грелки-матраса (для себя и для Димки). Теперь точно не пропадём. Хотя и Баянаул не должен нас подвести: ни разу ещё не было такого, чтобы в дни слёта там случалось ненастье.

***

Думаю о том, что можно было бы написать рассказ, как жизнь в корне меняет натуру человека. Как закомплексованный, мягкосердечный мальчик, который плакал из-за того, что его собака задушила утёнка, плакал, когда обижали его самого, прошёл затем такую "школу жизни", что стал почти невосприимчив ни к чужой боли, ни к своей собственной.

3 сентября 1996 года

Приватизирован ЦУМ, главный магазин Павлодара. Его владельцем стал В. Я. Дворецкий — директор малого предприятия "Спектр", бывший завкафедрой физики нашего индустриального института. Предприятие же его, надо полагать, далеко не малое, поскольку за "покупку" оно заплатило 44 миллиона 460 тысяч тенге. Со "Спектром" боролись ещё две фирмы, но они вынуждены были уступить, когда начальная цена — 15 миллионов 460 тысяч — выросла почти втрое.

Откуда у Дворецкого деньги? С 1990 года занимается торгово-посреднической деятельностью, в последнее время — фьючерсными сделками, помогая сельхозпредприятиям решать проблему горюче-смазочных материалов. Раньше бы сказали — торгаш, спекулянт, ещё бы и посадили. А сегодня — предприниматель, уважаемый человек.

***

США бомбят Ирак крылатыми ракетами с кораблей и подводной лодки. И хоть Саддам Хусейн хорохорится, против такой мощи ему не устоять. А самой демократической стране в мире, вернее, её правящей верхушке, глубоко плевать на мировое общественное мнение по части неадекватности "мер устрашения", предпринимаемых США по отношению к Ираку.

4 сентября

"Иртышский меридиан" позади, и провели мы его на хорошем уровне. Пришлось и раскошелиться — потратить примерно 120 тысяч тенге редакционных денег (это не считая спонсорских средств).

Скорее всего, это будет последний слёт, на котором редакция была "паровозом" вместе с "Павлодартуристом". Уж очень это хлопотное, да и затратное дело…

В первый день из-за дождя и ветра даже пришлось отменить некоторые виды соревнований. Но Баян нас не подвёл, потом распогодилось, хотя и прохладно было. Я всё же пару раз искупался, "согреваясь" после заплыва проверенным русским способом.

Ольга с азартом снимала моей американской "мыльницей" баянаульские пейзажи и теперь не налюбуется фотографиями.

***

Заходил С. П. Шевченко. Говорит, расплевался, наконец, с "заавторской" книжкой и даже заработал на ней. Теперь готовит вместе с "автором" её презентацию. При этом собственная фамилия С. П. нигде даже не упоминается, и то, что именно он её написал, записывая рассказы и рассуждения "автора", — тайна за семью печатями. Хотя, если рассудить здраво, в чём тут криминал: один человек прожил богатую событиями жизнь, безусловно, состоялся в ней и хочет об этом рассказать. А другой, владеющий словом, помогает ему в этом. Так поставьте свои фамилии рядом или хотя бы укажите второго как литературного обработчика… Но — не принято, это как будто принижает достоинство первого. Впрочем, и "литраб" тоже не всегда хочет "светиться" (я не этот конкретный случай имею в виду — тут бы С. П. Шевченко, наверное, не отказался поставить свою подпись).

Сам себе я говорю в последнее время: никаких "коммерческих" книжек — я должен написать сначала то, что задумал. Но в глубине души понимаю: будет хорошее предложение — наверное, не откажусь. Ольге "заграницу" обещал (а на какие шиши?), хорошо бы машину купить — хоть "бэушную"… То-то и оно…

А С. П. Шевченко взялся за книгу о канале "Иртыш — Караганда": убедил начальника управления каналом А. И. Баталова, что такая книга нужна, и тот согласился оплатить и работу, и издание.

5 сентября

Н. А. Назарбаев выступил на совместном заседании Сената и Мажилиса. Сказал, что страна находится в преддверии коренной модернизации и реконструкции. Призвал форсировать и завершить (в основном) приватизацию, запустить, наконец, механизм банкротства предприятий и ликвидировать все неэффективные, не имеющие надежд на будущее производства. Должен восторжествовать принцип: не государство опекает предприятие, а они стоят на страже государственных интересов.

Всё вроде правильно, но как быть при этом, например, с нашим тракторным, который, похоже, уже начал вставать с колен при помощи государства, а теперь оно вновь бросает его на произвол судьбы. Или с агонизирующим заводом "Октябрь", опять же по воле государства ставшим фактическим банкротом? Всё-таки жизнь далеко не всегда вписывается в реформаторские схемы, как бы они при этом замечательно ни выглядели.

***

Горожане долбят редакцию звонками: где можно купить керосин для керосиновых ламп? Дело в том, что внезапные отключения света в домах становятся нормой, и людям как-то надо выкручиваться. Керосин же для населения нигде в Павлодаре не продаётся. Может, после нашей заметки начнут торговать?

… А в российской Якутии могут остановиться алмазодобывающие фабрики — из-за долгов за электроэнергию.

***

Экологи бьют тревогу: пункты по приёму цветного металлолома наводнены кабелем, который “дикие” бригады охотников за металлом раскапывают на бывшем Семипалатинском ядерном полигоне. А беда в том, что металл этот “фонит” — его радиационный фон в разы, а то и в десятки раз превышает норму. И никому нет дела до этого опасного радиационного “мусора”.

8 сентября

Заходила знакомая посоветоваться. Речь о судьбе её дочери, которую я тоже хорошо знаю: обаятельнейшая казашка, настоящая восточная красавица. Была замужем, но семейная жизнь не сложилась. Двое детей: дочь и сын. Старшего по казахской традиции воспитывают её родители — это для них (деда с бабкой) он теперь сын, а для неё — брат, а дочь — с ней. Она уже не один год без мужа, держит себя в строгости и вот совсем недавно получила неожиданное предложение от бывшего одноклассника, в которого и сама когда-то была влюблена. Он вновь предлагает ей руку и сердце и даже звонил по этому поводу её отцу. Казалось бы, всё замечательно, но у него (тоже казаха) уже есть жена и двое детей, с которыми он не собирается расставаться. То есть он предлагает своей бывшей однокласснице стать его второй женой. Никакого оформления брака при этом не будет, как не будет у неё никаких имущественных прав.

А тут и прежний муж объявился, у которого теперь другая, молодая, жена и ребёнок. И он тоже не против, если она переедет в его новую семью — в качестве старшей жены (байбише). И с молодой он состоит в браке, а с этой в разводе и переоформлять отношения не хочет…

Чем не “мыльная опера”!? И при всём при том реальная жизненная коллизия. Для русской женщины и вообще русского менталитета — дикость: как это мужику открыто жить на две семьи сразу! Хотя и тут есть известная доля лукавства: сколько русских мужиков тайно (а иногда жёны прекрасно осведомлены об этом) живут на два дома — и ничего!

Но мусульманская традиция, изрядно, впрочем, перепаханная в республиках Средней Азии советской властью, совершенно иная: Коран разрешает мусульманину (при соблюдении ряда условий) до четырёх жён. Потому-то и возникают, даже в нашем парламенте, дискуссии о возможности возврата к древней традиции, на что некоторые наиболее эмансипированные представительницы отнюдь не слабого пола заявляют: а мы поставим вопрос о введении права на многомужество!

Ни того, ни другого в ближайшем обозримом будущем, конечно, не будет. Как не согласится, наверняка, на роль токал (молодой жены) в первом варианте и байбише — во втором дочь моей знакомой — “освобождённая женщина Востока” (цитирую знаменитый фильм “Белое солнце пустыни”), а вернее, жертва двух менталитетов — отчасти традиционного казахского (семейное воспитание), а больше — советского (школа, институт, среда и т. д.). И быть ей, наверное (чего я ей совсем не желаю), и впредь разведёнкой с ребёнком.

9 сентября

В последнее время не до “Хроники”: суета на работе, хозяйственные заботы. Приезжал брат Петька, всем семейством жарили на даче шашлык и пекли картошку.

Брат нацеливается на докторскую диссертацию, к чему я также давно его подталкиваю. Но пока всё это из области благих намерений.

Ещё помогали Наталье с Николаем Лихановым копать картошку. Урожай — так себе: 20 мешков с 15 соток, а упахались... Моему семейству выделено на зиму шесть мешков, этого нам мало, придётся еще прикупать...

***

Какое всё же идиотское у нас государство. Всё в нём делается — возможное и невозможное, чтобы люди скрывали свои доходы. У нас в редакции — абсолютно "белая", то есть открытая, чистая бухгалтерия: показываем все доходы и расходы, всю зарплату, платим все налоги. И нам же это выходит боком. Например, в августе мне было начислено 47 тысяч тенге (почти 700 долларов) — немалые, в общем, деньги. Но почти 40 процентов из них вычтено в качестве подоходного налога, потому что мой общий заработок с начала года перешёл предельный уровень (кажется, 300 тысяч тенге), после которого и включается максимальная ставка подоходного налога. И теперь до конца года я буду отстёгивать родному государству эти самые 40 процентов с каждой зарплаты. Где ещё, в какой стране возможно подобное? Можно ли считать меня богатым при таком уровне заработка и семье из шести человек, в которой работают двое? Мы проживаем почти всё, что зарабатываем, и совсем не роскошествуем при этом.

Неудивительно, что все, у кого есть для этого хоть какая-то возможность, пытаются скрыть свои доходы.

***

Показали Б. Н. Ельцина по российскому ТВ. Очень болен, предстоит операция на сердце, уже в этом месяце.

Мне кажется, в России сейчас просто невообразимый бардак, когда никому и ни до чего нет дела. Да и у нас, похоже, ничего хорошего в ближайшее время ждать не приходится.

13 сентября

Вчера был несанкционированный митинг пенсионеров. Довели людей до крайности: для многих пенсия — единственный источник существования, потому что и зарплаты их детям или внукам либо не платят, либо задерживают. И пенсии, а у многих они нищенские, задерживают тоже. Тут поневоле завоешь...

Подогрело страсти и решение акима области, направленное на решение проблем с выплатой пенсий. В этом решении много чего предусмотрено — главным образом разумного, но есть в нём пункт о перечислении 30 процентов пенсии на кредитную карточку. Дело в том, что повсюду не хватает наличных денег, а на счетах у предприятий, банков они есть, и если часть пенсии "перебросить" на карточку, можно с её помощью что-то купить в некоторых магазинах, оплатить коммунальные услуги и т. д. Мера, повторяю, разумная, к тому же — брать кредитную карточку или нет — решает сам пенсионер. Но некоторые восприняли это как обязаловку и очередной обман обездоленного народа. И вот — митинг.

Страсти разгорелись нешуточные. Никто никого не хотел слушать. Вышедшего к митингующим акима города В. И. Пыхтина (далеко не главного виновника проблемы с пенсиями) даже за пиджак потаскали. Освистывали тех, кто пытался хоть что-то объяснить. Скандировали: "Ах-ме-то-ва! Ах-ме-то-ва!", требуя к ответу акима области. Даже "Интернационал" пели...

Кто-то пустил слух, будто бы арестован депутат гормаслихата П. — один из организаторов митинга, провозгласивший себя главным защитником пенсионеров, и митингующие решили не расходиться, пока им не предъявят П. И его, слегка помятого, вскоре доставили из милиции. Площадь встретила П. чуть ли не как национального героя — для него с клумб цветы пообрывали. Вот так власти своими неуклюжими, если не сказать идиотскими действиями, создают "народных кумиров".

Пенсионеры настроены очень решительно, и ситуация грозит выйти из-под контроля.

Власти пытаются действовать, но возможностей кардинально решить проблему (выдать, наконец, пенсии!) у них немного. Поэтому действия эти — импульсивные, если не сказать — конвульсивные.

Нам велено поставить в номер список требований митингующих и информацию о том, что делается для исправления ситуации, а также предостережение прокуратуры о незаконности митинга и ответственности, которая ожидает организаторов.

Потом кому-то наверху показалось, что список требований лучше не публиковать, митинг митингом не называть и вообще не раздувать этот вопрос…

Времена, вроде, другие, а методы, которым пользуются власти, всё те же…

Мы всё же дали три сообщения под заголовками: "Пенсионеры требуют", "Власти реагируют", "Прокуратура предупреждает".

Помимо прочего, в Павлодаре проходит международный волейбольный турнир на призы президента Н. А. Назарбаева. Можно ли было оказать худшую услугу президенту этой инициативой в такое время? Потому что первое, что приходит в голову нормальному человеку: на турнир и на призы победителям деньги у вас есть, а на пенсии нам нет!

***

В высшей степени неожиданное продолжение получила серия моих материалов "Как там, в Америке?". Вот уж воистину: нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся…

Сначала позвонил, а потом пришёл Пётр Маркелович Коценко и сказал, что я должен ему помочь найти его родственников в Америке. История, которую он рассказал, полна драматизма.

Он родился и большую часть жизни прожил в Качирском районе. Фронтовик, дошёл до Берлина, награждён боевыми орденами — Славы и Красной Звезды. А ищет он родственников по линии матери — её сестру с мужем и их детей, которые ещё в 1915 или 1916 году отправились из наших мест в поисках лучшей доли за океан, в далёкую Америку. И неплохо там устроились: завели своё дело, нарожали шестерых детей. Не забывали и про родню, которая, не в пример им, часто концы с концами не сводила. Присылали деньги (доллары), вещи… Лично Петру, тогда ещё школьнику, достались вельветовые брюки, в которых он сразу отправился в школу. Вся школа сбежалась посмотреть на это заморское чудо. А Петра вызвал директор школы и наказал больше в них на занятия не ходить…

В 1938 году люди в форме, переворошив весь их дом (даже постели перетрясли) и забрав все письма от родственников, сказали: больше никаких контактов с ними… В ту же ночь забрали брата матери — механика Фёдоровской МТС, о котором с тех пор никаких известий.

Единственное, что чудом осталось в доме, — фотография американской родни. Пётр Маркелович принёс её с собой, предложил мне написать об этой истории и вместе с копией фотографии послать в американские газеты: пусть те напечатают — вдруг родня себя узнает и откликнется. Сказал, что пытался искать их после войны через "Красный Крест", но безуспешно.

Я сразу сказал Петру Маркеловичу, что в затею его не верю, но материал напишу, тем более что у меня есть адрес одной русскоязычной газеты — "Русский американец" (я привёз её с собой), попрошу редакцию передать этот материал ещё в газету "Новое русское слово", популярную у русских эмигрантов.

Добавление из 2009 года. Материал я написал и отправил (с оказией), он был опубликован вместе с фотографией в "Русском американце" под заголовком "История с географией. Найдите моих родственников в Америке". Но никто не откликнулся: сестра матери с мужем наверняка давно умерли, дети их, а тем

более внуки, скорее всего, стали англоязычными. Да и не столь уж популярна в США газета "Русский американец".

А Пётр Маркелович Коценко ещё не один год звонил мне — всё надеялся…

16 сентября

Начавшийся в прошлый четверг, 12 сентября, митинг пенсионеров возобновился через день. А вчера, в воскресенье, группа митингующих, человек 250-300, пикетировала телецентр, требуя прямого эфира, которого ей, конечно, не дали.

Сегодня, в понедельник, 150-200 пенсионеров и "сочувствующих" опять пришли на площадь. На этот раз к ним вышел аким области Д. К. Ахметов и убедил часть митингующих зайти в здание областной администрации.

Некто Н. Шибанов, выдающий себя за казачьего атамана, бывший помощник бывшего депутата Верховного Совета Казахстана, назвал на самостийном митинге правящий режим в республике фашистским, вслух читал письмо "лидера русской общины" Сидоровой, которую, якобы, держат в застенках и глумятся над ней. Опять пели "Интернационал" и "Союз нерушимый республик свободных" (гимн СССР).

Между тем у меня лежит письмо бывшей супруги "атамана Шибанова", которая пишет о том, что он уже который месяц не платит алиментов троим оставшимся на её руках детям, а от неё попросту скрывается…

Так что где во всём происходящем драма, а где фарс — попробуй разберись!

Д. К. Ахметов провёл пресс-конференцию, на которой в очередной раз объяснял — что, как и почему. Пообещал к первому октября погасить долги по пенсиям. А я при этом думал: хорошо бы поставить рядом с ним премьера Кажегельдина, председателей обеих палат парламента, да ещё депутатов Мажилиса и Сената от области, чтобы они полюбовались делами голов своих. Ведь это с подачи одних и при поддержке других была состряпана идиотская идея — пустить все пенсионные средства через республиканский фонд, завершившаяся полным провалом. Давно уже дали обратный ход, а ситуация не выправляется. Так что не Пыхтин с Ахметовым должны в первую очередь оправдываться, а глава правительства и парламент. Теперь объясняй не объясняй — никто не верит: люди доведены почти до невменяемого состояния. К тому же они ведь не слепые — видят, как жируют сегодня некоторые их соотечественники, на каких машинах раскатывают, какие особняки строят.

Кстати говоря, на юге, в Джамбуле, прошёл точно такой же митинг, с теми же требованиями и даже с пением того же "Интернационала". Правда, там пенсию не платят ещё больше — почти пять месяцев…

17 сентября

За одну только прошлую неделю в Павлодаре трижды похищали людей и всякий раз с требованием выкупа. К счастью, все похищенные остались живы, однако не все похитители задержаны.

***

Казахстанцы и россияне "делят" "Экибастузуголь". Его разрезы выставляются на тендер, интерес к которому проявили, кроме самих экибастузцев, также промышленники Екатеринбурга, Челябинска, Омска и других городов Урала и Сибири, потребляющих наш уголь. Интересуются разрезами также американцы и французы. Казахстанцы и россияне предлагают не распродавать "Экибастузуголь" по частям, а сохранить объединение как единый комплекс, создав на его базе совместное предприятие. Столичные же власти намерены сегментировать, то есть расчленить объединение.

***

Растёт наш А. С. Павлов. Он теперь не просто министр финансов, а ещё и заместитель премьер-министра.

***

В прошлую субботу в медсанчасти "Нефтехимик" (больница бывшего химзавода) отключили свет без всякого предупреждения, и срочную операцию врачам пришлось делать при свете самодельных факелов. Женщину удалось спасти только чудом.

Самое опасное в том, что об отключениях энергетики никого не предупреждают.

21 сентября

С 38 миллионов тонн в 1990 году до 19 миллионов тонн в минувшем снизилась отгрузка экибастузского угля на электростанции России и продолжает снижаться. Представители заинтересованных министерств России и Казахстана на встрече в Экибастузе договорились подготовить в месячный срок учредительные документы по созданию совместных предприятий на базе "Казахстанэнерго" и "Экибастузугля" с одной стороны, и РАО "ЕЭС России" с другой. Речь идёт о том, чтобы довести объёмы отгрузки нашего угля энергосистемам России до 30 миллионов тонн в год, а также о совместном использовании Экибастузской ГРЭС-2, линии электропередач 1150 киловатт Сибирь — Казахстан — Урал. Дело теперь за правительствами двух стран.

***

На заседании коллегии обладминистрации вновь обсуждали положение дел на тракторном заводе. Казалось бы, сделано невозможное: за первые шесть месяцев так называемого периода санации выпущено тракторов и другой продукции в шесть раз больше, чем до этого, ежесуточно с главного конвейера сходит 30 тракторов, всего по плану этого года их должно быть шесть тысяч. Снижена с 27 до 17 тысяч долларов себестоимость трактора. И спрос есть... Но нет денег у потенциальных покупателей и прежде всего у сельчан. Многие предлагают бартер — зерно, нефтепродукты, металл, но на это не даёт согласие реабилитационный банк, управляющий режимом санации на заводе, который выделил ему кредит в полтора миллиарда тенге (а всего на оздоровление требуется от семи до одиннадцати миллиардов).

В день, когда заседала коллегия, судьба тракторного в очередной раз решалась на заседании правительства с участием акима области и директора завода. Всё как всегда упирается в деньги. Чем дело закончится — не знает никто. А завод — это десятки тысяч горожан, судьба которых напрямую зависит от его будущего. Не только людей, занятых на производстве, но и членов их семей. Помимо всего прочего, практически подготовлена к производству новая модификация гусеничного трактора Т-95, по уверениям специалистов отвечающая всем современным требованиям, и относительно недорогая.

Но, повторюсь, никто сегодня не может предсказать судьбу тракторного.

***

Рабочий Экибастузского завода по ремонту горно-транспортного оборудования Александр Чичков объявил бессрочную голодовку. Сказал, что будет голодать (на рабочем месте!) до полного погашения полугодового долга по зарплате.

Всего на этом заводе работает примерно тысяча человек, и если угольщикам, на которых они работают и у которых зарплата вдвое выше, сейчас выдают её за май, заводчанам не выплатили и мартовскую.

Представители ряда цехов предъявили ультиматум руководству "Экибастузугля": не рассчитаетесь с нами хотя бы за два месяца — будем увольняться в массовом порядке. Без ремонтного предприятия остановится и работа в разрезах.

22 сентября

Долго-долго уговаривал П. В. Лефлера взяться за "Записки трудармейца". И вот публикуем первый материал из написанного им цикла: о том, как депортировали их семью. Отлично написано — очень просто, искренне и притом — сдержанно, что придаёт материалу особую достоверность. Хороша и следующая глава — о его трудармейских буднях, её опубликуем позднее.

23 сентября

Ездили с Пашкой в пойму, нарвали грибов-валуёв, шиповника. Наловили чебачков. Пашка сам поймал свою первую рыбку. Варили уху на берегу. Даже уезжать не хотелось.

А ещё открыли с ним купальный сезон в бассейне: погрелись в сауне, поплавали...

***

Собираю новую книжку... В ней, впрочем, и "старое" будет, но большинство — новое. Будут разделы: "Я помню...", "Лики эпохи", "Характеры", "Блёстки". Остаются сомнения: оправдан ли такой "винегрет" и не рано ли публиковать "Прорабов перестройки" (литературно-иронические портреты первых секретарей обкомов)? Не решил ещё, как назвать книгу. Отдаю на перепечатку, а там видно будет.

***

На днях меня зазвал к себе один из крупных чинов обладминистрации, не разделяющий, скажем так, некоторых шагов правительства и президента по части приватизации крупных объектов государственной собственности. И не потому зазвал, что мы близки с ним: я, к примеру, зная его давно, предпочитаю держать дистанцию... Просто он решил сделать "утечку информации". Иностранной фирме продаётся крупнейшая городская ТЭЦ и по совсем смешной цене — за миллион долларов. Причём делается всё в обстановке строжайшей секретности, теплостанцию отдают без долгов и без прочих обязательств — на сверхвыгодных новым хозяевам условиях.

— Да вы ведь сами курируете эту сферу, — удивился я, — почему не возразите открыто?

— Не всё так просто, — туманно отвечал он, — я связан должностью, поскольку работаю, как теперь принято говорить, в команде...

— Может быть, пресс-конференцию устроить... — начал было я.

— Как вы не понимаете... Моя фамилия не должна прозвучать... Но я не против, чтобы эта информация просочилась в прессу...

Таковы нравы в сегодняшних коридорах власти... Идёт большая "прихватизация".

***

Хорошие заметки о "пенсионерском бунте" написала Гришина. Нашла нужные, искренние слова, никому при этом не подыгрывая. Вряд ли эти заметки будут по душе властям, но завтра мы их печатаем.

26 сентября

"24 периодических издания разных стран выписал работник художественных мастерских Евгений Сухолотюк, владеющий несколькими иностранными языками...".

Из подборки “Что писала наша газета” (“ЗП”, 25 декабря 1963 года).

Хорошо было бы отыскать нынешнего рекордсмена по части подписки.

28 сентября

Публикуем письмо работников Павлодарской ТЭЦ-2 акиму области и собственному начальству: если им не выплатят зарплату за минувшие семь месяцев до 5 октября, обещают прекратить работы по выводу из ремонта и вводу в эксплуатацию оборудования. Под письмом 172 подписи. Так быстро им долг по зарплате, конечно, никто не погасит.

***

А в России задолженность по зарплате достигла 36,5 триллиона рублей. И она не уменьшается, а постоянно растёт — на пять-шесть процентов в месяц. При этом и российские, и наши реформаторы всё время твердят о некоей макроэкономической стабилизации.

***

П. И. Оноприенко написал, как проходила реорганизация “Экибастузугля”. Поначалу большой зал ДК горняков был полон, и это понятно — решалась судьба одного из крупнейших предприятий Казахстана и, по сути, судьба каждого, кто так или иначе связан с объединением. Собрание вёл председатель областного комитета по госимуществу, представляющий правительство (именно оно владеет 85 процентами акций объединения). И все последующие решения он принимал единолично. Сообщил, что правительство намерено выкупить и оставшуюся часть акций, что угольные разрезы выставляются на тендер, а вырученные от их продажи средства пойдут на погашение долгов объединения. Пытались было “бузить” представители трудовых коллективов, инвестиционных фондов, владеющих небольшой частью акций, но их голоса ничего не значили. И люди, не дожидаясь решений, стали покидать зал. Ушли все, потому что их мнение в данном конкретном случае никого не интересовало. Окончательное решение о реорганизации объединения председательствующий предлагал и утверждал уже при практически пустом зале.

Поглядим, какой будет новая история угольного Экибастуза.

***

Опубликовали выдержки из письма Роберта Штарка о том, как ему живётся и работается в Германии на одной из фабрик, где “труд не сложный, но очень интенсивный”.

Пишет ещё, что бывшие наши немцы “кучкуются” по месту жительства “со своими” — такими же переселенцами, потому что местные, хоть и доброжелательны, но дружить с бывшими советскими немцами не расположены. Пишет, что слушает иногда магнитофонную кассету с нашими голосами, которую мы ему подарили перед отъездом. Скучает, но в гости на бывшую родину пока не собирается.

29 сентября

Ездили с Ольгой в Иртышский район посмотреть, как убирают урожай. Выехали в семь утра, вернулись за полночь, проехав в общей сложности более 600 километров.

Люблю я уборку урожая с самого детства. Может быть, именно в эту пору в селе с наибольшей силой ощущаешь полноту жизни: всё тут крутится-вертится, всё подчинено ритму жатвы. Я это хорошо помню по “Михайловскому” — как работал на сенокосе, заготовке силоса. Помню мерный, неумолчный шум мехтока, особенно слышимый ночью… Помню неповторимый запах только что обмолоченного хлеба.

В Иртышском районе на уборке мне приходилось бывать не раз, а Ольга увидела своими глазами эту страдную пору впервые, и она её, конечно, впечатлила. Хлебная нива во все стороны горизонта — куда только хватает взгляда — где ещё такое увидишь! Это днём. А возвращались ночью — вокруг огни, огни, огни работающих комбайнов — чем не симфония труда?!

А люди! Начальник райсельхозуправления (и первый замакима одновременно) Николай Терентьевич Руденко — умница, знаток здешнего края, сам бывший директор — общаться с таким одно удовольствие. Повстречались с Владимиром Ивановичем Видикером, которого, без преувеличения, можно назвать главным хлеборобом области. Больше его "Суворовского" никто у нас не сеет, и хлеба здесь намолачивают больше других. Мы знакомы с В.И. уже лет пятнадцать, он мне доверяет и с досадой говорил о том, как деградирует наше земледелие: "спрямляется" и примитивизируется технология: уходят в небытие севообороты, перестали вносить минеральные удобрения, хиреет семеноводство... И хотя сам Видикер в этом году, как всегда, на коне, о будущем зернового хозяйства он говорил мне с пессимизмом. Как, впрочем, и о будущем села в целом. Постараюсь обо всём этом написать.

Удивительной была встреча в бывшем совхозе имени Абая с его руководителем Николаем Александровичем Миллером. Они с Руденко друзья, вместе работали: Руденко — директором совхоза, а Миллер — главным инженером. Первый и сосватал сюда второго из Опытной станции, с относительно тёплого и насиженного места замдиректора по производству. Руденко с Миллером понимают друг друга с полуслова, и наблюдать за их общением и лёгкой пикировкой — одно удовольствие.

Миллер — коренной иртышанин, его отец из ссыльных немцев, бригадир знаменитой тракторно-полеводческой бригады. Служил Николай на атомной подводной лодке и много чего интересного о той поре рассказал. Как ходили в автономное плавание к берегам США, где несли боевое дежурство у берегов Майами. Говорю: мы с вами, оказывается, были почти в одном месте, только в разное время и в связи с разными обстоятельствами.

Миллер — человек удивительного обаяния, и хоть живётся ему в полуразвалившемся совхозе ох как непросто, не жалуется, верит в его возрождение. И всё для этого делает.

На кромке одного поля заспорили с ним об урожайности на нём. Я настаивал: будет не меньше десяти центнеров с гектара, он говорил, что максимум девять. Договорились, что рассудит нас Н. Т. Руденко после того, как поле уберут. А Миллер даже пообещал мне подарить поросёнка, если прав окажусь я.

Так что поездка была на редкость удачной. Дам два-три материала и ещё хочу написать отдельно очерк о Миллере — таких людей встретишь не часто.

***

Поскандалили на планёрке. Повод — как мы освещали акции протеста пенсионеров: не обозначили, по мнению некоторых коллег, чётко свою позицию. И это уже после очень хороших гришинских заметок, где и акценты расставлены, и вещи названы своими именами. Я в конце концов взбеленился и сказал, что если уж кому-то совсем невмочь работать в "партийной" газете, теперь-то есть из чего выбирать и куда уходить. Я потому это сказал, что недовольные нашей позицией прекрасно знают, в каких условиях нам приходится делать газету.

В тот же день встречался с акимом области. Д. К.Ахметов собирал всех руководителей местных СМИ и открыто, как он сказал, "просто по-человечески" попросил поддержки, потому что ситуация продолжает оставаться напряжённой и вновь может обостриться. И это было принято редакторами, в том числе и частных газет, с пониманием.

Потом, во время встречи наедине, я рассказал акиму области о тяжёлом разговоре в редакции по тому же поводу. Д. К.Ахметов сказал, что считает наши действия в те дни оптимальными, и он это ценит. Говорил ещё о моих американских заметках, о том, что хорошо было бы издать их отдельно. Вспомнил и об идее, которую мне когда-то высказывал: направить нескольких журналистов области в ФРГ, чтобы они рассказали о том, как живётся там нашим землякам.

А вообще я понял, что ему в эти "митинговые дни" было куда тяжелее, чем мне.

***

В Павлодар приезжала С. А.Назарбаева — супруга нашего президента, принимали которую с большими почестями, если не сказать — с помпой. Хотя сама она держится в высшей степени скромно. С. А. Назарбаева возглавила республиканский детский благотворительный фонд "Бобек", а на местах его филиалы возглавят на общественных началах жёны акимов областей.

***

Уборка урожая идёт через пень-колоду. Для "взбадривания" районных руководителей еженедельно проводятся селекторные совещания, на которых они держат отчёт перед акимом области. В районах же иронично окрестили эти регулярные нагоняи "радионяней" — по аналогии с некогда популярной радиопередачей для детей.

***

Убийственная перепечатка в "Караване" из российской "Новой газеты". Автор — А. Минкин даёт хронику сделанного Б. Н. Ельциным за годы его правления. Страшный список, повествующий о том, как громко заявленные благородные намерения шаг за шагом оборачивались своей полной противоположностью. По сути это приговор человеку, волею обстоятельств оказавшемуся во главе огромной великой страны и приведшему её, хотел он этого или нет, к почти полному развалу — экономическому, политическому, духовному. И ведь печатают... Что это — или впрямь свобода слова, или просто в сегодняшнем большом российском бардаке властям не до прессы?

***

Ужасная новость: жестоко избили (пытали!) и ограбили бывшего директора "Бобровки" Н. Ф. Мальцева и его жену. Они продали квартиру в Павлодаре, которую Николаю Фадеевичу всё же выделили за все его заслуги, и готовились к отъезду в Омск, к детям. Жили в "Бобровке". Вечером, уже стемнело, в дом постучали. Н. Ф. смотрел программу "Время", открывать пошла Александра Александровна. Спросила — кто, ответили — случилась авария, нужен врач (А. А. заведовала сельской больницей). Она открыла и сразу получила удар по голове, от которого потеряла сознание. А когда вслед за ней отправился Н. Ф., с ним поступили так же...

Потом их, связав руки скотчем, пытали, Николая Фёдоровича жгли утюгом, били... Деньги они, конечно, отдали — девять тысяч долларов...

— Ну что, прикончим их? — спросил один бандит у другого перед тем как уходить.

— Сами сдохнут, — отвечал тот.

И они скрылись, оставив избитых, связанных пожилых людей на полу и открыв напоследок газовый баллон...

Мальцевых спасло то, что газа в нём оставалось совсем немного. Только к утру Николай Фадеевич смог освободиться от пут и обратиться за помощью к соседям.

У Александры Александровны сотрясение мозга, она в районной больнице и, кажется, ей предстоит сложная нейрохирургическая операция. Решается вопрос об отправке её в Омск.

На Николая Фадеевича, которого я навестил через несколько дней после случившегося, смотреть было страшно. Признался мне, что ночами спать в доме не может и коротает их в стогу сена на подворье.

Гнусные времена… Пока никого из преступников не задержали…

30 сентября

Российская пресса взахлёб, на все лады обсуждает проблему болезни Ельцина, будто в стране больше вообще ничего не происходит. Пожалели хотя бы его близких… Впрочем, есть и высокие человеческие порывы. Женщина (кажется, бригадир строителей) из Башкирии или Татарстана предложила Б. Н. Ельцину взамен его изношенного своё здоровое сердце совершенно бескорыстно… Он, разумеется, отказался…

***

Выборы губернатора Ленинградской области выиграл бывший председатель облсовета Густов, которого поддержала коммунистическая партия России. Прежнего — Белякова, который казался мне вполне приличным мужиком, накануне выборов публично поддержали в сверхпопулярном всероссийском телевизионном "Часе пик" и даже во "Времени". Но и это не сработало. Российские демократы получили вторую мощную оплеуху после провала Собчака на выборах мэра Санкт-Петербурга. Густов же заявил, что уволит всех глав районных администраций, которые при подготовке к выборам делали всё возможное и невозможное, чтобы победил Беляков.

Поразительная вещь! Несколько лет назад, во время первых демократических выборов народных депутатов СССР, для многих стал шоком провал всей партийно-советской верхушки Ленинграда и области: не были избраны ни первые секретари обкома и горкома партии, ни председатели облисполкома и горисполкома… И вот маятник резко качнулся в обратную сторону. Это сколько же надо было наломать дров, как нагадить в души людям, чтобы в этом, отнюдь не "красном" регионе, они вновь предпочли коммуниста!

***

Шокирующие новости из Афганистана, где всё ещё идёт война, теперь уже гражданская… Мятежные талибы, воюющие с правительственными войсками, захватили Кабул и первым делом повесили бывшего президента страны Наджибуллу — ставленника СССР. Н. находился в миссии ООН — это было что-то вроде домашнего ареста и своего рода "охранная грамота" от произвола в отношении него. Но и авторитет ООН не помог… Заодно с Наджибуллой казнили его брата, а затем труп бывшего президента таскали по улице Кабула, привязав за ноги к автомобилю!

Интересно, о чём думал Наджибулла в последние минуты своей жизни? Проклинал ли Москву, сделавшую его президентом-смертником? Просил ли защиты у Аллаха? О чём думали те, кто имел отношение к его назначению, видя на телеэкране его грязное, обезображенное тело? Говорят, у него много детей, каково будет теперь им?

Талибы же создали вместо бывшего правительства временный высший совет из пяти мулл и объявили Афганистан исламским государством.

1 октября 1996 года

С апреля не получали зарплату учителя Краснопартизанской школы. Пишут в своём письме в редакцию (27 подписей), что готовы бастовать бессрочно.

Но вряд ли на самом деле сделают это — в отличие от нынешних реформаторов, бесконечно экспериментирующих над согражданами, учителя понимают, что их ученики в данном случае ни при чём.

Краснопартизанская школа — в бывшем совхозе "Весёлая роща", что рядом с нашим бывшим "Михайловским", где в местной Берёзовской школе положение ничем не лучше. Мои любимые учителя Дарья Александровна и Борис Афанасьевич Русских в нашу последнюю встречу в их доме угощали меня чаем, заваренным из трав и веточек молодой малины. И не потому, что они сторонники фитотерапии, а потому что заварки у них, как, впрочем, и сахара не было — из-за полугодовой задержки зарплаты.

***

Казахстанскую пшеницу покупает, пока что в небольших объёмах, Россия — по 165 долларов за тонну, ячмень — Белоруссия и Эстония — по 100 долларов. Для сравнения: канадская пшеница продается по 205, 5 доллара, а американская — по 175 долларов (они выше по качеству). И ещё для сравнения: дизельное топливо обошлось отечественным земледельцам по 125 долларов за тонну, а бензин — по 188.

***

Все последние дни, пишет наш собкор П.И. Оноприенко, Экибастузская ГРЭС-2 работает вполовину своей мощности. И не авария тому причиной, а часть запланированной акции протеста против задержки зарплаты, которую тут не получают с марта. Министерство энергетики и угля обещало погасить долги ещё в середине июля, но слово не сдержало. И вот — ответные меры. Если зарплату не отдадут, энергетики грозят полностью остановить станцию.

Понятно, что и министерство в условиях кризиса не всесильно, но министр В. Храпунов и его подчинённые наверняка зарплату получают. Во всяком случае, никто из них не выступил с инициативой не брать её, пока не будут, как обещалось, погашены долги энергетикам. А вот мэр японского города Сакаи сам сократил свою зарплату на 40 процентов, взяв таким образом на себя ответственность за возникновение в городе эпидемии острых отравлений. О готовности последовать примеру шефа заявили его зам и ещё несколько подчинённых — правда, они готовы пожертвовать лишь десятью процентами зарплаты в течение полугода. (Из сегодняшнего "Горячего телетайпа").

***

С. П. Шевченко дал нам отрывок из своей будущей книги о канале "Иртыш — Караганда". Вот уж действительно была стройка века, которая в наше сегодняшнее время вряд ли возможна. За десять с небольшим лет построили уникальное водохозяйственное сооружение, без которого сегодня невозможно существование Экибастуза, Караганды, Жезказгана и ещё десятков и сотен городов, посёлков и сёл. При этом мало кто задумывается над тем, что на протяжении многих десятков километров иртышская вода течёт в гору, поднимаясь с помощью насосных станций на высоту почти в полкилометра. И работает канал вот уже 25 лет как часы.

***

Скандальная пресс-конференция А. И. Лебедя. Секретарь Совета безопасности России, по его собственным словам, так и не разобрался за первые сто дней пребывания на этом посту, как в стране принимаются решения. Низкую эффективность работы Совета А. И. Лебедь связал с болезнью его председателя — президента Б. Н. Ельцина. Надо полагать, недолго ещё останется на посту генерал, поспособствовавший избранию Б. Н. Ельцина на второй президентский срок.

3 октября

Опять дурит погода… Сильный дождь с ветром (местами до 30 метров в секунду), на севере области — снег, местами температура упала до минус шести градусов. В северных районах хлебные поля оказались под 20-30-сантиметровым слоем снега. Под ним хлеб в валках — и ещё не кошеная пшеница. Но если она стоит, то гречиха почти сплошь полегла (это 25-30 тысяч гектаров), и обмолотить её будет чрезвычайно сложно. Однозначно потеряна будет и часть хлеба, что лежит в валках на 64 тысячах гектаров. А свыше 200 тысяч гектаров остаются ещё нескошенными. Из них почти 70 тысяч в Иртышском районе, где выпала за сутки примерно двухмесячная норма осадков.

***

Тела бывшего президента Афганистана Наджибуллы и его брата, казнённых талибами, захватившими Кабул, были переданы для захоронения пуштунскому племени, вождём которого был в своё время дед Наджибуллы. Семья бывшего президента, так бесславно и трагически закончившего жизнь, не смогла принять участие в похоронах (она живёт в Дели).

***

Заметка “Хапуга” из подборки “Что писала наша газета” 29 ноября 1963 года. Речь о некоем И. Д. — механике сельской МТМ: “Сначала в доме появилась единственная живность — курочки рябы. Их продукция шла на базар, хозяин брал за неё втридорога. И вот уже рядом с пернатыми захрюкал поросёнок. За свиньями потянулся крупный рогатый скот… И вот уже двор превратился в крупное многоотраслевое хозяйство: четыре головы КРС, четыре овцы, четыре свиньи с дюжиной поросят, многочисленное семейство пернатых…

За живностью и уход нужен. Он освобождает от всех работ свою жену и вручает ей кормовой баланс: “Корма не жалей!”.

С превеликим удовольствием ушёл бы с работы и сам: профессия собственника-животновода приносит больше прибыли. Но чего доброго, люди назовут тунеядцем…

… И. Д. не ищет популярности, старается уйти за кулисы, загримироваться под честного труженика, хитрая стратегия у хапуги. Но на виду у всех нелегко спрятаться…”.

Вот уж воистину: не ведаем, что творим, и бумага всё стерпит… Хорошо бы найти этого самого “И. Д.”, если он, конечно, жив, расспросить, помнит ли он ту заметку, как вообще относились односельчане к его “частнособственническим инстинктам”. Ведь сегодня он был бы истинным героем дня. Но история у нас самая непредсказуемая. И что напишут о нас, сегодняшних, потомки полвека спустя, никому не ведомо. Может — посмеются, может — ужаснутся. Ну а лучше всего, если бы просто задумались…

5 октября

Дожились… Без света и тепла остался Экибастуз — наверное, самый энергонасыщенный город в бывшем СССР, если не в мире… И тем не менее в городе без всякого предупреждения была отключена электроэнергия. Остановились электропоезда, прекратились работы на разрезах и других предприятиях, остановились насосы, подающие в город воду, погас свет в жилых домах и учреждениях, в больницах пришлось отложить все плановые операции…

Оказалось, что на ГРЭС-1 из-за аварии “отрубился” один из двух работающих энергоблоков (всего же их тут восемь, но оставшиеся шесть давно остановлены), вслед за тем автоматически отключился второй… В другое время первую станцию, наверное, подстраховала бы ГРЭС-2, однако и она стоит — персонал бастует из-за долгов по зарплате…

В срочном порядке мобилизовали инженерно-технический персонал, который в пожарном порядке пытается запустить в эксплуатацию хотя бы один энергоблок…

Спасли Экибастуз россияне, подавшие по просьбе местных властей электроэнергию из Рубцовска… Но обстановка в городе по-прежнему тяжёлая. Всё ещё не подано тепло в жилые кварталы и многие учреждения. И просто счастье, что в эти дни не было сильных холодов…

***

На днях в Павлодаре полностью остановлена ТЭЦ-2, где и без того работал один из пяти котлов (остальные в ремонте). Причина — нет больше мазута, за который нечем платить. Этой станции уже 36 лет, оборудование изношено, а полноценного ремонта не было несколько лет. Долг по зарплате персоналу превышает полгода. Перспектив — почти никаких.

***

Вася Голышкин в кооперации с областными правоохранителями — следственным комитетом, УВД, КНБ, налоговой полицией и таможней — выпустил первый номер газеты "Версия" и позиционирует её как областную. С такой "крышей" (а, соответственно, и информаторами) у него есть все шансы сделать газету интересной и жизнеспособной, тем более что и сам он в газетном деле не новичок и к тому же набил шишек при издании "Коммерсанта".

***

Был на выставке фотографии Д. П. Багаева. Основная часть её — из фондов областного краеведческого музея, основанного самим Дмитрием Поликарповичем, а меньшая предоставлена старожилами-павлодарцами, чьи семьи также когда-то фотографировал он. Поразительное впечатление производят эти благородные лица, гордая и в то же время естественная осанка тех, чьи образы запечатлены фотохудожником. Ощущение того неповторимого времени передано на фотографиях с невероятной достоверностью. Это и есть талант.

***

Самыми разными способами агитируем будущих читателей подписываться на "ЗП". Завели даже специальную рубрику "Читатели о "Звезде Прииртышья". Отличный отзыв передал на днях В. Луков (в миру — Б. В. Исаев). Что-то из него просто просится для цитирования.

"Сочувствую редакции — сегодня трудно поместить острый материал о жизненных проблемах. Властям во все времена не нравилась критика в свой адрес. Но они должны понимать, что газета — неиссякаемый источник информации, мнений, настроений, сигналов с мест. А где ещё услышит администрация мнение о своих действиях или бездействиях? Получит оценку? Многие вопросы могут быть сняты или смягчены через газету. А если клапан закрутить до упора, то давление может достигнуть предела, и тогда жди митингов, пикетов и других дестабилизирующих действий".

Далее Б. В. предлагает более десятка тем для публикации и дискуссий (весьма, кстати, злободневных). И добавляет в завершение: "Газета должна уметь плыть по штормовому морю современности. При этом не сесть на мель официоза и восхваления вышестоящих. Не напороться на рифы критиканства и подстрекательства. Ежедневно умудряться не потерять читателя и не попасть под гнев соучредителя…".

И далее в том же духе: шутливо-ироничным тоном, но об очень важных и значимых вещах. Хорошо бы его услышали не только мы, но и наши кураторы.

***

П. И. Оноприенко написал о реалиях нынешнего жилищно-коммунального хозяйства в Экибастузе. Услышав ночью грохот в подъезде собственного дома, он не побоялся выйти и посмотреть, что же там происходит? Оказалось, неизвестные экспроприируют батареи отопления. Своротили целых три секции, одну уже унесли, а две оставшиеся ещё лежали на площадке. Утром наш собкор пошёл в ЖЭК, попросил прибрать спасённые им батареи, но оказалось, что делать это некому — в ЖЭКе тоже бастуют: слесарям задолжали зарплату за несколько месяцев, поэтому они не оказывают никакие услуги…

***

Неутомимый краевед и автор нашей газеты А. Селивёрстов обнаружил в районе Моисеевки череп пещерного медведя, который обитал в здешних краях — вдоль Иртыша — ещё до ледникового периода — вместе с пещерной гиеной, тропонтериевым слоном, длиннорогим бизоном, большерогим оленем и даже мамонтом. А Прииртышье в ту пору населяли неандертальцы. Обо всём этом пишет А. Селивёрстов, и как ему не верить, если кости и бивни мамонтов всё время находят то в районе Моисеевки, то в районе Пятерыжска. Марат Валеев, одно время увлекавшийся сбором древностей, хранил останки мамонта у себя в ванной, пока жена не устроила ему грандиозный скандал.

Когда я читаю материалы такого рода, всегда мечтаю оказаться (но ненадолго) в том времени и увидеть всё это зверино-растительное великолепие собственными глазами.

***

Издали, притом у нас, в Павлодаре, книжку Ольгиных стихов “Вечный сюжет”. Много в нём и грустных стихов — такое уж время. А книжка получилась хорошая.

***

Древняя китайская пословица гласит: “Бей жену — она знает за что”. Видно, этому принципу следовал кассационный суд Италии, постановивший, что побои, нанесённые мужем супруге в припадке ревности, не являются уголовно наказуемым деянием. Суд отменил решение суда первой инстанции, приговорившего ревнивца к штрафу и восьмимесячному тюремному заключению. (Из сегодняшней подборки “Со всех континентов”).

6 октября

Нашего Пашку избрали командиром отряда. Всего было три кандидата, но двое других претендентов набрали всего по нескольку голосов. Домой Пашка пришёл в тот день довольный. Начальники отделений, их трое, спустя день хотели поговорить с ним о кандидатуре физкультурного организатора класса, а он ответил: “Это не моё дело: вы начальники отделений — вы и назначайте”.

Мы с Ольгой посмеялись, и она заметила: “Вот у кого тебе надо учиться организации работы с подчинёнными”.

***

Продан угольный разрез “Восточный” — один из самых перспективных в бывшем “Экибастузугле”, с уникальным оборудованием и лучшим по качеству углём. Вроде, была драчка, в результате которой разрез достался то ли компании “Уайтсвен лимитед”, то ли “Джапан хром”, хотя, говорят, за ними обеими стоит всё тот же А. Машкевич. И теперь под его контролем Павлодарский алюминиевый завод — один из лучших в бывшем СССР, крупнейшая в Павлодаре ТЭЦ-1, Ермаковский ферросплавный завод — также один из лучших в бывшем Союзе и

Ермаковская ГРЭС. Понятно, зачем понадобился разрез: есть заводы, есть электростанции, снабжающие их энергией, не хватало лишь угля. Теперь есть и он.

В одной из газет названа и цена покупки — 12 миллионов долларов. Конечно же, разрез стоит раз в десять дороже, но, вероятно, у правительства, а, вернее, людей, принимавших решение о продаже, были какие-то свои резоны. Теперь все лучшие, некогда самые прибыльные производства, способные и сегодня держаться на плаву, в частных руках владельцев неизвестного происхождения. А все те, кто создавал своим трудом эти уникальные предприятия, остались по сути ни с чем.

***

Случайно попал на обед к руководителю КСП (коллективного сельхозпредприятия — бывшего крупного совхоза). Особняк — в каких мне доселе бывать не приходилось. Стенка в зале — за триста тысяч тенге (я случайно видел на днях подобную в мебельном магазине), ванная и туалет отделаны "под малахит".

Как-то не очень уютно мне было в этом гнёздышке "нового русского", потому что знаю, как живётся сегодня обычному сельскому жителю.

8 октября

Человек, которому я вполне доверяю, рассказывал, как власти Экибастуза пытаются строить отношения с новыми хозяевами крупнейших предприятий города. Аким города пишет директору одного из таких предприятий официальное письмо: поздравляет с назначением на должность и приглашает к себе для личного знакомства и обсуждения вопросов дальнейшего сотрудничества. А тот отвечает "отцу города" через секретаршу, что ему теперь недосуг, а если он нужен акиму, то готов принять его у себя в согласованное время. Кроме того, новые владельцы предприятия — американцы — намерены отказаться от услуг субподрядного треста, выполнявшего многие годы здесь ремонтные и другие работы. В своё время его коллектив насчитывал до семи тысяч работников, теперь осталось меньше половины — куда им деваться? Инвесторы отвечают: это проблема самого треста... Наконец, директор предприятия был крайне удивлён тем, что в его административном здании "сидит" ещё и профсоюзный комитет. Поступило распоряжение — или пусть платит за аренду кабинета, а не согласится — выселить.

Ведут новые владельцы себя так ещё и потому, что городские власти были полностью отлучены от решения вопросов, связанных с приватизацией промышленных "китов" Экибастуза. И выстраивать теперь отношения с инвесторами им будет очень и очень непросто. Но выстраивать надо — бюджет Экибастуза не потянет ни сегодня, ни завтра траты на общегородские нужды.

9 октября

Аким области Д. К. Ахметов побывал в воскресенье в Качирском районе, где обмолочено немногим более половины хлебов, и устроил большой разгон районному начальству, председателям колхозов имени Кирова, "Коммунар", племзавода "Песчанский". Другим районам досталось за неразворотливость в понедельник на традиционном селекторном совещании.

***

Читатели чихвостят нас за обилие рекламы, особенно ту её часть, что на все лады расхваливает заморские жвачку, консервы, деликатесы, которые большинству явно не по карману. Они по-своему правы, но нам без рекламы просто не выжить.

***

На Алтае началась всеобщая забастовка учителей, которые пикетируют здание краевой администрации. Всего в акции протеста участвуют около 12 тысяч учителей, большинство из них не получают зарплату с апреля-мая.

***

Захватившие Кабул талибы укрепляют здесь основы исламского правления в соответствии с нормами шариата. Последнее их заявление: "Когда нам говорят, что талибы не должны рубить руки ворам, казнить убийц и забивать камнями неверных жён, мы расцениваем это как вмешательство в наши внутренние дела".

10 октября

Публикуем послание Н. А. Назарбаева народу Казахстана — о положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики. Несколько цитат:

"Несмотря на позитивные экономические показатели по целому ряду направлений, большинство граждан пока не ощутило на себе результата преобразований. Это и вызывает неприятие реформ, подрывает доверие к государству…

Все эти годы экономика находилась в кризисе, порождённом прежней экономической системой, уже с 70-х годов находящейся в штопоре неэффективности…

Реформы обнажили всю ущербность прежней экономики…

Были также допущены нерешительность и непоследовательность, ошибки, которые не могли не отразиться на общем состоянии экономических процессов и углублении кризиса. Так, попытки "удержать" цены на продукты сельского хозяйства из благих пожеланий удержать население от шоковых потрясений ввергли село в глубочайший кризис…

… Мы подходим к завершению второго этапа — финансовой стабилизации. Удалось… резко сбить инфляцию…

… Впервые за последние семь лет мы добились снижения спада производства и некоторого экономического роста…

Этот год не обещает быть лёгким… Но то, что он уже не должен быть годом дальнейшего падения, сегодня можно говорить с определённой уверенностью…

Каждый сам должен заботиться о себе и своей семье и тем самым помогать стране двигаться по пути реформ…".

***

Правительство, похоже, наконец, озаботилось проблемами Экибастуза — после того как весь он, а с ним и часть республики, оказалась в полной "энергетической отключке" (после аварии на ГРЭС-1). Побывавший здесь министр энергетики и угля В. Храпунов спецрейсом привёз заодно деньги — 127 миллионов тенге, которые пошли на зарплату энергетикам.

***

Аким области Д. К. Ахметов добился в правительстве решения о возможности автономной, то есть изолированной от объединённой энергосистемы Казахстана, работе областной энергосистемы. "Добро" получено, местные власти уверяют, что станет лучше, не будет внезапных отключений. Вместе с тем должники будут отключаться беспощадно. Исключение пока что сделано лишь для школ, больниц, детсадов, бюджетных учреждений. Гигантским остаётся долг села энергетикам — один миллиард 600 миллионов тенге. Никто не верит, что он может быть полностью погашен. Взрывоопасной остаётся обстановка на ряде энергопредприятий, где зарплату не выдают с марта. Так что "автономизация" региональной энергетики сулит и немалые проблемы.

***

В Павлодаре стали "прописываться" московские вузы — открыты представительства Московского энергетического института и государственного

социального университета. Обучение платное и недешёвое: 750 долларов за семестр. Лекции будут читать преподаватели, приезжающие из Москвы, и местные кадры. Дипломы будут российские.

***

Вычитал в "ЗП" (подборка "Со всех континентов"), что с 1 октября минимальная зарплата в США возросла на 50 центов и составила 4 доллара 75 центов в час, на следующий год она вырастет ещё на 40 центов. У нас же сегодня многие наёмные работники не получают этих пяти долларов в день, а очень многие и вовсе живут по полгода без зарплаты.

Бедняками в США считаются те, чей доход на семью из четырёх человек составляет 15569 долларов в год. У нас на такой доход с немалой радостью согласились бы жить процентов 70-80 моих сограждан. Во всяком случае, мы вместе с Ольгой на нашу семью из шести человек (материну нищенскую пенсию можно вообще не считать) столько в год не зарабатываем.

13 октября

С некоторых пор я стал собирать заметки из разных газет, сообщающие о том, на какие хитрости пускаются руководители предприятий и власти, чтобы выплатить долги по зарплате, пенсии, пособия. И о разного рода курьёзах, связанных с невыплатами зарплат. Их впору публиковать под рубрикой "Хроника абсурда времён дикого рынка". Например, сразу несколько газет — "Труд", "Литературка" и, кажется, "Известия" — написали: на Карпинской хлопкопрядильной фабрике, что в Свердловской области, зарплату стали выдавать дамскими панталонами, но их на всех не хватило, и оставшимся предложили зарплату в виде похоронных комплектов — обивки для гроба, ритуальных простыней, полотенец.

— В гробу я видел такую зарплату, — заявил один из работников фабрики, наотрез отказавшийся от столь экзотического заменителя денег.

***

А это факты из нашей казахстанской действительности. Зарплата не может нынче прокормить журналистов Кзыл-Ординской областной газеты "Сыр Бойы", и поэтому они завели подсобное хозяйство, где выращивают овец, пятерых верблюдов и нескольких лошадей. Недавно каждый сотрудник получил в качестве натуроплаты по барану. (Из "Каравана").

15 октября

Людмила Бусыгина написала достаточно внятный материал о том, что происходит на тракторном заводе, на котором, похоже, начинается очередная полоса кризиса. Финансовая инъекция реабилитационного банка, которому завод был передан, помогла ему встать с колен. Но у правительства, стоящего за банком, нет больше средств, и программа комплексной реабилитации предприятия "зависла". Помимо прочего, предполагалось, что три тысячи тракторов у завода приобретёт в рамках государственного заказа Министерство сельского хозяйства. А оно "наскребло" в своих "финансовых сусеках" денег всего на 200 машин. И завод вновь оказался один на один с проблемами реализации продукции. Спрос на неё есть: даже россияне предпочитают наш трактор волгоградскому, они стали основными потребителями двух тысяч машин, реализованных заводом самостоятельно. До конца года планируется собрать и реализовать ещё тысячу тракторов. Однако, как и раньше, никто не платит за них "живые" деньги. Самая ходовая валюта — бартер. Всё меняется на всё, а денег, как таковых, не было и нет.

На заседании президиума правительства под председательством первого вице-премьера А.С. Павлова (кстати, начинавшего свою служебную карьеру на тракторном заводе) "указано" реабилитационному банку, "поручено" министерствам... То есть завод пока не сбрасывают со счетов. И сами заводчане рук не опустили — создан опытный образец универсального трактора повышенной мощности, который в какой-то мере может заменить даже трактор К-700, ни в чём не уступая при этом российским пахотным собратьям. Есть планы по выпуску колёсного трактора в кооперации с белорусским МТЗ... Дело, как всегда, за малым — финансированием. А его-то как раз никто не гарантирует. И поэтому будущее завода по-прежнему туманно и непредсказуемо.

16 октября

Уехал в Россию (скорее всего — выжили) директор крупнейшего павлодарского завода, который также являет собой сверхлакомый кусочек для новых хозяев жизни. Завод этот, построенный по последнему слову техники, сильно лихорадило в последние годы, но директор — умный, волевой и к тому же обаятельный мужик — держался. Но когда ему предложили равноценную должность в России, уехал. Месячная его зарплата вместе с премиальными (легальная) составляла около миллиона тенге. Работницы предприятия и банка, которые "вели" его зарплату, давали расписки о неразглашении сведений о ней...

***

Был в гостях у Шаферов — Наума Григорьевича и Натальи Михайловны. Редкая по нашим временам семья вымирающих как класс интеллигентов. Когда они заканчивали филфак нашего КазГУ, имели возможность получить распределение в город, но ещё до этого решили для себя: поедем туда, куда никто не захотел поехать. Таким было их понимание собственного долга: государство нас учило, тратилось, сделало специалистами — и мы должны это отработать. Так и оказались в "медвежьем углу" — глухой деревушке Восточно-Казахстанской области, которая зимой или в любую распутицу оказывалась отрезанной от внешнего мира.

Чего только не было потом в их жизни. Н. Г. уже преподавал в Павлодарском пединституте, защитил кандидатскую диссертацию, работал над докторской... А вместо дальнейшей блестящей научно-педагогической карьеры получил срок "за измышления о советском социалистическом строе". Хотя на самом деле ничего подобного не было, и антисоветчиком Шафер никогда не был. Но у него нашли бумаги, кому-то показавшиеся "крамольными". Хотели устроить показательный процесс, на котором Н. Г. должен был покаяться в своих мнимых "грехах". Однако он повёл себя "неправильно" и вместо предполагаемого условного срока (а может, и его бы не было) схлопотал "безусловный" и несколько лет провёл в колонии. Потом была, сама собой, реабилитация, но куда денешь десять лет отлучения от любимой профессии? Всё же он не сломался. Стал лучшим в СССР, да и в мире специалистом по творчеству композитора И. О. Дунаевского, собрал не имеющую в мире аналогов коллекцию грампластинок с записями лучших музыкальных произведений всех времён и народов (этих пластинок у него более двадцати тысяч), участвует в подготовке к изданию полного собрания сочинений Михаила Булгакова...

Их малогабаритная трёхкомнатная квартира заставлена стеллажами, на которых пластинки и книги (последних также свыше 20 тысяч).

Н. Г. Шафер говорит, что не держит зла на тех, кто его "закладывал" и "топил", и тех, кто вольно или невольно способствовал его осуждению. А о себе самом говорит, что остаётся советским человеком.

Его жизнь стоит целого романа. Хорошо бы написать о нём очерк, но одной встречи для этого явно недостаточно. Хотя даже одна такая встреча — настоящий подарок судьбы.

17 октября

Н. А. Назарбаев провёл расширенное заседание правительства. Впервые за многие годы отмечен рост производства промышленной продукции — на 0,1 процента по сравнению с девятью месяцами прошлого года. Не растёт инфляция и стабильным остаётся курс тенге. Но большинство промышленных предприятий задыхаются в тисках неплатежей, когда все всем должны. А просроченная задолженность по зарплате превысила 46 миллиардов тенге. Свыше четырёх тысяч предприятий остаются убыточными. Президент потребовал либо подвергнуть их процедуре банкротства, либо продать в частные руки. Вновь обещаны жёсткие санкции руководителям предприятий, где задерживают зарплату, хотя во многих случаях они сегодня просто бессильны что-либо сделать для исправления ситуации.

***

В Иртышском районе всем миром спасают хлеб, оказавшийся под снегом после недавнего ненастья. Погода, наконец, установилась, и все, кто способен держать в руках вилы, — пенсионеры, домохозяйки, старшие школьники и учителя — вышли в поле. Свыше восьми тысяч человек вручную ворошат хлебные валки, лежащие на 20 тысячах гектаров. В деле и вся специальная техника, пригодная для этого. Уже начат обмолот подсушенных валков. Так что большая часть этого хлеба будет спасена. Хлеб, оставшийся на корню, убирают прямым комбайнированием.

***

Удивляюсь А. С. Саркыншакову... Казалось бы, теперь, когда он уже не начальник крупнейшего в СНГ отделения железной дороги, а только советник отрасли, мог бы жить поспокойнее. А он по-прежнему бьёт во все колокола о бедах родной ему “железки” и, как всегда, говорит дельные вещи. Главную мысль его интервью вынесли в заголовок: “Без железной дороги до рынка не доехать!”.

***

С 1913 года ведёт свою историю в павлодарском Прииртышье семья Белик. А недавно они устроили большой сбор — день семьи Белик. В Павлодар съехались около ста её представителей из Казахстана и России — от малышей до стариков. Теплоход “Заря” едва вместил всю их большую компанию.

Даём об этом заметку. Очень жалею, что не было на этой замечательной встрече никого из наших журналистов. Но всё равно надо сделать толковый материал хотя бы по следам их сбора.

***

Коммунисты Казахстана провели съезд в Алматы. Во всех 18 областях есть её организации, а всего в компартии насчитывается 40 тысяч членов. Первым секретарём вновь избран Серикболсын Абдильдин — бывший председатель Верховного Совета республики.

***

Какую только бредятину не печатают сегодня газеты. Новосибирская “Вечёрка” некоторое время назад со ссылкой на “разные источники” сообщила о скоропостижной кончине президента России и даже дату назвала.

Что могли подумать новосибирцы, держащие в руках газету с этой заметкой и видевшие перед собой Б. Н. Ельцина на телеэкране? Не верь глазам своим, как писал некогда Козьма Прутков?

19 октября

В сельских районах нашли новый способ решения проблемы пенсий — их теперь выплачивают “натурой” — мукой, мясом, углём... Невыплаченной пенсией можно также рассчитаться за электроэнергию, телефон. И многие пенсионеры идут на это.

***

В Экибастузе побывала посол США в Казахстане Элизабет Джоунс. Повод: здесь уже работает американская компания, владеющая ГРЭС-1. Есть у американцев интерес к разрезу “Богатырь”, а также к Павлодарскому нефтеперерабатывающему заводу. И почему-то ни у них, ни у других инвесторов, прибирающих к рукам экспортноориентированные (главным образом — сырьевые) производства, нет никакого интереса к тому же тракторному заводу. Это я уж от себя добавил.

***

Более двух тысяч работников оборонных предприятий Омска пикетируют здание областной администрации, требуя погашения четырёх-пятимесячных долгов по зарплате. Губернатор области Л. К. Полежаев охарактеризовал экономическую ситуацию в стране как катастрофическую, а действия правительства, которое собирает с региона огромные налоги и ничего не возвращает ему, откровенным грабежом.

***

Грустный материал привезла из Актогайского района Наталья Дворянинова — о том, как умирает некогда полная жизни деревня Усачёвка, где нет теперь никакой работы (весь скот изъят за долги коллективного сельхозпредприятия “Акбидай”, и хлеб сеять тоже посчитали невыгодным). Люди разбегаются кто куда, бросая никому не нужные дома, а те, кому деться некуда, живут натуральным хозяйством — без школы, почты, клуба, магазина. И почти постоянно — без света.

— Это наша родина. Дети выросли, разъехались. А я куда?! Здесь всю жизнь прожила, здесь и доживать буду, — сказала Наталье одна из старожилок.

Вот бы куда поселить хотя бы на месяц наших неистовых реформаторов, притом без денег, автомобилей, телефонов — пусть бы пожили жизнью своих сограждан, о благополучии которых они якобы пекутся.

***

Большая доброжелательная рецензия Ю. А. Ковхаева на сборник стихов О. Григорьевой “Вечный сюжет”. Ю. А. зашёл накануне ко мне и, смущаясь, спросил: “Ты же не думаешь, что я написал рецензию...”. Замолчал, подыскивая нужные слова, и продолжил: “Просто книга мне действительно понравилась...”.

Я отвечал ему, что вот, мол, уже и за нормальные человеческие порывы (понравились стихи — написал рецензию) оправдываться надо. И добавил, что я “ничего такого не думаю”. А суть в том, что Ю.А. Ковхаев переходит из заместителей редактора в спецкоры и всё ещё беспокоится за своё будущее.

***

Узнал (опять же из нашей газеты), что минимальный уровень месячной зарплаты во Франции, установленный правительством, составляет 6407 франков (1200 долларов), “чистыми” (после уплаты налогов) 5017 франков. Это чуть больше (примерно на треть) официального “порога бедности”. Учитывая высокую плату за жильё (часто съёмное) на прожитьё остаётся совсем немного, особенно если учесть, что и продукты во Франции довольно дороги. Так что нигде в

мире “маленькому” человеку, о котором радели в своё время и Пушкин, и Достоевский, не живётся сладко.

20 октября

Ездили с Ольгой на несколько дней в Омск. Гостили у Голубевых, лучше узнали с ними друг друга. Живут они небогато, но не суетятся, сохраняют достоинство. Володя принципиально не пишет положительных материалов о местной обладминистрации. А Марина ушла из газеты, которую создавала “с нуля” с группой единомышленников, узнав, что кое-кто из них начинает грести “под себя”. Ушла, несмотря на то, что впереди у неё маячила далеко не лишняя для семейства материальная выгода. А Володя с досадой говорил мне, что мало он ещё “долбит” местную власть…

Рядом с такими людьми и самому хочется быть лучше и чище…

***

Когда был в гостях у Шаферов, спросил у Наума Григорьевича: как это могут сочетаться в человеке высокий талант и безнравственные поступки? Он, помолчав, сказал: “Да, такое бывает, но такого человека судьба рано или поздно наказывает, в том числе и тем, что уже не даёт ему подняться на максимальную для него творческую высоту”.

***

Очередной скандал на российском политическом Олимпе: Б. Н. Ельцин отправил в отставку секретаря Совета безопасности генерала Лебедя. Хотя именно он помог Ельцину выиграть последние президентские выборы, перейдя в его команду. Лебедь и в Кремле вёл себя так, будто он и здесь сам по себе. Заявил, что министр внутренних дел Куликов — главный виновник провалов военных операций в Чечне. Не раз откровенно высказывался и о порядках, царящих в Кремле, заступился за смещённого начальника президентской охраны Коржакова, выступил с резким заявлением против реформирования воздушно-десантных войск… То есть пытался оставаться самим собой, а такое тут не прощается… Хотя громкая отставка только добавит Лебедю популярности.

21 октября

Очередную оплеуху высшей российской власти залепил А.В. Руцкой — бывший вице-президент России, один из героев борьбы с “путчистами” в августе 1991 года, а затем несостоявшийся российский президент. Верховный Совет в 1993 году пытался отправить в отставку Ельцина и передать его полномочия Руцкому. Но победил в итоге Ельцин, а Руцкой запомнился более всего по телевизионным кадрам своим призывом к боевым друзьям-лётчикам бомбить “преступный Кремль”. Следующий факт биографии несостоявшегося президента — многомесячное сидение в “Матросской тишине” — той самой, в которую он некоторое время назад препровождал “гэкачепистов” и, наконец, объявленная ему, Хасбулатову и иже с ними амнистия.

И вот теперь Руцкой взял реванш, пусть не всероссийский, но достаточно громкий: он выиграл губернаторские выборы в Курской области. Его к ним долго не допускали, не регистрировали, мотивируя это тем, что он живёт в области менее одного года. Он подал иск в суд, выиграл его (в Верховном суде) и был зарегистрирован всего за 36 часов до выборов. Руцкой настаивал, чтобы их передвинули на более поздний срок, но этого, конечно, не сделали. И он, практически не имея времени на агитацию, победил с ошеломляющим результатом: ему отдали голоса 78 процентов избирателей, пришедших на выборы.

Ну где ещё, в какой стране возможно подобное?! И как нормальному человеку вообще не сойти с ума от подобных “зигзагов судьбы”? Но вот не сошёл же…

И попробуй пойми эту загадочную русскую душу — я уже избирателей имею в виду, доверившихся человеку, столько накуролесившему в жизни.

Как они будут встречаться, разговаривать, работать вместе — Б. Н. Ельцин и А. В. Руцкой — бывшие соратники и теперешние "заклятые друзья"?

С большой долей вероятности можно предположить, что губернатор из Руцкого вряд ли получится — это ведь тяжелейший труд, да ещё во времена такого хаоса... Но зато можно будет ещё несколько лет покрасоваться среди российского политического бомонда...

***

О. мне вчера сказала, что фиксировать на бумаге свою жизнь — графоманство. Это она в "Литературке" вычитала.

22 октября

Через суд добиваются зарплаты сотни экибастузцев. Суд некоторых поддерживает, назначает торги имущества предприятий-должников. Это, как правило, никому не нужная рухлядь, процедура затягивается на недели и месяцы. "Живых" денег не получает почти никто.

***

В 1990 году в областную библиотеку поступило 31480 экземпляров новых книг, в 1995 — 2,5 тысячи, в этом году на приобретение новых книг не выделено ни тиына. Единственное приобретение — газеты и журналы, на которые было выделено 450 тысяч тенге в последний день подписки. (Из сегодняшней статьи к 100-летию областной библиотеки).

23 октября

Две заметки из "Известий". В Красноярске рабочие предприятия очистных сооружений воздвигли памятник своей зарплате, которую они не получают ровно год. Во дворе, прямо на газоне, установлена могильная плита, на которой вместо фотографии закреплена 500-рублёвая купюра. Есть и эпитафия: "Зарплата, мы тебя помним. Любим, скорбим. Дата смерти — октябрь 1995 года".

Рабочие провели собрание у памятника своей зарплате и приняли решение: если в течение десяти дней она не будет выплачена, они перекроют канализацию, и часть города задохнётся в нечистотах.

Вторая информация из Липецка. Судье Советского районного суда С. Паку пришло уведомление из ЖЭКа: "Не заплатите за квартиру — выселим по решению суда". Но платить судье (и, кстати, отцу трёх детей) нечем — он, как и все 85 работников этого крупнейшего в городе суда, уже три месяца не получает зарплаты. В знак протеста общее собрание судей решило приостановить работу...

***

В Новокузнецке доведённая до отчаяния медсестра, несколько месяцев не получающая зарплату (как и её муж, а семья голодает), облила себя бензином и подожгла. Теперь её пытаются спасти, а она жить не хочет.

Видя полную беспомощность властей, в трудовых коллективах Кемеровской области создают комитеты спасения городов и районов. Газета "Труд" цитирует открытое письмо такого комитета из Анжеро-Судженска главе российского правительства В. С. Черномырдину: "Бедствует большинство семей города. Люди голодают без объявления голодовок — нет денег на еду. Более тяжёлого и более унизительного положения мы ещё не знали. Труд, за который не платят, — рабский труд...".

24 октября

"Комсомолка" эпатирует своих читателей: некая безработная мамаша из Вологды, у которой пятеро детей и муж с мизерной зарплатой, дала объявление

в местную газету о продаже потомства. Потому что не в состоянии прокормить детей. Она и цену назначила: "За годовалого младшенького — три миллиона рублей, за старшего — не менее 15". Ещё мамаша поясняет, что отдаёт детей только в хорошие руки и с условием, что им позволят встречаться с настоящими родителями.

У меня эта заметка под рубрикой "Отчаяние" вызывает смешанные чувства недоумения и раздражения. Да расскажите вы об этой семье внятно: что это за родители, обращались ли к кому-то за помощью, это их совместное решение или только матери и т. д. и т. п.? Но нет — в данном случае газету интересует лишь сам факт как таковой, сенсация, а до детей по большому счёту редакции нет дела. И это настолько не похоже на "Комсомолку", которая просвещала, учила, воспитывала, сеяла разумное, доброе, вечное, что просто противно становится. Газета "желтеет" на глазах.

29 октября

Шёл мимо дома быта "Экспресс". Вижу очередь, сплошь женскую. Спросил: что дают? Оказалось — не дают, а принимают — женские волосы. Причём прекрасную половину человечества в очередной раз одурачили, заманив "высокой оплатой". Средняя по размерам коса "тянет" всего на 150-200 тенге.

***

На заседании коллегии при акиме области, с которых я часто пишу отчёты, прозвучали цифры: с начала года в службы занятости обратились 22039 человек, из них трудоустроены 4959, а 15587 признаны безработными. Большая их часть получает пособие по безработице, прожить на которое нельзя. Кроме того, от 9900 до 22 тысяч человек находились в состоянии так называемой скрытой безработицы — их предприятия то работают, то стоят...

***

Новая напасть в Павлодаре. Некоторым владельцам квартирных телефонов стали приходить счета за междугородные переговоры на десятки тысяч тенге, хотя они уверяют, что не говорили ни с Гвинеей-Бисау, ни с Израилем.

Ольга Воронько разбиралась и написала материал о том, как после ввода в эксплуатацию новой турецкой телефонной станции с некоторых телефонов стали возможны звонки в дальнее зарубежье без помощи телефонисток. Чем незамедлительно воспользовались дети, начитавшиеся рекламы про секс по телефону. Рекорд побил 14-летний школьник, за три дня 47 раз позвонивший в Израиль и семь — в Гайану, всего на 60 тысяч 836 тенге. Из другой квартиры "неустановленные лица" за два дня сделали в эти же страны 74 звонка. Всего любители секса по телефону наговорили за месяц на 800 тысяч тенге. И никто хозяевам эти долги не спишет — они либо должны быть оплачены добровольно, либо через суд. Некоторые теперь, чтобы обезопасить себя от подобных сюрпризов, просят отключить свои домашние телефоны от автоматической междугородной связи.

30 октября

Вчера был день бывшего комсомола и день рождения Людки Яшной. Её я поздравил по телефону (как выяснилось, чуть-чуть заранее), а бывшие комсомольцы позвали меня на юбилейное (двадцатое!) собрание своей неуставной комсомольской организации. Это в высшей степени любопытное действо, отчасти напоминающее театр абсурда, я уже, кажется, описывал. А многие члены неуставной комсомольской организации давно укрепились на командных высотах во власти, бизнесе, производстве. Собираюсь пойти.

***

Готовлю к печати небольшую книжку, у которой ещё нет названия (может быть, “Характеры”). Там есть литературные портреты первых секретарей обкома партии, под началом которых мне довелось работать. Портреты, скорее, иронические. Решил показать рукопись Б. В. Исаеву, поскольку он тоже в ней фигурирует. В целом Б. В. книжку одобрил, хотя не совсем согласен с тем, как выписан его образ. Считает, что я раздваиваюсь, показывая его: и хорошее хочу сказать, и “подгаживаю” ему. “Но ведь каждый человек противоречив и многого за собой не замечает, — отвечал ему я, — да и нет в моих описаниях ничего для вас оскорбительного, это ирония — не более...”.

Ещё Б. В. сказал, что у него есть ощущение, будто я завидую ему: он-то уже состоялся в своей жизни, что же до меня — это ещё вопрос.

***

Б. Н. Ельцин направил представление об увольнении в запас своего бывшего помощника А. В. Коржакова, отставленного с этой должности во время недавней предвыборной президентской кампании. По-хорошему “отставить” Коржакова надо было бы давно — он позволял себе много такого, что не простилось бы никому. Но Ельцин терпел его, потому что тот был рядом с ним многие годы, в том числе и в пору партийной опалы, наверное, доверял, как никому другому. Может быть, у него вообще многие годы не было человека ближе Коржакова. А тот откровенно “зажрался”, да и трудно, наверное, не потерять чувства меры, находясь рядом с таким человеком, как Ельцин, постоянно наблюдая его вблизи...

В своих книгах Б. Н. посвящал Коржакову едва ли не самые проникновенные строки. И вот “расплевался” и с ним. Чашу терпения переполнили обнародованные весьма откровенные воспоминания бывшего президентского охранника. Теперь он будет уволен в запас. Да уж, большая политика и человеческие отношения — две вещи несовместимые.

31 октября

Аким области Д.К. Ахметов побывал в областной больнице и был крайне раздосадован и возмущён её убожеством: устаревшей материальной базой, почти полным отсутствием медикаментов и продуктов для питания больных, мизерной зарплатой, которая к тому же вовремя не выплачивается... От такой жизни бегут врачи, медсёстры, нянечки.

Больнице обещана помощь в размере не менее миллиона долларов. Это — на оснащение. Поручено также улучшить снабжение её продуктами питания. А вот долги по зарплате медикам, которая у них и без того едва ли не самая низкая среди бюджетников, скоро погасить не удастся. Впрочем, хорошо уже то, что аким лично увидел, насколько жалкое зрелище представляет собой наше нынешнее здравоохранение.

***

В Павлодаре открыта школа национального возрождения. Здесь будет десять отделений: польское, немецкое, украинское, корейское, еврейское, армянское, чувашское, чечено-ингушское, азербайджанское и татарское... Это — воскресная школа, дети в ней будут изучать родные языки, культуру, традиции и обычаи своих народов. Это — инициатива Малой ассамблеи народов. Павлодарцы открыли такую школу первыми в Казахстане.

Продолжение в следующем номере.

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

“А степь уже мечтает о восходе...”

Фарфоровым утром

Может, когда-нибудь хрупким фарфоровым утром
в необъяснимости замерших звуков природы
всплеском весла потревожатся тихие воды,
лопнет струна ожиданья в предчувствии смутном...

Может, когда-нибудь истосковавшись по ласкам,
из одиночных скитаний в квадрате картины
угол холста обозначит забытое имя —
я прорисую твой образ античностью красок...

Может, когда-то в оливковых рощах Эллады,
мраморной глыбы кусок оживёт под руками,
Мастер-создатель, вдохнувший изящество в камень —
ты изваяешь меня грациозной наядой...

Может, рассыпав по линиям чётким значками —
нотами бусин на белых листах партитуры,
старый скрипач бородатый с седой шевелюрой
тонким смычком проиграет мелодию нами...

Может, когда-нибудь все нарушая границы,
пересечёмся с тобою в различных эпохах.
и потерявшись в словах, междометиях, вдохах,
просто позволим тому, что назначено, сбыться...

***

Мне до тебя так бесконечно далеко:
Не добежать, не долететь, не прикоснуться.
И лишь во снах нам встретиться легко,
Дыша друг другом, не боясь проснуться.

Вика (Виктория) ЧЕМБАРЦЕВА родилась в 1973 году в г. Кишинёве. Окончила факультет маркетинга Экономической академии Молдовы (2000) и факультет психологии института непрерывного образования (2008). Член Ассоциации русских писателей Молдовы (2009). Участница 9-го Форума молодых писателей России (2009). Лауреат международной литературной премии “Серебряный стрелец” (2010) и других премий. Автор поэтической книжки “Тебе…” (2010), стихи и проза Вики Чембарцевой публиковались в коллективных сборниках, литературных журналах и альманахах Молдавии и России.

Имеет родственные связи с Казахстаном. В 2010 году совершила путешествие по нашей республике и Узбекистану. Живёт в Кишинёве.

В “Ниве” выступает впервые. Предлагаем читательскому вниманию подборку стихов Вики Чембарцевой из сборника “Тебе…”.

И в гулком эхе телефонного звонка,
И в этих грустных расставаниях без встречи,
Я всё ищу тебя издалека
В чужих словах, не мне дарящих вечность.

Из кем-то брошенных давно когда-то фраз
Я научусь углём писать твои портреты.
Ночные тени сложатся за нас
В несыгранные по ролям сюжеты...

Сон во сне

Я ускользаю... Тонкой тенью
Сливаюсь с призрачностью парка.
И лёгким ветра дуновеньем
Струюсь под виноградной аркой.
В её листве, где шепчут птицы
Свои мечты в ночном тумане,
И где луна тончайшей спицей
Сплетает кружева сияний...
Весомым шорохом столетий
Дубы трепещут вековые,
И ивы тонкой руки-плети
Баюкают слова немые.
Слова, несказанные нами...
О том, что с нами не случилось...
Слова, невыспанные снами...
О будущем, что позабылось...
В дождями выплаканной ночи
Уснули годы ожиданий.
А я всё также, в многоточьях
Скучаю по тебе стихами...
По лепесткам полночных лилий
Я научусь считать мгновенья,
Где на губах моих застыли
Признаний нежных откровенья...
Фатою свадебной струится
За мною дым в аллеях лунных...
Я заблудилась в снах... Мне снится —
Перебирает ветер струны.
О чём-то важном, неизбежном,
Поёт мне песни звёздный ветер...
Но ночь роняет на одежды
Рассвета бледный серый пепел...

Я думаю

Я думаю, мы сами — рай и ад.
Я думаю, и грязь бывает чистой.
Как тонкие соломинки горят,
не дав тепла и не нашедши истин
под тлеющей рубиновой золой,

едва затронув сердцевину древа —
исторгнутые вечностью из чрева,
мы жжём мосты, ведущие домой.
Я думаю, мы сами — свет и тьма
настолько ровно, сколько позволяем
в себя принять лишь зёрнышко тепла
иль щедрое уныние до края.
Когда покой уводит за собой,
я думаю...
а так ли важно думать?!
Не страшно погружаться в стылый сумрак,
единожды познавшему любовь.

Гармония относительности

По лабиринтам улиц где-то бродит лето,
И солнце чертит тени по углам.
А за фасадами с парадным белым цветом —
Изнанка формы, мира пыльный хлам.

Когда ты думаешь, что стал чуть ближе к цели —
На самом деле ты идёшь назад.
Лишь в облетающей цветением метели
Познаешь — был прекрасен вешний сад.

Шероховатости песка исправят волны,
На ровной глади след ноги — изъян.
Началом утра называться может полночь.
И долей правды может стать обман.

Остановись, попробуй быть самим собою,
Прислушайся к течению времён.
Сливаясь истинно с вселенской пустотою,
Прими существования закон...

По лабиринтам улиц где-то бродит лето.
А где-то осень, сплин, холодный дождь.
Но то же солнце озаряет тёплым светом
Условный мир, в котором ты живёшь.

Противоречия

Боясь за грань себя пробиться снова,
противоречий взбалтывая взвесь,
чужие догмы брать в противовес,
непротивление назвав первоосновой.

Вживаясь кровью в неизменность фактов,
на подлинность иллюзий ворожить.
И усыпляя правду, ложью жить,
о равновесии не составляя актов.

И прятаться... И жить, как прежде — мимо,
запутываясь в шелесте страниц.
Искать — скрываясь, знать — осуществимо
стремиться вверх... Но падать больно ниц

и припадать на стёртые колени
в который раз смирившейся судьбы.
Во внутренней своей гореть геенне...
Но взращивать на терниях... цветы.

Отцу

Знаешь, время пришло перечёркивать прежние даты.
По прошествии лет переписывать их ни к чему.
В то, что важным до боли и главным казалось когда-то,
я пытаюсь всмотреться, да только понять не могу,
для чего были слёзы, бессонная синь под глазами,
удушающий ужас за трепетом стиснутых губ?..
И когда безразличье писало историю нами,
почему я была, а по чувствам казалось, что труп?..
Знаешь, жизнь заполняла усердно пустые альбомы,
и любовью так щедро делилась — ну, пусть не твоей —
и спасала не раз. Без условий. Не глядя. Пополнив
на страницах души бесконечную веру в людей...

Знаешь, время пришло перечёркивать прежние даты...
Над озёрами памяти тихо... Лишь дикий ковыль
пробежит иногда шелестящей волной... Для меня ты
позабытая дата. И всё же... Спасибо, что был!

Ветер его казни

Тепло ушло в хмельной загул,
настойкой горькой выпив лето,
и осень вышла из декрета,
родив сентябрь... А ветер дул...

А ветер дул... И было так,
что ветви вздрагивали тихо,
как будто сонная портниха
из листьев смётывала фрак.

А ветер дул... И по стеклу
ссыпался дождь, как мелкий бисер.
И день от солнца не зависел,
спеша, как вор, в сырую мглу.

А ветер дул... И тени стен
в слепом безумии метались
линялым утром, удаляясь
с промокших городских арен...

Когда из зева чёрных дул
свинцовое сорвалось жало,
душа объятия разжала...
А ветер... Ветер просто дул...

Тоска по Азии

... Там солнце — благо на исходе дня,
а женщины — с раскосыми глазами
и веками, как створки миндаля...
Тягучими гортанными словами
неспешно речь свою ведёт акын,
познавший мир в простом до совершенства.
Лицом к Каабе[1] звучно муэдзин
Азан[2] читает на ветрах... Главенство
звезды и полумесяца... Восток...
Тоска по Азии так сладко ноет.
Монгольской каплей болен кровоток
и западной прохладною водою
её во мне никак не залечить
(хоть этой крови бледной больше в жилах).
И я хочу с барханов вниз скользить,
а на закате дня упасть без силы
на нежный остывающий песок,
струящийся меж пальцев легче пуха...

... Я влюблена до боли в твой Восток
и ревновать к нему — такая мука!

Имя для сына

О сколько лун прошло тропой небесной,
Когда тугой толчок твоей руки
Впервые стал мне радостною вестью:
Я знала, милый, это будешь ты!

Снежинка плавно на лицо садилась,
Но холод лишь румянцем согревал.
И под моим твоё сердечко билось.
Мой плод любви тихонько созревал...

Томилась грудь, налившись ожиданьем,
И округлялся с каждым днём живот.
Небесный Свет покой вливал в сознанье:
“Душа рождённой быть тобою ждёт!”

Я имя для тебя, родной, искала:
Закрыв глаза, ловила шум ветров;
Читала знаки по застывшим скалам,
Прислушиваясь к шёпоту ручьёв...

Отец сказал, ты будешь Ерболатом [3].
А дед сказал: "Родится Айтуган [4]!"
Твой прадед называл тебя Аркатом [5].
Меж братьев спор: Бошай [6] или Ержан [7].

Весна бушует в майском пробужденьи,
В предгорьях аромат садов парит.
Всему живому жизни возрожденья
Природа тайну вечную дарит.

Гроза, прорвав небесный парус серый,
Пролилась с выси слёзною рекой.
От мокрой шерсти резкий запах прелый,
Дымится пар над гривою гнедой.

Бушует ливень. Майский гром сквозь ржанье.
Как бледный саван, в вспышках молний степь.
И жеребёнка первое касанье
Тревожит влажную земную твердь...

Прошла гроза... Уж вечер на исходе,
И лунный диск застыл у края скал.
А степь уже мечтает о восходе,
И сон от липкой темноты устал.

За первыми рассветными лучами
Младенца крик, вливающийся в мир.
Обрезана проворными руками
Меж нами связь, мой маленький батыр [8]...

Небесный луч едва скользит по векам.
Шуршит тихонько в колыбельке сон.
"Тебя я нарекаю Нурлыбеком [9]!
И шью Одежды Света из времён!"

Июль

В распахнутые окна — вдох дождливый,
распаренный июльской маетой.
Под глянцем листьев — матовые сливы
с седым налётом. Шумной суетой,
взъерошенной от воробьиных криков,
слетают звуки в глубину двора.
Дробится радуга в зеркальность бликов.
Орёт самозабвенно детвора.
И пахнет сердцевиной яблок ветер.
И сном младенца у моей груди,
чуть вздрагивая, остывает вечер.
Мой город белый, лета посреди,
несёт в ладонях улицы и скверы,
собак, дома и звон колоколов,
дворы, людей, ещё — немного веры,
забот, везенья и чуть-чуть грехов...

Ночь на 18 июля

За ливнями испарина дорог.
Июльский календарь листает осень.
Сквозняк субботний кисею возносит
жеманниц занавесок-недотрог.

И медленно стекает молоко
за край стола на тёмный пол дощатый...
И тени звуков прорастают мятой,
безмолвием... И света волокно

луной дрожащей под торшер ложится.
Отяжелев, смежаются ресницы.
И ветер ночи выдохнет в окно

раскатом грома в лёгкой колеснице.
И обогретою в ладонях птицей
забьётся сон, приснившийся давно...

На пороге

По осени затосковал июль.
Всё холоднее солнце на закате.
И радуга с востока так некстати
не надо мною выгнула дугу:
желанье загадаю и смогу,
не проходя под нею, всё исполнить.
Я верю. Будет день и будет полночь,
и сон мой воплотится наяву.
Я верю. Я смогу. Я подожду.
Ещё чуть-чуть... С Востока Солнце встало.
Я на пороге, и осталось мало —
надеть, как платье, новую судьбу...

Зов неизведанного

Так, приближается шёпот зеркальных дорог.
Звёзды земные на стеблях качает цикорий.
В камне зелёном уснуло Эгейское море.
Так, ожиданьем шагов замирает порог.

Так, дуновением в листьях рождается звук...
Белый песок меж волокнами чёрной бейсболки,
Берег, смолистые слёзы сосновой иголки —
запах вчерашнего лета меж пальцами рук.

Так, океаном сбывается стаявший снег.
Тени крыла вызывают затмение солнца.
Млечной тропинки мерцание в затхлом колодце —
зов в неизвестность за тайной опущенных век.

Сквозь утро

А назавтра сквозь тихое утро уляжется снег,
бриллиантовой пылью застывшей чуть выбелив воздух.
До окраин прокатится звон колокольцев обозных,
и сорвётся густеющим паром тягучее "Эх!

Ну, залётные!". Ветка осыплется... Капли рябин
проступившею алостью брызнут на белое тело
охладевшей земли. И в проложенной кем-то умело
колее, перетянется лужа морщинками льдин.

Степные сны

Облака зацепились за ломкие стебли травы,
исколовшие небо. Звенит пересушенный воздух,
как стрела, натянувшая тело тугой тетивы.

Одуряющий зной, задремавший на маковых звёздах,
стрекотнёй насекомых завис над простором степным.

По полынному духу гадает закатом светило
о дороге на запад — до самых аральских пустынь —
где гортанью просоленной шепчет о том, что забылось
миражам кораблей. Где в провяленных досках — песок.
А в изъеденных ржою бортах — вездесущие ветры.

Где меж двух горизонтов застыло и видит свой сон
безвремение в тонких одеждах из веры и пепла.

---

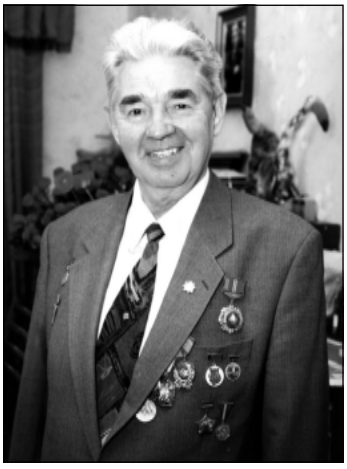
[1] Кааба — мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе Запретной Мечети (Мекка). Кааба служит ориентиром, к которому обращают свои лица мусульмане всего мира во время молитвы.
[2] Азан — в исламе призыв к молитве, читаемый муэдзином.
[3] Ерболат — настоящий мужчина (казах.).
[4] Айтуган — рождённый в новолуние (казах.).
[5] Аркат — избранный волей богов (казах.).
[6] Бошай — свободный, независимый (др.-тюрк.).
[7] Ержан — смелый, храбрый (казах.).
[8] Батыр — богатырь, герой (др.-тюрк.).
[9] Нурлыбек — сияющий, излучающий свет и тепло (казах.).

Моисей ГОЛЬДБЕРГ

Вкус черешни мелитопольской

Посев научный взойдёт для жатвы народной.
Д. И. Менделеев

Чем дольше живём мы — тем годы короче, тем слаще друзей голоса. Лучше не скажешь о стариковских чувствах и переживаниях. И ещё одна примета человеческого долголетия — постоянное возвращение к событиям юности. Какое-то наваждение: каждое лето в начале июля как на кадрах старого фильма вижу себя в черешневом садочке в Мелитополе, рядом с домиком моего дяди. В тот день в 1941 к народу страны по радио обращался сам Сталин. Он говорил о горестных первых днях кровопролитных сражений. Дядя с тётей склонились к чёрной тарелке репродуктора и вслушивались в каждое слово вождя. Голос Сталина дрожал, это я точно помню. И тем не менее это была речь, наполненная оптимизмом и верой в победу. Мы разгромим гитлеровцев, как Наполеона. Стояла теплынь. В саду благоухали розы, из лепестков которой на юге Украины хозяюшки варят удивительно ароматное варенье. Я лежал под черешней и с наслаждением уплетал сладкие плоды. Низкорослые деревья особого сорта были усыпаны ими. Уже тогда, до войны, черешню увозили самолётами, собрав в небольшие корзины, в Москву. Вскоре через несколько месяцев эти деревья полыхали, сожжённые войной.



Я рассказывал об этом своему доброму давнему другу Эрвину Францевичу Госсену, от которого совершенно случайно узнал, что мы с ним земляки.

— А мы, Госсены — молочанские, из села Вальтгейм тогдашней Днепропетровской области. Между Мелитополем и Большим Токмаком существует до сих пор этот маленький городок, где тоже росла не менее сладкая черешня. Мой отец Франц Госсен имел богатую усадьбу, как и все проживавшие в то время в Таврических степях немцы. Богатейший сад с конюшнями и сараями для молочного скота. Но самая вкусная черешня всё-таки росла в небольшом пригороде Мелитополя с названием Терпение.

Слушая Эрвина Францевича, я ощутил его тягу к земле, которая идёт от поколения к поколению. Многие немецкие сёла, в прошлом богатейшие колхозы, были превращены гитлеровцами в пустынную мёртвую зону. Я пошутил, сказав Эрвину Францевичу, что, может, стоит заглянуть в Молочанск, искупаться в тёплой реке Молочной, написать заявление

о возвращении прежней усадьбы отца, Она ведь в какой-то степени сохранилась. В Молочанске сохранился и пивзавод, выпускавший, благодаря особому качеству воды, вкуснейшее пиво. Его привозили бочками в сёла и выпивали вёдрами в дни различных праздников, предварительно наловив в речушках довольно крупных раков.

"Вся благостность человеческая — от земли", — говорил этот человек, для которого казахстанские степи стали второй родиной. Хлеборобский труд он познал в 1943 году прошлого века, будучи 12-летним подростком. Распахивал с односельчанами однолемешным плугом целину в селе Котырколь Щучинского района тогдашней Кокчетавской области. Однокорпусный плуг, запряжённый восемью коровами. Надо было уметь управлять таким плугом! Было холодно и голодно. Но сегодня после прошедших десятилетий ему то время кажется счастливым, и он рассказывает с каким-то пафосным восторгом о запахе только что вывороченного пласта земли. Именно эта первая борозда дала ему старт в большую аграрную науку. За полгода до начала осуществления грандиозного проекта Страны Советов — освоения целинных и залежных земель — он уже выполнял первые научные исследования на Келлеровском опытном пункте в качестве младшего сотрудника Казахского научно-исследовательского института земледелия имени В. Р. Вильямса. В те годы надо было пробивать как бы в застывшую крестьянскую повседневность и обыденность, похожую на тихую заводь, новые идеи, уже давно будоражившие весь мир новыми подходами и видением проблем. Послевоенная страна оказалась в нужде, не хватало хлеба. Целина практически перевернула образ мышления и сельчан, и горожан. Вся страна была увлечена созданием на востоке страны могучей хлебной державы, какой сегодня является Казахстан.

В 1959 году Эрвин Францевич был переведён в Шортанды в знаменитый Бараевский институт, где проработал до 1982 года. Подчеркнём, что тринадцать лет он занимал должность заместителя директора института. Александр Иванович Бараев видел в нём истинного поборника всего нового, прогрессивного. То, что происходило в лабораториях и на полях Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства, требует многочисленных размышлений и самых высоких оценок. Бараев уезжал учиться в США и Канаду, в регионы, которые по климатическим условиям очень похожи на наши. Но в то же время каждое лето многие научные американские делегации приезжали к Александру Ивановичу в институт и восхищались научными данными и разработками, которые, кстати, мудро увязывались с традициями полеводов здешних мест.

Оказавшись однажды в институте, академик Мстислав Всеволодович Келдыш восторженно отозвался о научной деятельности его сотрудников. Практически по его инициативе целая группа учёных была выдвинута на Ленинские премии. Одна из золотых медалей сверкает на груди Эрвина Францевича Госсена. Келдыш, помнится, привёл прекрасные слова: "Наука научила людей пользоваться энергией, скрытой в сокровищницах земли. Она должна вести человека в сокровищницы неба и научить его улавливать там энергию солнечных лучей. И к счастью человечества, наука уже строит тот мост, по которому пойдут в космос ловцы его энергии, — и добавил: — Космос начинается с хлебного поля".

Мне приходилось часто встречаться и с Бараевым, и с Госсеном. Поэтому глубоко убеждён, что все рекомендации актуальны сегодня ещё больше,

чем тогда. Вот уже несколько лет наши степи изнывают от жары. В прошлом году она унесла половину урожая Казахстана. К концу года почва оказалась практически совершенно иссушенной. Зима тоже не принесла снега. Нынешний май огорчил полеводов ещё больше: ни одного дождя. Зато ветры пробуждали пыльные бури то в одном, то в другом регионе. Как быть, что делать? А вот что написал по этому поводу много лет назад Госсен:

"При одних и тех же запасах влаги в почве и одинаковом количестве атмосферных осадков можно по-разному её израсходовать. Как показали десятилетние исследования института, на долю пшеницы, посеянной 5 мая, выпадает 14-19 засушливых дней и на 1 центнер зерна за вегетационный период она расходует 21,6 миллиметра продуктивной влаги. Урожай при этом составляет 10,9 центнера с гектара. При посеве 20 мая засушливых дней пришлось только 8-10, расход влаги 13,8 миллиметра, урожай — 16 центнеров. Более поздние оптимальные сроки сева позволяют не только смягчить отрицательное действие майско-июньской засухи, но и оставляют время для уничтожения однолетних сорняков. Это даёт возможность культурным растениям производительнее использовать влагу".

Уже давно нынешним хлеборобам стоило бы прислушаться к другому важному аргументу Бараевского института. Речь идёт о необходимости использования в широких масштабах фосфорных удобрений, которые ускоряют созревание зерновых чуть ли не на целую неделю. Центнер суперфосфата в год его внесения и в последующий увеличивает урожай на 3,5 центнера.

Кроме Ленинской премии академик Эрвин Францевич Госсен имеет множество других наград, среди которых награды суверенного Казахстана: ордена "Достык", "Отан", многочисленные грамоты

По сей день он активно участвует в разработках новых интересных проектов. Нынешняя грандиозная программа "Леса Казахстана" разрабатывалась личным энтузиазмом Эрвина Францевича. Сегодня мы уже видим немало лесных массивов вокруг столицы. Леса как бы расходятся во все стороны, словно лучи солнца. Зелёный пояс уже прошёл зону Вячеславского водохранилища, молодые посадки направлены к Соколиным горам Ерейментау, а также на юг Караганды к Каркаралинскому заповеднику, в сторону гнездовья розового фламинго на Кургальджинские озёра. Создаётся единая лесопарковая зона Боровое — Макинск — Акколь — Шортанды. Казахстанский академик стал разработчиком ряда важных кластеров, которые уже внедряются и на юге республики, и на европейском пространстве. Большой интерес у аграриев-производственников к идеям агро-ландшафтного ведения сельского хозяйства.

Размышляя о многих хлеборобских бедах и экономических проколах за годы реформ, видя как некоторые благополучные в недалёком прошлом деревни превращаются в жалкую труху, а былые тучные поля зарастают горькой полынью, я позволил спросить у академика Госсена: во всём ли вина погодных катаклизмов? Почему истощается плодородие в почвенном слое? Госсен согласился со мной, что одна из причин — полное игнорирование крестьянских традиций, ценностей деревенской души, достоинства человека. На собраниях, когда передавались личные паи новым хозяевам, сельчанам вдалбливали банальное враньё, что инвестор принесёт если не рай, то во всяком случае благополучие. Но получилось как в

той поговорке: “Федот, да не тот”. Проголосовав за новых “благодетелей” — современных латифундистов, люди подписали себе приговор. Доверчивые Иваны и Бахыты оказались в ловушке “гениев” алчности и личной наживы. Урожаи и стада животных стали Клондайком обогащения различных городских фирмачей, которым земля досталась на халяву, при полном безучастии государства. Я назвал ему много богатых сёл, которые полностью разорились и обнищали. Более того, идёт массовая перепродажа земель. Некоторые хозяйства перепроданы уже несколько раз.

Госсен согласился с моим возмущением и признался в том, что происходящее сейчас на селе приносит ему боль:

— Почему-то казахстанские историки и нынешние аграрии, да и наш депутатский бомонд пропустили мимо своего внимания событие небывалого масштаба — 150-летие царского манифеста о даровании крестьянам свободы. Помещичьи подневольные перестали считаться собственностью. Отныне их нельзя было продавать, дарить, переселять и чинить над ними произвол. Манифест, подписанный Александром II, провозглашался под звон колоколов. Перезвоны возносили славу земледельцам-кормильцам, освободившимся от гнёта крепостничества. А мы сегодня в какой-то степени вернули в наши сёла несправедливость и подневольность, если хотите.

Здесь следует припомнить, что уже с времён Екатерины II государство принимало меры для облегчения участи крестьян. Именно она высказала здравые мысли, которые остаются актуальными и для нашего времени:

“Не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного…”.

“Лучше несколько тысяч подданных, наслаждающиеся умеренным достатком, нежели… несколько сот великих богачей”.

… Госсен — открытый и задушевный человек. Однажды засиделись с ним допоздна, он вдруг оборвал разговор и сообщил, что друзья с Кубани прислали ему стручки необычного перца, который там взращивают для приготовления особой водочки, дескать, такая настойка уже готова. Мы пришли к нему домой, и его гостеприимная жена Татьяна Никитична подала на стол удивительно нежные пельмени под этот самый кубанский перец.

Как бы хотелось сегодня поднять чарку с таким святым напитком в честь 80-летия этого мудрого человека, видного учёного-агрария. И на десерт, конечно бы, отведать мелитопольской черешни.

От редакции.

Ещё несколько месяцев назад в “Ниву” с официальным письмом обратился генеральный директор ТОО “Институт “Казсельэнергопроект” по проектированию электросетевых и энергетических объектов, заслуженный энергетик Казахской ССР, член-корреспондент Инженерной академии РК Александр Степанович Трофимов. Он поставил редакцию в известность, что 18 июля 2011 года исполняется 80 лет со дня рождения видному казахстанскому учёному, доктору сельскохозяйственных наук, действительному члену Национальной академии наук РК, лауреату Ленинской премии Эрвину Францевичу Госсену, попросил не обойти вниманием эту знаменательную дату и подчеркнул, что в круг разнообразных научных

интересов учёного органично входят и актуальные проблемы сельской энергетики:

“Эрвин Францевич последние 15 лет активно сотрудничает с нашим институтом, являясь его консультантом по проблемам внедрения возобновляемых источников энергии. Видный учёный, он внёс неоценимый вклад в развитие сельскохозяйственной науки и внедрение её результатов в производство. За все годы нашего сотрудничества, начиная с 1995 года, он оказал и оказывает неоценимую помощь в сохранении института и его развитии.

В нём, как в одарённом человеке, заключён божий дар — приносить людям первозданность и красоту открытий, идей, инновационных решений, смелость их внедрения и способность преодолевать преграды на их пути. Нам повезло встретиться в самые трудные годы с Человеком с большой буквы. Его беспокоит и волнует всё, что поможет людям жить свободно, достойно. Особенно большое внимание он уделяет труженикам села и развитию аграрного сектора экономики.

В своих высказываниях и конкретной деятельности Э. Ф. Госсен придаёт огромное значение важнейшей составляющей производственно-социальной инфраструктуры сельских населённых пунктов — системе электроснабжения, где электрическая энергия остаётся одним из основных ресурсов развития сельского хозяйства, его базовым элементом.

За годы совместной работы с Эрвином Францевичем по его инициативе при поддержке бывшего министра энергетики и электрификации Казахстана Б.Г. Нуржанова, а также специалистами института настойчиво поднимались вопросы о восстановлении распределительных электрических сетей сельских территорий РК на базе качественно новой технической основы — сетей нового поколения.

Эрвин Францевич Госсен настойчиво проводит в печати, на правительственном и парламентском уровне идею о разработке закона Республики Казахстан “Об электрификации села (аула)”.

Совместно со специалистами ТОО “Институт “Казсельэнергопроект” академик Госсен подготовил более десятка статей по вопросам развития электрификации села с использованием возобновляемых источников энергии. Разумеется, неслучайно этот великий агроном был занесён в энциклопедию “Энергетики России”. Он активно сотрудничает с десятками организаций, институтов, фирм.

Его отношение к своим близким и родным, к жене Татьяне Никитичне может служить образцом для подражания.

В свои 80 лет Эрвин Францевич по-прежнему неутомим, энергичен, деятелен, подвижен, продолжает своими новыми и свежими оригинальными идеями обогащать науку и практику. Я от всего сердца поздравляю выдающегося учёного нашей страны, академика НАН РК, лауреата Ленинской премии Эрвина Францевича Госсена с замечательным юбилеем и желаю ему неиссякаемой бодрости, здоровья, новых успехов в благородной научной деятельности, направленной на бескорыстное служение родному Казахстану”.

Редакция “Нивы” присоединяется к поздравлениям и пожеланиям Александра Степановича Трофимова.

Сауле БЕККУЛОВА

Диагноз: настоящий мужчина

Винить окружение в недостатке внимания — дело неблагодарное. Как и не благородное. Стоит заглянуть в анналы памяти, чтобы убедиться в обратном. Так случилось... И со мною тоже.

В Питере

Владислав Игнатьевич Стржельчик — фигура неординарная, широко известная в артистическом мире личность. На сцене он долгие годы блистал в самом широком диапазоне ролей — от остро комедийных (князь в "Хануме" до трагических — "Цена" и др.). Знаменитый артист не однажды приезжал со своим театром — Большим драматическим им. М. Горького — на гастроли в Алма-Ату, где и случилось наше знакомство. Оно продлилось на долгие времена, но вот что врезалось в память. Взрослый, серьёзный человек, эрудит в разных сферах знаний, он превращался в мальчишку при малейшей возможности, страшно любя балагурить и проделывать всякие шутки с друзьями. Хохоча во всё горло, когда розыгрыш удавался. И жутко не любя никаких проигрышей. Однажды, позвонив по приезде, была приглашена в театр и, придя к назначенному часу, обнаружила оставленный для меня билет у администратора. Учитывая, что попасть в БДТ в те времена было архисложно, я была поражена и растеряна. После спектакля получила выговор за "неявку" в антракте, а затем участливый, требовательный вопрос о проблемах. Попытки отказа от трогательной заботы и помощи были отметены. Пришлось через силу признаться, что — да, недостаёт энной суммы на билет до Алма-Аты. Он строго спросил: "А иначе что?". Тотчас ответила: "Придётся остаться здесь навсегда!". Расхохотавшись, мэтр за руку повёл меня в полумрак фойе при входе, где всё было заперто и пусто, и, опасливо оглядываясь по сторонам, стал делать совершенно непонятные телодвижения. Похлопав себя по нагрудным карманам пиджака, помедлил. Затем забрался обеими руками во внутренние. Следом — в боковые. Потом — в брюки. Дальше зачем-то наклонился и стал разуваться. В полном замешательстве я попятилась от дверей к коридору. И была остановлена возгласом: "О, куда же ты? Нашёл! Да, и вот ещё!". Мой кумир сцены сиял, расправлял в руках мятые купюры, а затем вдруг потерянно произнёс: "Ой, представляешь, здесь только тридцать рублей. Это — всё. Больше нет". И стыдливо протянул их мне. Смешавшись, спросила сдавленно: "А куда высылать? На театр или домой?". Он автоматически ответил: "Сюда, на Фонтанку!".

Позже подруга из театра хохотала: “Представляю, какое лицо будет у его супруги при виде суммы в 30 рублей. У него самые малые гонорары в 10 раз больше!”. Но телеграфом в день прилёта сумму я отправила, а следом — выговор по телефону. Оказывается, юмор я не оценила, а “единовременная помощь” была скорой и безвозмездной.

Долгие годы работая в театре костюмером, подруга моя Лена была там любимицей, и Стржельчик называл её дочкой за отчество — она тоже Владиславовна, и за нрав — жизнерадостный, лёгкий, заводной. Вот что она мне поведала: “В принципе Стриж — у нас все его так зовут — очень здоровый человек. Никогда не было срывов спектакля по его вине. Только раз во время “Ханумы” он вдруг стал “оседать”. Занавес опустили. Вызвали “скорую”. Он был без сознания. Потом молоденькая врач, поставив диагноз — что-то с почками, стала задавать ему вопросы. Он пришёл в себя, стал улыбаться, ещё лёжа, и пригласил её на спектакль. Вслед добавил, страшно довольный: “Вот видишь, Лена, все меня знают!”. Я прочитала рецепт. В графе назначений больному было написано: “гр. Стиржелчик”.

Знакомство

Амфитеатр большого зала КазГУ (старого здания) был переполнен. На сцену лёгкой походкой вышел ослепительно красивый высокий блондин, царственно-вальяжный и улыбчивый. Раскинув руки, он крикнул в зал: “Дети и женщины — это цветы жизни! Как много здесь цветов и юности! Здравствуйте!”. Зал ахнул от удивления и радости. Розами забросали всю сцену. А он, элегантный, моложавый, смеющийся, покинул зал, подарив студенчеству свой шарм и великолепную уверенность в их завтрашнем дне. Следом в аудитории состоялась встреча-беседа, где моими соседями по длинному, заставленному алматинскими яблоками и альбомами столу оказались Трофимов и Басилашвили, Богатырёв и Шарко, Тенякова и Юрский. Некто благообразный и приветливый предлагал мне сравнить

виды старого Петербурга с их аналогами современными, подробно комментируя. А у меня замирало сердце, потому что с детства этот город был сокровенной мечтой, и увидеть его, а главное — учиться в нём было пределом мечтаний, но сказать вслух об этом незнакомцу казалось невозможным. Гости-актёры балагурили, о чём-то спрашивали, договаривались о дальнейшей программе времяпрепровождения, а я, онемев, не могла дождаться завершения этой встречи. Наконец все зашевелились, стали подниматься из-за стола, шумно покидая комнату, а мой сосед задержался, вытянул пригласительный из-под моих пальцев и что-то стал в нём быстро писать. Спросил имя, я ответила. Он покинул аудиторию, меня окликами звали фотографироваться, но я медлила. Наконец открыла свой билет и прочла: "Милая Сауле! Приезжайте к нам в Ленинград. Ваш Олег Басилашвили". От обиды чуть не расплакалась. Что за глупые мистификации! Голубоглазый, нордического типа блондин-аристократ подписался чужим, явно грузинским именем.

Через год, во время вступительных экзаменов в Питере, я поведала эту историю моей Лене и вместе мы смеялись до слёз. Смеялся потом и сам Олег, которого все в театре ласково именовали "Басик". Но прежде, в Алма-Ате, случилась каверзная история.

"Штаны Басика"

Владислав Игнатьевич строго наказал не опаздывать, чтобы встретить меня со служебного входа Дворца Республики. Зная, что состоится "Ханума", я не слишком рвалась, поскольку видела уже этот спектакль, а на работе в музее в этот период было очень много неотложных дел, из-за чего я хронически не досыпала. Естественно, уставала. Но попробовав сказать об этом Владиславу Игнатьевичу, перед которым страшно робела, получила жёсткую отповедь: "Нет, вы только посмотрите на неё! Какое нахальство! Люди ночами стоят, в очереди по 300 человек, записываются, чтобы попасть к нам, а она!..". Он даже задохнулся от негодования. И я обречённо поспешила принять приглашение. Вовремя ступила на крыльцо "чёрного хода". Лощёный молодой человек в милицейской форме, пристально оглядев меня: в тёмном брючном костюме, с косой на плече, в грустном настроении, заключил, что — можно не пускать. Никто меня не встречал. Вконец огорчённая, не пытаясь вступать в разъяснения, я было повернулась к двери. И вдруг! Своды фойе огласились воплем: "Детка! Постой! Куда же ты! Вернись!". Оглянувшись, потеряла дар речи. Мне навстречу летел некто полуобнажённый, лысый, в атласных лазурных шароварах, спадающих с розового брюшка. С разбегу обняв меня, развернув к себе, он стремительно увлёк меня в глубину коридора. Опешив, я не вдруг поняла, что это — Стржельчик. А милиционер остался каменным изваянием с открытом ртом и выкаченными глазами на пороге вестибюля. Влетев в грим-уборную следом за "князем", я, наконец, спросила: "А что это было? И зачем?". Он тотчас спокойно ответил: "А, по-твоему, милиционер — не человек? Ему тоже спектакль нужен!". В коридоре в это время гремел гомерический хохот. Оказывается, все молодые актёры были свидетелями этой сцены, учинённой не столько для меня, сколько для охраны. Спектакль перед спектаклем! Затем Лена — моя подруга-костюмер была наставлена на мой

счёт: “Проведи её в партер, если откидных не будет — в оркестровку, затем накорми в буфете, а в антракте приведёшь сюда, хорошо, дочь моя?”. Страшно раздосадованная и смущённая всем происшедшим, я торопливо удалилась с Леной, прихватив свой длинный жакет, чтобы можно было незаметно исчезнуть. Но когда зажглись огни рампы, Лена стояла у моего места. Мы вернулись. Я — всё с тем же своим жакетом через руку. Переступая порог грим-уборной, отшатнулась от ликующего возгласа Стржельчика: “А-а-а! Ну то-то же! Вернулась?”. И, победно вращая зрачками, обратился к Лене: “Ты представляешь? Завтра — “Записки Пиквикского клуба”, а Басик обыскался своих белых панталон. Лен, ну ты посмотри, ты видишь?”. Вся эта тирада на повышенных тонах вконец ошеломила меня. А моя Елена, вдруг всплеснув руками, закрыла лицо и стала всхлипывать. Боже, ведь она — костюмер, это же ЧП! И тут глаза её встретились с моими. Она заливалась беззвучным смехом. А её жест на мою руку заставил меня посмотреть туда же. О ужас, из-под коричневой вязки выглядывало нечто белое. Сломавшись пополам и вздрагивая, Лена вытянула на себя нечто странное, с разной длины штанинами, и, держась за живот, попыталась водрузить его на вешалку. А голос Стржельчика рокотал: “Надо же! Штаны Басика на память забрала!”.

Диагноз

Через день Владислав Игнатьевич принял приглашение и приехал в музей искусств на мою лекцию “Музыка, литература, искусство Западной Европы. 16-20 века”. Бурно реагируя, он комментировал: “О, а это — вилла Боргезе, здесь мы были! А вот здесь, слева — костёл, я помню!”. “Ах, бальзам — на душу, спасибо! Приедешь в Питер, ещё поговорим, поспорим, и о музыке особо”. Тяжёлый стационарный магнитофон привезли мне двое молодых людей. А сейчас, молодцевато подхватив его, наш мэтр донёс его до такси, потом — до ступенек Дома кино, чтобы затем увезти меня в театр. Вот после рассказа об этом эпизоде Лена и поведала мне историю с почками и врачом. Но наш общий “диагноз” был един и не изменился с годами: Владислав Игнатьевич — настоящий мужчина, джентльмен и дворянин!

г. Алматы.

Список иллюстраций:

В. И. Стржельчик, народный артист СССР. В роли князя в спектакле “Ханума”. БДТ. С-П.

Олег Басилашвили, народный артист СССР. В спектакле “Записки Пиквикского клуба”. БДТ. С-П.

Олег Басилашвили. В спектакле “Белая лошадь”. БДТ. С-П.

Столичное издательство “Фолиант” подготовило к выпуску книгу нашего давнего и постоянного автора Амантая Какена “Коловерть, или Ещё раз о немецкой автономии” на казахском языке. Речь в ней идёт о массовых выступлениях казахского населения с протестом против предполагавшегося в 1979 году создания немецкой автономии в Казахстане, о предыстории этих событий, последствиях и главных действующих лицах.

Известный писатель Герольд Бельгер, ознакомившись с рукописью данной книги, написал обстоятельное предисловие, заслуживающее внимание и читателей “Нивы”.

Герольд БЕЛЬГЕР

Бремя познания

Эта тема меня преследует уже семьдесят лет. Она стала моей судьбой. А от неё, как известно, не уйдёшь. Не отмахнёшься. Не отделаешься.

На эту тему я прочитал монблан литературы и документов. И сам написал несколько романов, повестей, рассказов, очерков, исследований. А она, эта тема, неисчерпаема.

Как жизнь. Как судьба народа.

Эта тема — одиссея российских немцев, их крутые дороги в истории, зигзаги рока, бесконечные мытарства и испытания, изнурительная борьба за свои национальные честь и достоинство, за родной язык, культуру, традиции, историю, за сохранение своей этнической души, за элементарное выживание зачастую в нечеловеческих условиях.

Этот народ сполна испытал физическое и моральное изгойство от подлой политики и гнусной идеологии. Народ был фактически обречён на тотальную гибель. Однако ценой неисчислимых потерь и лишений сумел выстоять и сберечь остатки этноса. О том писали и российские, и германские немцы. Русские и евреи.

Теперь о том весомо написал и казах.

Да, написал убедительно, проникновенно, сочувственно и объективно, на основе фактов, документов, в том числе и малоизвестных, полусекретных, свидетельств разных слоёв общества и личных впечатлений.

И в этом я вижу главную ценность объёмной рукописи. Конкретно: в человеческом сочувствии, сострадании и максимальной объективности.

Автор этой рукописи — опытный журналист, бывалый человек, бывший сотрудник органов государственной безопасности, глубоко познавший камни преткновения и подводные течения национальной политики СССР Амантай КАКЕН.

А называется рукопись: “Шыргалан, немесе тагы да неміс автономиясы туралы”.

“Шыргалан” — по-казахски многозначное слово. Помню, как писатель Габит Мусрепов этим словом обозначал понятие “канитель”. Я перевожу это слово как “коловерть”. Оно означает нечто неясное, неопределённое, смутное, тревожное, суетное. Тут тебе и “канитель” и “колоброд”, и “карусель”, и “маета”, и “круть-верть”, и “мытарства”. Нечто из этого смыслового ряда. Может, у автора есть более точное обозначение. Не спросил.

По-русски получается: “Коловерть, или Ещё раз о немецкой автономии”.

По жанру — документальное повествование.

Почему “ещё раз?”. А потому, что на эту тему в 1998 году (в соавторстве с М. Омаровым) Амантай Какен написал книгу “Познание себя”. Я эту книгу читал, о ней говорили и немецкие журналисты, о ней совсем недавно интересовался у меня германский историк и филолог доктор Роберт Корн.

Как видите, тема актуальности своей не потеряла.

***

Быка за рога: я приветствую эту рукопись, считаю, что казахский читатель должен её знать, ибо о немцах, живших и живущих в Казахстане не одно десятилетие, работавших и работающих с казахстанцами рука об руку, особенно сблизившиеся, а порой и породнившиеся с местным населением, казахи, как я убеждаюсь, знают всё же маловато и поверхностно. Я же свидетель: к немцам казахи относились доброжелательно, по-тамырски; и немцы казахам повсеместно благодарны и душевно к ним расположены. У меня часто спрашивают: чем объяснить эту близость, это взаимопонимание? Почему немцы так легко и быстро овладели казахским языком? Я обычно отвечаю: и те, и другие с лихвой испытали гнёт тоталитарной системы; и те, и другие — братья по несчастью, по затравленной судьбе. Одни были изгоями, другие — пасынки на земле предков. Отсюда и инстинктивная тяга друг к другу.

Я имею право это утверждать, исходя из своего личного опыта — житейского и творческого.

И уж сразу поставлю все точки над і. Рукопись эту необходимо немедля издать в таком виде, как она написана: основное повествование на казахском языке, а многочисленные документы в приложении — на русском, как они и были написаны изначально.

Убеждён: и казахи, и немцы, и — возможно — и русские будут благодарны за столь значительный и объективный труд журналиста и писателя Амантая Какена.

***

Читать эту рукопись мне было трудно, ибо я жил в это время, не стоял особняком, знаю и депортацию, и все ограничения, и все социальные несправедливости, подлости и пакости, мне знакомы все эти указы, постановления, распоряжения, все направления сверху и инициативы снизу, секретные указания и откровенные мерзости, политические инсинуации и идеологические демагогии, я варился в этом котле и всё испытал, как говорится, на собственной шкуре, так что, читая повествование Амантая Какена, я пережил все эти мерзопакости заново, растревожил измытаренную душу, взбаламутил застарелую боль и непреходящую обиду и почувствовал себя очень дискомфортно.

Читать эту рукопись было мне интересно и любопытно: как же воспринимает моё национальное горе, мою беду, моё былое — давнее и недавнее, мой коллега, мой казахский собрат; какими глазами смотрит на то время, в котором он жил и, как я знаю, тоже не стоял особняком, не бродил на отшибе неуком-саяком, а был активным членом общества и видел примерно то же, что и я.

Читать эту рукопись оказалось мне на пользу, ибо я уточнил кое-какие сведения, узнал какие-то неведомые мне доселе документы и факты,

мнения очевидцев тех событий, прояснил некоторые смутные акценты; во мне ожили, подёрнутые туманом сцены прошлого, о которых, возможно, не знает и весьма сведующий автор данной рукописи.

Так что я благодарен автору за то, что он прислал мне свою рукопись и тем самым поделился со мной своим видением трагических событий моего этноса.

***

Как построена рукопись?

Она состоит из трёх частей и объёмного приложения.

В первой части речь идёт о давнем прошлом российских немцев, об их истоках: о трагических перипетиях их переселения (по приглашению!) из германских и других европейских княжеств, о жизни переселенцев в царской России, о немецких судьбах после Октябрьского переворота 1917 года, о классовом расслоении в немецких колониях, о гражданской войне, советизации и коллективизации немецких поселений на Волге, о кривде и правде, о перегибах большевизма, о насилии и произволе, о депортации и трудовой армии.

Автор в этой главе дотошно излагает, обобщает, систематизирует в общем-то известные (хотя и разрозненные) факты и сведения, приводит цифры, называет фамилии, по-современному трактует былое, объективно и совершенно лояльно расставляя политические и идеологические акценты, придерживаясь здравых, гражданских позиций, выражая сочувствие и сострадание к иному этносу, к иноязычным собратьям.

Штандпункт (основное кредо) автора я полностью разделяю. Чувствуется, что предмет он изучил глубоко и проникся его трагизмом. Факты, изложенные сжато, компактно, подкупают. В разрозненном виде мне они в общем-то давно знакомы, но сведённые вместе, в конкретном текстовом пространстве (да ещё на хорошем казахском языке), они впечатляют.

Вообще следует особенно отметить, что фактологическая осведомлённость, — наиболее сильная, отличительная сторона рукописи.

Вторая часть рукописи называется “Борьба за государственность”. Она состоит из восьми главок: тяга к исторической родине; Бобков и немецкий вопрос; с подачи Андропова, с поддержки других; вояж Коркина в Ерейментау; июнь 1979 года. Целиноградское восстание; Алтыншаш Бейсембаева, которую разыскивал писатель Ильяс Есенберлин; волнения в Кокчетаве; митинг в Атбасаре.

Вторая глава — стержневая в этой книге. Июньские события 1979 года в Целинограде всколыхнули весь Казахстан, хотя они всячески замалчивались в пределах необъятного СССР. Глухой ропот о том докатился (случалось, в искажённом виде) до всех уголков советской империи, где жили и трудились послушные российские немцы (тогда они именовались советскими).

С тех пор прошло 32 года, и нынешние поколения руссланддойче о тех событиях, скорее всего, ничего и не знают. Русские и казахи тем паче. Приходится напомнить: “немецкий” вопрос в СССР в то время настолько обострился, и немцы так методично и яростно тормошили-теребили власти о необходимости возродить незаконно распущенную в 1941 году Автономную Республику немцев Поволжья (АССРНП), что дальше замалчивать проблему и откладывать её решение в долгий ящик становилось уже невозможно, престиж социалистической державы рушился на глазах, а воссоздавать вожделенную немцами республику на Волге хоть убей не хотелось,

и тогда кремлёвские мудрецы решили откупиться, отмахнуться от назойливых и упрямых немцев, срочно создав автономию на широких просторах мирного и тихого Казахстана, где тогда проживало без малого один миллион граждан немецкой национальности.

А что? Ловчее не придумаешь. И овцы целы, и волки сыты. Земли в Казахстане много. Немцы прочно укоренились (глагол этот фигурировал во многих Указах, постановлениях, официальных речах — так он понравился вождям!) и отменно, надёжно вкалывают. Так что мудрить-то? Пусть Кунаев определит им границы, отщипнув определённую долю от четырёх северных областей, объявит автономию, и немцы таким образом утешатся, и Запад заткнётся, и у Кремля голова болеть не будет. Ай, хорошо! А что с казахами (тем более с бесправными немцами-переселенцами) считаться? Народы смирные, послушные, между собой ладят, ну и прекрасно! И спрашивать их не надо. Эврика! Идея есть, о осуществить её при коммунистической воле — раз чихнуть. Политбюро решит, Указ издадут, Конституцию подправят — и вся недолга.

Просто и отлично!

Такова была державная задумка.

И всё стремительно к этому шло.

Но… не тут-то было. Не сработало. Не вышло.

Казахи сказали: “Болмайды!” — “Не выйдет!”. Казахстан неделим. И земля наших славных предков священна. Такого произвола Дух-Аруах батыра Богенбая не потерпит, не позволит. Против немцев ничего не имеем. Пусть живут. Но автономия — атасынын басы — то есть, это не пройдёт! Сегодня автономию дай немцам, завтра уйгурам, послезавтра корейцам, а там и курды зашевелятся, месхетинцы… Ойбай, что от Казахстана останется? В лоскутное одеяло превратится?

Нет, нет и нет!

Немцы от удивления глазами захлопали: “Майн Готт! Мы что, у казахов автономию просили?! С какой стати?! Зачем нам земля казахских тамыров-братьев? Мы требуем вернуть нам Поволжье — то, что насильно отняли у нас!”.

Казахи возроптали и подняли шум.

Руководство — союзное и республиканское — зашарахалось, засуетилось, задёргалось, затеяло привычные игры-интриги, замахнулось дубиной, пустило в ход кнуты и пряники, залицемерило на все лады, подзуживало, обрабатывало то одних, то других.

Это что ещё такое? Бунт? Против советской власти? Против решения Политбюро?!

Не потерпим! Согнём в бараний рог!

Ну и что? На чьей стороне была правда?

Однозначно: на стороне казахов! Исключительно и только! Они не захотели чьей-то автономии, не пожелали дробить родину, поднялись против державной воли.

Правоту казахов полностью признали сами немцы.

Старый мудрец, поэт и писатель, борец-праведник Доминик Гольман решительно заявил: “Казахи правы. Немецкая автономия в Казахстане — нонсенс. Она должна быть только там, где была”.

И немцы в политические игры играть не захотели. Плясать под кремлёвскую дудку охотников не нашлось.

Вот и весь сыр-бор.

Кремль понял: подлая задумка не удалась. Идею пришлось спустить на тормозах.

Такова в огрублённом, пунктирном изложении суть тех — уже неблизких — событий.

Амантай Какен о том повествует обстоятельно, подробно, деликатно, политкорректно, привлекая документы, свидетельства очевидцев, приводя конкретные цифры, даты, фамилии.

Рассказывает драматически, наглядно, живо, будто всё это происходило только вчера.

Хотя все эти перипетии в верхах и в низах и держались строго в секрете (особенно от немцев), тем не менее слухи просачивались отовсюду. Кое-что стало известно и мне.

Помню, примерно ещё за месяц до целиноградских событий, будучи в гостях у одного именитого писателя, я услышал о готовящейся автономии немцев в Казахстане от генерала Бисенова из Караганды. Человек он был передовой, приятный и общительный, ко мне относился благосклонно, явно хотел меня обрадовать и доверительно сообщил (с нескрываемым одобрением), что вопрос в принципе решён, обсуждаются кое-какие детали, подбираются кадры, вот-вот обнародуют Указ, и быть в Казахстане автономии, что, дескать, очень выгодно и республике, так как будет создана 20-я область, а это значит, что в Казахстане образуется своё Политбюро, расширится представительство в Верховном Совете СССР и сохранится контингент тружеников-специалистов на земле, так как, получив автономию, немцы передумают эмигрировать.

Я не знал, как относиться к этой вести. С одной стороны, вроде бы приятно иметь свою государственность — национальную автономию со всеми политико-административными атрибутами. Но с другой — почему в Казахстане, без каких-либо историко-юридических оснований, когда все наши помыслы ясно и определённо связаны с Волгой? Кто кого водит за нос? Неужели Казахстан вознамерился таким образом закрепить у себя немцев на веки вечные? Почему нас о том никто не спрашивает? Кому пришло в голову решать нашу судьбу без нас? Может, существует тайный сговор между Казахстаном и Центром? А главное: почему из этого делают секрет?

Не верить генералу-юристу, начальнику Высшей школы МВД Бисенову (имя запамятовал) я не мог. Человек степенный, уважаемый в учёных и писательских кругах, основательный, знающий. Слов на ветер не бросает.

То, что он поведал за дастарханом, меня взволновало. Через несколько дней я поделился сногсшибательной (так тогда мерещилось) новостью с одним журналистом из Немецкого радио. Тот незамедлительно донёс о нашей беседе в "Комитет Глубокого Бурения" (КГБ). Меня, понятно, вызвали, учинили допрос: "Почему распространяете злостные слухи? Откуда звон?..".

Пришлось выкручиваться, сослаться на вездесущий "узункулак". Генерала Бисенова я выдать не мог.

Но всё это оказалось секретом Полишинеля.

Вскоре меня пригласили на радио и, сославшись на мнение ЦК КП Казахстана, предложили подготовить благодарственную речь в честь партии и правительства. Дескать, со дня на день обнародуют Указ о создании автономии с центром неведомого мне Ерейментау, и мне, как писателю и члену КПСС, предоставят на три-четыре минуты эфир. Речь желательно предварительно согласовать.

Мысли разбежались, текст никак не складывался, я не знал, что сказать и кого за что благодарить.

И тут я столкнулся в Союзе писателей Казахстана (я тогда возглавлял Совет по немецкой литературе) с моим коллегой-ровесником прозаиком и драматургом Сакеном Жунусовым. Человек был импульсивный, вспыльчивый, резкий. С ходу завёлся: "Эй, Гера! У тебя совесть есть?! Ты пьёшь казахскую еду, ешь казахский хлеб, а теперь ещё позарился на казахскую землю — на священный край батыра Богенбая?!".

У Сакена сжались кулаки, глаза налились кровью, густые, как конская грива, волосы вздыбились.

И я решил: да пропади она пропадом такая автономия! К чему мне ссора с Сакеном и сакенами?!

Несколько дней спустя я узнал о волнениях в Целинограде. И почувствовал облегчение. Пусть эта недобрая идея задохнётся в зародыше!

Так всё и получилось.

И я обрадовался: иначе какими глазами стал бы глядеть на своих казахских друзей? Было бы впору со стыда сквозь землю провалиться.

Так было.

Сейчас, тридцать с гаком лет спустя, об этом можно говорить спокойно, а тогда было не до юмора. Немцы вдруг очутились между российским молотом и казахской наковальней.

Кое-что всё же надо уточнить.

Волнения эти (события или восстание — кому как) были прекрасно организованы, детально продуманны, идеально срежиссированы, всесторонне взвешенны. Кое-какие перехлёсты, издержки, обидные для немцев, всё же имели место, и Амантай Какен их не скрывает, приводит и осуждает. Все подробности вплоть до секретных фотографий я узнал и увидел от очевидцев — А. Дебольского, А. Гассельбаха, Л. Вайдмана, Е. Варкентина и других. "Другие" — это русские и казахи. И то, что тогда услышал, полностью совпадает с тем, о чём повествует автор рецензируемой рукописи.

Правда, я не считаю, что эти волнения родились спонтанно, стихийно, в недрах молодёжи. Убеждён, что за всем этим стояли опытные организаторы, бывалые люди, знающие государственные мужи, которые, находясь меж двух огней, сумели с помощью молодёжи ловко добиться своей цели и с блеском осуществить, реализовать все скрытые задачи.

Ну а время доказало: то, что случилось в то лето, оказалось на благо и немцам, и казахам. А кремлёвское руководство, намеревавшееся сознательно столкнуть два народа, понесло сокрушительный урон. И немцы, и казахи отстояли в те драматические дни национальные честь и достоинство.

В 90-е годы прошлого столетия (точную дату можно выяснить по моим дневникам) я случайно встретился на прогулке возле дома отдыха ЦК КПК с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Мы, прогуливаясь, пробеседовали около часу. Кунаев оказался прекрасным рассказчиком и — к моему удивлению — великолепно владел казахской образной речью. Он очень доброжелательно отозвался о российских немцах Геринге, Бурбахе, Брауне, рассказал, как он способствовал переводу немецкой газеты "Фройндшафт" из Целинограда и немецкого театра из Темиртау в столицу Алма-Ату, тепло говорил о Хоннеккере, подарившем ему карабин, и при этом на пальцах показал мне, как у этого карабина были расположены стволы. Всё было интересно, но мне хотелось расспросить подробности о несостоявшейся

автономии, однако я так и не решился, а Кунаев на эту тему никак не выходил. Но по тому разговору и по другим косвенным сведениям, я понял, что к немецким делам в Казахстане бывший первый руководитель республики и член Политбюро ЦК КПСС относился вполне сочувственно. Знаю, что поначалу ему была симпатична и идея о создании немецкой автономии на территории Казахстана. Позже, судя по всему, он к этой идее охладел. А в интервью с журналистом "Дойче Альгемайне цайтунг" Трутановым даже слегка слукавил, сказав, что в демонстрациях 1979 года в Целинограде принимали участие главным образом сами немцы — противники автономии.

***

Третья часть рукописи названа "После целиноградского восстания". Она состоит из шести глав: "Беседа в "Егемен Казахстане"; "Кремль ищет зачинщиков восстания"; "Волнения, имевшие место до декабрьских событий"; "Июнь и Декабрь"; "Борьба за автономию продолжается"; "Рассуждения японского учёного".

Ценный обзор с богатыми сведениями автор даёт в главе о волнениях-стычках с властями ещё до известных декабрьских событий 1986 года. Дело в том, что многие несведующие люди полагают, что до алма-атинских событий 1986 года по всему Советскому Союзу царили тишь да благодать.

Оказывается, далеко не так. И я многого не знал. А если и знал, то слишком поверхностно. И Амантай Какен на многое открыл мне глаза. И это, несомненно, одно из достоинств данной рукописи. Автор подробно излагает события, волнения, жестоко подавленные в Тбилиси (1956 год), среди турок-месхетинцев (1968), крымских татар (1966), на Красной площади по поводу ввода советских войск в Чехословакию (1968), в Литве (1972), в Вильнюсе (1975, 1977), на Балтийском флоте (1975), в Грузии (1978), в Донецке, Кемерове, Новочеркасске (1962), Иванове, в Чимкенте (1967), Темиртау (1959). Знаменательные факты, которые тщательно скрывались от советского народа. Так что пальма первенства в ряду массовых протестов принадлежит отнюдь не Декабрю-Желтоксану в Алма-Ате.

Народ не хотел мириться с негативными явлениями общества.

Объективно и убедительно освещена борьба российских немцев за восстановление своих гражданских прав и Автономии на Волге. Основные перипетии этой борьбы прошли на моих глазах, почти всё зафиксировано в моих блокнотах, и я постарался посильно осветить эти элементы в своём исповедальном романе "Зов" (Астана, "Аударма", 2010).

Тут, кстати, мимоходом замечу об одном типичном курьёзе: справку о реабилитации я, бывший спецпереселенец, получил в 1994 году в возрасте 60 лет, когда был депутатом Верховного Совета Казахстана. Правда, любопытно?

Автор обсуждаемой рукописи нащупывает связь между событиями июня 1979 года в Целинограде и декабря 1986 года в Алма-Ате. Собственно, полагаю, связей особенных и не было, и автор это убедительно аргументирует: другие условия, разные мотивы, иные побудительные причины, несхожие цели.

И это так. Нельзя сказать, что второе логично вытекает из первого. Не вытекает.

Но некоторую схожесть, думаю, можно выявить в самой организации этого массового протеста. И я с сомнением отношусь к тому, что и это движение было спонтанно, стихийно, сугубо студенческое, молодёжное. Оно

имело, бесспорно, опытных организаторов, кукловодов, шантажистов-провокаторов, которые сидели не только в Казахстане, а прежде всего — в Центре, в Москве.

В доказательство своего предположения напомню читателям один случай.

12 декабря 1986 года в Москве состоялось заседание расширенного Секретариата Союза писателей СССР, посвящённое состоянию казахстанской литературы. Были приглашены казахские, русские, уйгурские, немецкие, корейские литераторы. В перерыве меня отозвали в сторонку три ленинградца — Дудин, Рытхэу и (не совсем уверен, но, кажется) Гранин. Как раз до этого я выступил с сообщением о литературе казахстанских немцев. Спросили в лоб: "Что у вас в Казахстане творится? Что за заваруха готовится? Что за лозунги? В чём дело?".

Я обескураженно повёл плечом. Ровным счётом ничего не знаю. Впервые слышу. О чём речь?

Расспрашивать "наших" не стал, ибо догадывался: никто ни о чём не ведает.

Вернулся в Алма-Ату — тихо. Потом пополз слух: "длинного" снимают, ставят кого-то из "урусов" из Ульяновска.

"Длинный" — Кунаев; "урус" — русский.

16-го декабря я вылетел в Ташкент на день рождения матери, и по дороге в аэропорт таксист сообщил, что на площади Брежнева тусуется молодёжь, что-то происходит, и он, мол, еле пробился. В аэропорту, готовясь к посадке, заметил озабоченных, встревоженных милиционеров. О том, что в Алма-Ате неспокойно, узнал по телевидению Москвы через три дня. Трактовка была совершенно нелепая, дикая. Говорили: националисты, хулиганствующие элементы, наркоманы, криминал, бесчинства.

Столь же несуразными оказались и слухи.

Шлейф этих слухов дотянулся и до нашего времени.

Со мной потом беседовали эмиссары Москвы — Мищенко, Оников, ещё двое-трое.

А у меня и поныне не выходит из головы вопрос трёх писателей Ленинграда, которые мне задали за пять-шесть дней до разразившихся событий, всколыхнувших огромную страну. Откуда звон? Откуда они узнали обо всём раньше нас, казахстанцев? Откуда подул ветер? Как они могли знать о лозунгах, плакатах, транспарантах, спешно готовящихся в таинственных недрах?

Тайна сия велика есть.

Отсюда напрашивается вывод: всё готовилось заранее, всё затевалось подпольно, организаторы, скорее всего, дёргали за ниточки, сидя в Москве, а послушные исполнители координировали тайное движение в Алма-Ате.

И до сих пор эта тайна явью не стала.

А козлами отпущения стала казахская молодёжь. И сыр-бор был затеян капитальный. И совсем неспроста власти умывают руки, использовав в своих целях праведный гнев и патриотитческий порыв доверчивой и, как всегда, обманутой молодёжи.

Плодами возмущения воспользовались совсем другие, те, которые искусно вешают лапшу на уши лохов.

Вот о чём, помимо прочего, подумалось при чтении смелой и открытой в своём пафосе рукописи Амантая Какена, который, впрочем, наверняка больше знает, чем написал.

А в заключение несколько слов о приложении, приведённом на русском языке.

Оно называется: “Документы. Статьи. Воспоминания”. И эти материалы значительны и весомы. Все они, за исключением двух-трёх, мне знакомы, но для большинства гипотетических читателей будущей книги, полагаю, они внове. Приложение в большей степени повторяет и уточняет те ключевые моменты, о которых сказано в основном казахском тексте.

О каких документах речь? Перечисляю: Манифест Екатерины Великой от 22 июля 1763 года; из Декларации прав народов России; из Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа; Докладная записка Акмолинского окружкома ВКП(б); ряд Указов Президиума Верховного Совета СССР, Постановление Совета Народных Комиссаров; Записка группы ответственных работников ЦК КПСС; Постановление Политбюро ЦК КПСС “Об образовании Немецкой автономной области”; Записка о негативных проявлениях, имевших место в Целиноградской области; Декларация Верховного Совета СССР “О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа”; “О реакции населения Саратовской области; Заявление Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Словом, в этих документах отражены все вехи истории российских немцев, все этапы их драматической борьбы, весь трагизм судьбы.

Существенно дополняют эти документы статьи и воспоминания Динмухамеда Кунаева, Нурсултана Назарбаева, Филиппа Бобкова, Михаила Исиналиева, Николая Морозова, Андрея Брауна, Игоря Трутанова, Виталия Пономарёва, Бориса Раушенбаха, Генриха Гроута, Владислава Владимирова, Герольда Бельгера.

Тем самым воссоздана широкая панорама жизни и судьбы российских немцев.

Резюмируя сказанное выше, могу повторить:

1. Амантай Какен подготовил к печати серьёзный, актуальный труд, который необходимо издать незамедлительно.

2. Несомненным достоинством данного труда являются глубокие познания, объективность, дотошная обстоятельность, правдивость, сочувствие и сострадание к острейшим проблемам своеобразного российско-немецкого этноса.

3. Особенно подчеркну живой, динамичный казахский язык документального повествования.

4. Книга эта — неоценимый вклад в нелёгком познании одного из народов СНГ и Казахстана.

И напоследок одно необходимое признание: я намеревался ограничиться кратким отзывом в пять-шесть страничек, однако помимо воли размахнулся широко, ибо это не просто рядовая тема, а моя личная боль и судьба.

О том коротко, отстранённо не расскажешь.

А от автора я узнал, что спонсора он нашёл и есть все шансы, что рукопись в ближайшее время обернётся книгой.

Приветствую от души.

Діхі — я всё сказал.

г. Алматы.

Точка зрения

Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ

Наш адрес: ни дом и ни улица…

(Продолжение. Начало в № 6 за 2011 год)

Часть II

После падения ханства

В последнее десятилетие существования Джунгарии самые активные отношения с нею поддерживали ханы Среднего и Младшего жузов.

А чем они занимались после её падения?

Вот что пишет Чокан Валиханов в историческом очерке “Киргизское родословие” в главе, посвящённой Аблаю — своему прадеду. Он первым из его потомков получил образование на русском языке в Сибирском кадетском корпусе. Первым из казахов открыл для себя истину: “Общественное развитие казахов — есть часть всерусского прогресса”.

В 1858 году, век спустя после падения Джунгарии, он как русский разведчик, был послан в Восточный Туркестан для выяснения возникшей там сложной обстановки.

В Туркестане появились англичане, которые стали активизировать свои среднеазиатские дела, подстрекая при этом жителей региона — мусульман против китайских властей. Это чрезвычайно затрагивало интересы России.

Восточный Туркестан в геополитических интересах обеих мировых империй: Российской и Британской занимал особое место. Российские специальные службы располагали сведениями, что в Кашгаре мусульмане казнили отважного немецкого географа Адольфа Шлагинтвейта, которому покровительствовали английские власти в Индии.

Теперь слово Ч. Валиханову: “Появление в Джунгарии победоносных войск Цинской империи, которые с беспримерной в истории лёгкостью её завоевали, имело большое влияние на политику Аблая. Тем более что китайские отряды постоянно проникали на казахские земли.

Аблай первым в 1756 году признал себя вассалом богдыхана, получив княжеский титул и календарь. Хан Младшего жуза Нуралы послал своё посольство в Пекин.

Несмотря на внешнюю покорность, падение Джунгарии, завоевание Восточного Туркестана навели на казахов панический и мистический страх, тем более что по господствующему преданию суеверных мусульман “Перед окончанием света китайцы покорят весь мир!”.

В 1762 году в Среднем жузе появилась внушительная китайская делегация в составе 130 человек. Они объявили, что по воле своего императора с наступлением весны пошлют свои экспедиционные войска в Туркестан, Самарканд. При этом просили оказать содействие в людях, лошадях для предполагаемой экспедиции.

От этих просьб правители жузов пришли в ужас. Втайне составив союз мусульман против китайцев, обратились с письмом к Ахмед-шаху, афганскому лидеру, владельцу Кандагара, основателю династии дуранидов.

Аблай не принимал прямого участия в этом союзе, всё более и более сближаясь с китайским правительством.

Он отправил в Пекин в качестве аманата своего сына Адиля. Богдыхан, довольный покорностью Аблая, возвратил его сына с богатыми дарами и милостивой грамотой.

В 1771 году в Туркестане умер Абдулмамбет-хан, который был двоюродным братом султана Аблая и похоронен в мечети Ходжи Ахмета Ясави. После него ханом избрали Аблая, подняв его на белой кошме. Несмотря на то, что согласно существующим традициям и правилам наибольшее право на это место имели прямые потомки умершего хана. Однако никто не возражал против подобного выбора, сам Аблай считал себя ханом всех трёх жузов.

Ни один из предыдущих ханов не имел такой неограниченной власти, как он. Аблай ввёл смертную казнь, которая до него определялась волей народа. Усмирил своеволие сильных родоначальников, которые ограничивали его власть.

Подобные нововведения вызвали против него поток жалоб в адрес оренбургского генерал-губернатора. Некоторые даже пытались, по древнему обычаю кочевой демократии, идти против хана войной, но были многократно биты толенгутами (рабами) Аблай-хана.

Весьма заметен устный наказ его своим детям: “Никогда не решать межродовых дел. Ибо только несогласие и раздор могут быть незыблемой опорой ханской власти”.

Екатерина II указом от 24 мая 1778 года утвердила своего подданного Аблая в качестве официального хана — то есть спустя семь лет, как его торжественно подняли на белой кошме. Чем вызвана такая продолжительность и медлительность в сроках официальной церемонии?

Высшим кругам Власти было ясно и понятно, что такая процедура крайне необходима. В народе должно быть непреложное мнение: “Нельзя стать ханом, если в этом достоинстве его не утвердили в российском правительстве!”.

В то время как Аблай утверждал другое: “Я добился этого звания, победив джунгар. Меня избрали на этот пост!”.

Время шло. Не обостряя ситуации, к Аблай-хану на переговоры был направлен высокопоставленный правительственный чиновник — склонить непокорного лидера к тому, чтобы тот написал письмо, в котором просит утвердить его на этом посту. Аблай уступил. Просьба выполнена.

Грамота, особые знаки ханского достоинства: соболиная шуба, шапка, сабля отправлены в Оренбург. Для их официального вручения Аблай-хана пригласили по его выбору в Оренбург, Троицк или хотя бы на Сибирскую линию. Однако он отказался ехать куда бы то ни было. Тогда было принято решение, чтобы вся эта процедура прошла в его имении, но и тут последовал отказ. В чём причина? А она очень проста.

Этому способствовала политическая обстановка, когда казахи Среднего и Старшего жузов менее всего нуждались в помощи России. Более того, все окружающие среднеазиатские соседи боялись их.

Как отмечает его прославленный правнук: “Избранный ханом Аблай, по мере сближения с Китаем, стал избегать сношений с Россией. В наставлениях своим детям он советовал: “Храня согласие с Россией, ориентироваться на Китай!”.

Китайцы, по его мнению, никогда не могли быть опасны для ханской власти. Между тем как в русском правительстве он видел сильную оппозицию к ней".

Скончался Аблай-хан в возрасте 69 лет в Туркестане. Похоронен в фамильном склепе. Своих сыновей, которых по одним источникам было 30, по другим 71, наделил уделами в Среднем и Большом жузах. Так закончилась жизнь одного из великих сыновей казахского народа.

Несколько иначе сложилась судьба его современника, хана Младшего жуза Абулхаира. Агрессивный, противоречивый по натуре, страстный к лидерству и карьере, в 1717 году он с ханом Каипом возглавил 30-тысячное войско казахских ополченцев против джунгар, однако потерпел при этом сокрушительное поражение.

В следующем году он обращается к России за помощью в борьбе с джунгарами. В 1730 году ему было доверено возглавить казахское ополчение, которое нанесло джунгарам поражение в Анкарае.

Однако даже эта маленькая, временная победа внесла в ряды лидеров казахских жузов больше раздора, нежели единства, что ярко проявилось при избрании общего хана.

По всей вероятности, Абулхаир полагал, что он явный лидер, как-никак дважды возглавлял народное ополчение. Однако у выборов свои законы, которые могут опровергнуть все прогнозы и ожидания.

После съезда претенденты на ханский трон разъехались по своим владениям. Интрига закончилась. Каждый из них начал проводить свою политику.

Абулхаир-хан, будучи более изворотливым и проворнее других лидеров, которые считали его более низким по происхождению, видя, что его подданные испытывают постоянные набеги и разорения то со стороны джунгар, то со стороны калмыков, то со стороны яицких казаков, то со стороны единоверцев-башкир, хотя и сам постоянно принимал участие в набегах на своих соседей, рассудил, что лучше искать помощи в принятии российского подданства, что и было сделано в 1731 году.

По его настоятельной просьбе в 1735 году был основан город Оренбург в устье реки Ори (позднее Орская крепость). Современный Оренбург был заложен в 1743 году близ устья реки Сакмары.

По мнению знатока края П. И. Рычкова, название города происходит от слияния тюркских слов "Ор" ("яма") и немецкого "Бург" ("крепость").

С 1744 года город стал центром Оренбургской губернии, куда входила вся территория современного Казахстана. Первым губернатором был назначен И. И. Неплюев.

По задумке Абулхаир-хана, города эти должны быть символами гарантии стабильности, защиты его замыслов, осуществления контроля за караванными путями из Хивы, Бухары в Россию, что по длительности составляло около двух недель. В торговле он видел большую выгоду.

Абулхаир не исключал также, что города могли служить укрытием для него в случае нападения недругов.

В политических целях он использовал российское подданство для укрепления своего влияния в степном крае. Такие действия шли в разрез с интересами других крупных казахских лидеров, видевших в Абулхаире соперника и по этой причине не желавших его усиления за счёт царского правительства.

В указе, подписанном императрицей Анной Иоанновной, по городу Оренбургу было чётко обозначено:

"— Всем и всякому народу российскому, купечеству, мастеровым и разночинцам, а также иностранных европейских государств, иноземцам, купцам и художникам, а также из азиатских стран, приезжим в город, приходить, селиться, жить, торговать, заниматься всяким ремеслом, промышлять, иметь жилище, свободно перемещаться без всякой опасности и задержания.

— Иметь свободное содержание вер и духовных персон, строения по своим законам церквей".

Почти два века Оренбург, как губернский город, был экономическим и политическим центром огромной территории.

Здесь проходил первый киргизский (казахский) съезд, где впервые открыто ставились вопросы о независимости, свободе и программе действий.

Открывал его 2 апреля 1917 года редактор газеты "Казах" Ахмед Байтурсынов, на котором он был избран председателем президиума. Чуть позже газета вышла с предложением "О подготовке к Учредительному собранию и провозглашению "Алаш" партией киргизов (казахов)".

Партию предложили назвать словом "Алаш", которое было лозунгом наших предков. Автономии казах-киргизских областей присвоить название "Алаш-Орда", организовав Временный народный совет "Алаш-Орда", состоящий из 25 человек, 10 мест из которых представить русским и другим народам, живущим среди казах-киргизов. Местом пребывания "Алаш-Орды" временно избрать город Семипалатинск.

Раскол среди делегатов произошёл по вопросу о сроках объявления автономии. За немедленное проголосовало 33, против — 42 делегата, три делегата, среди которых был Мустафа Чокаев (Мустафа Чокай), воздержались.

Председателем Всекиргизского народного совета был избран Алихан Бокейханов. Все лидеры "Алаш-Орды" были представителями "белой кости", которые прекрасно понимали и давали себе отчёт, что должно случиться после Февральской революции, когда пришедшее к власти Временное правительство было действительно временным. Инициативу перехватили большевики, имевшие свою программу, которая в конце концов решила судьбу алаш-ордынцев.

В феврале 1925 года столица была перенесена из Оренбурга в Кызыл-Орду. На V съезде Советов Казахской АССР было принято постановление "О восстановлении исторически правильного наименования казахского народа и переименовании Киргизской АССР в Казахскую АССР". В мае 1929 года столица была перенесена в Алма-Ату.

С 10 декабря 1997 года столицей Казахстана стала Акмола (с 6 мая 1998 г. город переименован в Астану). С 2008 года день 6 июля отмечается как национальный государственный праздник — День столицы.

Но вернёмся к Абулхаир-хану. Подданство принято. Города строятся. Теперь он должен жить по законам и правилам Российской империи. Отношения меняются. Как говорят казахи: "От болезни можно излечиться, от привычки — никогда!".

Привыкшему жить по своим правилам, жить по-новому трудно, скорее, невозможно.

Верный себе Абулхаир при удобном случае делал набеги на калмыков, каракалпаков, башкир, русских, грабя и уводя их в плен.

Приняв подданство и не платя никаких налогов, Абулхаир-хан в годы правления Джунгарией Ламы-Доржи тайно послал к нему доверенных

людей с предложением выдать за него замуж свою дочь Зулейху, которое тем было с удовольствием принято. Такова была, есть и всегда будет притягательная сила Власти и Политики!

В 1748 году Абулхаир-хана убил султан Среднего жуза Барак. По одной из версий, в тот год люди одного из крупных родов Среднего жуза — найманы — под руководством султана Барака напали на каракалпаков.

В то время неожиданно подоспел Абулхаир. Каракалпаки встретили его с большой радостью и просились перейти к нему со всем скотом и имуществом, при условии, чтобы он не отдавал их Бараку. Азартный и алчный к добыче хан приказал своим грабить тех, кого уже султан Барак захватил в плен.

Барак, давний соперник Абулхаира, раздражённый его поступком, бросился на него. Окружённый со всех сторон, хан долго и храбро защищался. Тяжелораненный в голову, он ослабел. Тут к нему подскочил Сырымбет, свалил его с седла, а подоспевший султан Барак слез с лошади и заколол несчастного хана.

По другой версии, Абулхаир-хан возвращался из Орска после очередных торгов-переговоров с новой властью. Между реками Тургай и Улы-Саяк он встретился с султаном Бараком. Между ними начался ожесточённый спор, который закончился угрозами Барака, и Абулхаир решил спастись бегством. Но сын Барака Шигай нагнал его, сшиб копьём, а подоспевший султан Барак отрубил ему голову.

Как бы там ни было, убийцей Абулхаир-хана является султан Барак.

Но недолго жил Барак после своего коварного деяния. По слухам, он был отравлен в 1750 году кандидатом в зятья джунгарским ханом Ламой-Доржи, по настоятельной просьбе сына Абулхаира хана Нуралы.

Отчётливо осознавая своё положение, в котором пребывал в последние годы жизни, перед смертью Абулхаир продиктовал письмо губернатору края И. И. Неплюеву, попросив пригреть детей и отомстить убийцам в случае его гибели. Письмо это сохранилось.

После смерти хана осталась жена Бопай. Это была женщина редкого ума, заслужившая уважение и почёт не только сыновей и мужа, не приступавших ни к одному делу без её совета и одобрения, но и русского правительства.

Она родила и вырастила шестерых сыновей и дочь Зулейху. Кроме того, от хана остался сын Чингиз, рождённый от калмычки.

Получив известие о гибели Абулхаира, семья обратилась к русскому правительству об отмщении и присылки войск для преследования и наказания султана Барака. Однако такие действия со стороны официальных властей могли нарушить хрупкое мирное состояние края и привести к непредсказуемым последствиям.

Прагматичный губернатор И. И. Неплюев прекрасно понимал: в такой ситуации безвластие ещё больше может обострить конфликтную ситуацию. Поэтому было принято решение назначить выборы нового хана, которые и состоялись 2 октября 1748 года на берегу реки Каинлы-Иргиз.

Было учтено, что хан Абулхаир успел назначить преемника. Уважая его волю, а также ценя мудрость Бопай-ханши, русское правительство предпочло поддержать Нуралы, который и был провозглашён ханом.

Его избрание проходило не по древнему обычаю, когда хана поднимали на белой кошме перед народом, а гораздо проще.

Прочитали соответствующую молитву в его юрте, куда было допущено только по 10 знатных людей от каждого рода.

Несмотря на всю скромность торжественной процедуры, в степи не появилось соперника, который бы стал оспаривать у Нуралы его права на власть.

22 октября 1748 года просьба об утверждении Нуралы ханом была отправлена в императорский двор. 26 февраля 1749 года выдана высочайшая грамота, а в июне того же года он был приведён к присяге губернатором И. И. Неплюевым в г. Оренбурге, куда новый хан прибыл с братьями и большой свитой.

Это торжественное событие происходило на левом берегу Урала с приглашением многочисленных гостей. Были совершены подобающие ритуалы со всеми почестями в соответствии с регламентом. Церемонией были ошарашены и поражены вольные кочевники-степняки, никогда ранее не видавшие подобного. Прозвучали пушечные залпы, состоялся парад войск, играл оркестр.

Церемония началась с оглашения императорской грамоты, затем на Нуралы были надеты соболья шуба, шапка и вручена сабля. В заключение новый хан, осознав своё величие, спустился на колени и, волнуясь, присягнул на Коране на верность России. Управлял хан Нуралы своими подданными почти сорок лет, наполненных драматическими событиями.

Подвластный ему край только с восточной стороны граничил с относительно спокойными соседями-соплеменниками. С юга на него часто нападали хивинцы. С севера — башкиры, с запада — жестокие и дерзкие яицкие казаки.

Получая таким образом потрясения со всех сторон, Младший жуз не мог оставаться в покое, привык к волнениям как внутри, так и вне своих границ.

В силу этих причин его ханы всегда отличались бессилием и слабостью. В то же время были категорически против реформ, которые пыталось проводить государство. Прекрасно понимая, что реформами они теряют власть. Лучше полагаться на свою многочисленную родовую родню — "белую кость", с помощью которой править "чёрной костью", что вызывало ответную негативную реакцию.

Народ, реже защищающийся от внешних врагов и реже побуждаемый к отмщению от внутренних, всегда смирнее и миролюбивее в сравнении с тем, который постоянно в борьбе. Недаром существует шутливая поговорка: "Дай Младшему жузу копьё — и отправь на войну, Среднему — бумагу и перо. Старшего пошли пасти овец".

С 1783 года Младший жуз был охвачен грозными волнами восстания, длившегося с перерывами почти 14 лет — под руководством пассионарной целеустремлённой и волевой личности Срыма Датова стало набирать силу движение за упразднение ханской власти.

Власть перешла к Народному собранию, в котором не было ни одного представителя "белой кости", предводителем стал чрезвычайно активный, сильный характером Срым Датов.

Будучи непримиримым врагом хана Нуралы, особенно его наследственных преимуществ от рождения, Срым всячески доказывал бесполезность ханской власти и замену её своей.

"Народное собрание" присягнуло на верность империи, соглашаясь исполнять все повеления русского правительства, прекратить все

междоусобицы и грабежи, сохранять мир и спокойствие. Взамен требовало одного: “Наследники Абулхаира должны быть навсегда лишены прав становиться ханами Младшего жуза!”.

Подобные реформы снизу нашли поддержку у губернатора Оренбургской губернии О. А. Игельстрома, который надеялся, что подобные действия местных выборных властей приведут к миру и спокойствию в крае.

Губернатор стал доверять больше Срыму Датову, нежели хану Нуралы, несмотря на яростные протесты последнего.

Беззащитный Нуралы вынужден был искать спасения под кровом империи. Просил пограничное начальство о военной поддержке, чтобы подавить смуту, но получил отказ. Для сохранения своей жизни и жизни ближайшего окружения он из своей кочевой ставки сначала переехал в Оренбург, а потом в Уфу, где и жил с почестями, согласно его рангу и положению. Умер в 1790 году, оставив 40 сыновей. Завещав детям своим: “Быть всегда покорными России как новому Отечеству!”.

Между тем русское правительство склонялось к мысли о назначении нового хана, что стало страшным ударом для Срыма Датова. Вскоре он объявил себя врагом России, прервал прежние дружеские доверительные отношения с губернатором. Не откладывая дела в долгий ящик, энергичный Срым Датов приступил к решительным действиям. Отправил послов в Бухару. Получив оттуда поддержку и напутствие, начал боевые действия, продолжил набеги на русскую границу.

Затем он созвал в устье Эмбы большое народное собрание, разослав повсюду призывы к неповиновению власти. Однако они не имели полной поддержки.

Многие, узнав о решении восстановить ханскую власть, обрадовались, особенно потомки Абулхаира. Они приняли сторону Российской империи, что подливало масла в огонь в борьбе за власть.

Новый хан Ералы, сменивший Нуралы-хана, ничего не мог поделать с народным героем Срымом Датовым. Срым считал его незаконным, говоря современным языком — нелегитимным, более того, прибёг к сильному испытанному приёму: “Мусульманам запрещено покоряться христианам!”.

Началась новая смута. В 1798 году после разгрома аула следующего хана Младшего жуза Есима и убийства его повстанцами Срым бежит в Хиву, где, по некоторым сведениям, он был отравлен, забыв простую истину: “Без власти ты никто. Ты никакой власти не нужен. Одни неприятности от тебя. Забудь прежние заслуги!”. По другим данным, срым Датов погиб в 1802 году.

Не пройдёт и полувека, как Младший жуз охватит новая волна народного восстания — под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

Оба выходцы из одного рода. Были произведены в старшины — руководителей своих родов за их недюжинные способности и уважение среди соплеменников. Первый — ханом Внутренней орды Букеем, второй — его сыном Джангиром. Исатай был официально утверждён в этой должности Оренбургской пограничной комиссией, а вот Махамбета не утвердили.

В отличие от Исатая, бывшего безграмотным, как абсолютное большинство казахов того времени, Махамбет был хорошо образован. Владел татарским и русским языками. Читал Коран — следовательно, знал и арабский. Много путешествовал. Поэт, оратор. Везде и всюду был излюбленным и желанным гостем народа.

Одно время жил в ханской ставке. Пользовался расположением семьи. Был воспитателем одного из сыновей хана Джангира, когда тот учился в Оренбурге. Потом Джангир и Махамбет разошлись во взглядах. Махамбет примкнул к Исатаю, став его "народным трибуном" и "душой восстания".

Восстание вскоре было подавлено, уже правительственными войсками.

"Буревестниками" потрясений двигала жажда власти, вызванная беззаконием в действиях реальных Властей!

Участников восстания судили, наказывали палочными ударами, забивая до смерти. Приговаривали к каторжным работам, направляли в арестантские роты, ссылали в Сибирь, отправляли на вечное поселение в холодные края.

Так силой стали приучать к закону и покорности властям кочевников-степняков, которые хотели жить по своим правилам и понятиям, по своей простоте, наивности, главным образом, из-за своей безграмотности не понимая и не принимая во внимание простую истину: "Всё течёт. Всё меняется". Такова простая философия жизни.

В 1845 году было введено "Новое положение по управлению Младшим жузом", на деле означавшее конец ханской власти. А тут и рукой подать до Великой Октябрьской социалистической революции. Великой смуты, охватившей шестую часть земного света, в сравнении с которой все предшествующие — её бледная тень.

В этой стихии, как и должно было быть, не остались в стороне чрезвычайно активные и пассионарные лидеры жузов, испытав до конца все "прелести" этой стихии.

Думаю, небезынтересна читателям судьба потомков прославленных ханов. Наиболее известными из которых в казахской и российской истории являются правнук Аблая — Чокан Валиханов и правнук Абулхаира — Джангир, во времена которых завершилась эпоха ханов.

Чокан Валиханов (1835—1865) — штаб-ротмистр. Учёный. Историк. Этнограф. Автор пятитомного собрания сочинений на русском языке. Действительный член Императорского географического общества, фактически являвшегося разведывательным отделом Генерального штаба российской армии.

Был избран на должность старшего султана Атбасарского округа, но не утверждён генерал-губернатором края А. О. Дюгемалем. Умер, не оставив наследников.

Джангир (1803 — 1845) — хан Внутренней (Букеевской) орды. Генерал-майор. Награждён орденом св. Анны I степени с императорскою короною, украшенной алмазами, золотой медалью с портретом государя-императора, осыпанную бриллиантами. Подобной монаршей милостью до него никто удостоен не был. Говорил и писал на русском, персидском, арабском языках. В 1841 году в своей ставке открыл первую на территории современного Казахстана школу, в которой проводились занятия по исламу, "азиатскому" и русскому языкам, математике, истории, географии.

Женат. Имел трёх жён, восьмерых сыновей.

Таков итог ханских династий Среднего и Младшего жузов. Теперь это достояние истории!

Окончание в следующем номере.

Лариса МАРТЫНОВА

Воспевая родину предков

В апреле сего года в г. Усть-Каменогорске состоялась торжественная церемония награждения лауреатов премии акима Восточно-Казахстанской области за 2010 год. В номинации “Изобразительное искусство” эту почётную награду получил художник-постановщик областного драматического театра им. Жамбыла Кайсан Рахметович Кадырбеков.

По итогам 2010 года он же стал обладателем Гран-при областной выставки-конкурса “Мой Казахстан”, организованной Восточно-Казахстанским музеем искусств. Неслучайно именно этот автор удостоился столь высокой оценки своего творчества в год двадцатилетия нашей республики.

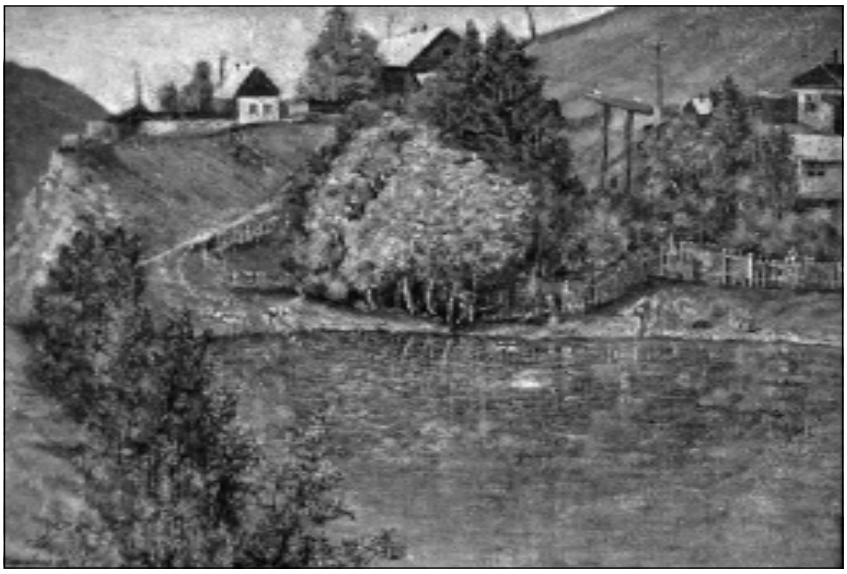
В декабре прошлого года в Восточно-Казахстанском музее искусств прошла персональная выставка художника, названная им “Атамекен”. На суд зрителей были представлены 36 полотен — итог почти десятилетней работы в данной тематике. Это вторая персональная выставка художника в Восточно-Казахстанском музее искусств. Примечательно то, что и предыдущая выставка, состоявшаяся восемь лет назад, имела такое же название.

Понятие “Атамекен” для Кадырбекова — не только Родина, которая дорога каждому человеку в его воспоминаниях, лицах родных, знакомых с детства пейзажах. “Атамекен” Кайсана Кадырбекова — это, прежде всего, понятие времени, нерасторжимой связи художника, как личности, с историей и традициями предков. Наш художник из тех, кого в народе называют “нагыз” (истинный). Для него увлечение историей — не дань моде, но часть современной повседневной жизни.

Кайсан Кадырбеков родился 14 марта 1952 года в посёлке Туйык Тарбагатайского района. Сейчас этот посёлок скрыт водами Бухтарминского водохранилища. На всю жизнь сохранил художник память о нём как о самом прекрасном месте на земле. В 1970 году он закончил Алма-Атинское художественно-графическое училище им. Гоголя. После службы в армии работал художником-оформителем на многих промышленных предприятиях города.

Жильё молодому художнику предлагали на окраине города, и он выбрал район Пристани, запечатлённый им впоследствии на многих пейзажах.

Здесь же он познакомился с Любовью Николаевной Сокальской — ученицей самого Ильи Репина, что сейчас кажется нам почти невероятным. Но это действительно так. Кайсан Кадырбеков в течение долгого времени был опорой и поддержкой для этой женщины. Она — дочь царского



генерала, училась в гимназии в Петербурге, была одной из приближённых (фрейлин) при дворе императора. В Усть-Каменогорск была сослана вместе с матерью и сестрой. Портрет Сокальской написан в 1993 году в праздничный день 9 мая в течение часа, на одном, как говорится, дыхании. Это небольшое по формату полотно — одна из лучших, выполненных в стиле академической реалистической живописи, работ художника.

Большая же часть его картин — большеформатные, монументальные произведения исторического жанра.

Биография Кадырбекова, равно как и его работы — удивительный пример целеустремлённости, верности раз и навсегда выбранным творческим идеалам и теме. Он раскрывает перед нами понятие Родины в разных аспектах, показывает, что без осознания принадлежности к своему народу человек становится потерянным, асоциальным существом. Космополиту, в том смысле как понимали это слово в советское время, по-настоящему недороги ни традиции, ни дом, в котором он живёт.

Яркое, образное, брутальное, глубоко национальное и современное искусство Кайсана Кадырбекова уже сейчас — достойный вклад в культурное наследие нашей эпохи. Его полотна многолюдны, насыщены символами. В них чувствуется скрытая драматургия, глубокое знание традиций и современной естественно-научной картины мира. Он владеет академической живописной школой, он мастер сложных композиций. Подобно работам знаменитого экспрессиониста Марка Ротко, громадные полотна Кадырбекова, развешенные на уровне глаз человека, обладают особым воздействием на зрителя. Но в отличие от мастеров западного современного искусства, несущего зрителю в большей степени негативные, агрессивные эмоции, творчество восточноказахстанцев, в том числе и Кадырбекова, обращает нас к светлому началу в человеке.

г. Усть-Каменогорск,
Восточно-Казахстанский областной музей искусств.

Автор этих присланных писем Анатолий Иванович Егоров — казахстанец. Мы с ним учились в середине семидесятых годов на факультете журналистики КазГУ имени С. М. Кирова. Затем он работал в районной газете в Восточно-Казахстанской области, в "Дружных ребятах", "Казахстанской правде", заместителем редактора кызылординской областной газеты, заместителем заведующего отделом Кызыл-Ординского обкома партии.

А. И. Егоров закончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую особенностям работы средств массовой информации в условиях национальной республики.

Редактировал городскую газету в городе Зеленограде.

В настоящее время живёт и работает в Греции.

Письма А. И. Егорова — живой, интересный, многоплановый рассказ об этой стране с уникальной историей и культурой — стране, в которой обосновалось немало выходцев из бывшего СССР, в том числе из Казахстана.

Думаю, что письма А. И. Егорова — талантливого журналиста, неравнодушного, искреннего человека — заинтересуют и читателей "Нивы".

Юрий ПОМИНОВ,
редактор павлодарской областной газеты "Звезда Прииртышья",
член редакционного совета журнала "Нива".

Анатолий ЕГОРОВ

Письма из Греции

Юрий Дмитриевич! Брат мой во Христе и в "полковой упряжке"!

Сидя в своей "избушке" — на берегу Эгейского моря, я часто вспоминаю наше студенческое "бытьё", поездку на твою родину в Павлодарскую область — утонувшую в снегах Железинку, февральские Качиры, ваш "Михайловский" и незабвенные пельмени твоей матери Антонины Тимофеевны...

"Если нет искры в мозгу — не поможет и КазГУ!.." — говаривали в то незабвенное время. Нам он помог. Дал знания, силу духа, товарищества и единения, подпитал культурой Востока...

Письмо 1.

Кто-то древний и мудрый верно сказал: "Дни идут, а годы летят". Годы действительно летят!.. Я вижу тебя ещё стипендиатом студенческой поры. А уже минуло тридцать лет "с пенкой"...

Приезжаю с женой с "итальянской стороны" Греции (дочь просватали, летом свадьба, вот и вам с Ольгой Николаевной повод приехать!), а в почте "ГУГЛа" твоё письмо.

Брат. Я не видел тебя уже МНОГО лет. Но духовную связь не разорвёшь. Знаю: тебя интересует ГЛАВНЫЙ вопрос. Как я оказался столь далеко от священных гор Алатау?

... Уже час ночи. Завтра Наде ехать в Салоники. А у меня выходной. Оплачиваемый! Я ещё бодрствую. Думаю, дай напишу. А то когда ещё "оказия" случится. Так что воспринимай мои строки как эдакую "песнь акына". Понемногу обо всём.

Весной 91-го я окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Защитил диссертацию. (За пять лет на всю нашу Кызыл-Ординскую область дали ОДНО место. И казахи отдали его мне! Медкомиссия,

как у космонавтов. Экзамены. Сито отсева. Я прошёл. Радость победы. 33 года, вся жизнь впереди!..).

После того как мы с тобой тогда "случайно и счастливо" встретились в Москве (и ты даже поприсутствовал на защите моей диссертации!), ты вернулся на "малую родину". А меня "СООТВЕТСТВУЮЩИМ РЕШЕНИЕМ" (время было такое!) направили в закрытый микрорайон Москвы тех лет — Зеленоград — редактировать городскую газету.

На предварительном собеседовании со мной в Большом Доме (читай — ЦК КПСС), а потом и в Зеленограде (а приехал туда посмотреть на меня даже сам замминистра электронной промышленности СССР Виктор Иванович Ж.), я им понравился. А они мне. Патриоты, державники. Договорились: газета не будет паркетная. Будет твёрдая, честная, государственная.

Получил квартиру, перевёз семью, обосновались. Засучил рукава и вперёд (почти как у незабвенного "Никиты": "Наши цели ясны. Задачи определены. За работу, товарищи!"). Стал преподавать ещё и на кафедре СМИ в Московском социальном институте (на Лосиноостровке). Стал подумывать о будущей докторской. (Я историк, мне политика — "по барабану").

И тут бабахнул идиотский ГКЧП. Потом грянул расстрел парламента из танков. Началась "московская приватизация". Кругом кровь, мафия, рвут всё на куски, давятся. У директоров заводов слёзы боли и отчаяния в глазах.

Нашу соседку в доме напротив взорвали у квартиры вместе с любовником и матерью (пододвинула ногой коробку у двери). Соседу в доме слева киллер вогнал 23 пули. Вышел из подъезда, бросил автомат и... уехал. В Солнечногорске (рядом с нами) вообще дискотеку расстреляли: столько детей побили!.. Выходим с сыном из подъезда — лужа крови. 10-летнее дитя спрашивает: "Что это, папа?". Говорю убеждённо: это, сынок, дядя упал и нос разбил. А он мне вечером сообщает: "Нет, папа, дядя не упал, это дядю зарезали. Он уже умер".

Едешь на работу — у станций метро трупы окоченевших бомжей и "братков" после ночных "разборок". Кто газеткой прикрыт, а кто и нет. Ведущие инженеры наших оборонных заводов торгуют на базаре... БЕЛЬЁМ???!!! Всё рухнуло. Ни Державы, ни Присяги, НИЧЕГО. Зазеркалье. Дурдом.

И жену мою Надю (ты же помнишь её — ту живую икону!) ПАРАЛИЗОВАЛО... Спасибо тому профессору-еврею, свечку поставлю (жив ли, а может, уже и в Израиле) — он её за полтора месяца (насколько это было возможно) чуть-чуть "поставил на ноги", подправил симметрию лица.

Не передать тебе, Юра. (Столько лет прошло, а у меня до сих пор всё это перед глазами. Как это могло случиться с нами и со страной?!).

Ты ж меня знаешь. Я не слизняк. Но за семью испугался.

ТРУДНОЕ решение уехать принимали вместе. Вся родня её здесь. Они — греки Понтийского (Чёрного) моря, и по Лозаннскому соглашению 1923 года (об обмене греко-турецким населением) считаются "греками по рождению". Мой белоснежный сын (который сейчас за метр восемьдесят) получил греческое гражданство "за пять минут". Я приобрёл его (случай относительно редкий) в течение трёх лет.

За первый год в Греции "московский доцент" Анатолий Иванович Е. похудел на 24 кг. Смотрел на себя в зеркало — и не узнавал. На моих плечах ВСЁ...

В Грецию мы приехали с деньгами (от продажи московской квартиры). В центре городка купили двухэтажный дом. Два помещения сдали в аренду под магазины. Наде государство даёт помощь по инвалидности. Плюс деньги за аренду магазинов (хозяйка она). Немаловажна, конечно, и моя зарплата.

Нашим грекам, кто сюда переехал, жаловаться нечего. Греческое государство дало всем большие беспроцентные кредиты на 20 лет и 1/3 часть этой суммы вообще подарило. Всем старикам дали греческие пенсии (40 лет мой тесть отработал в Казахстане — и ни копейки. Пенсии переселенцам платит только Россия. Все трудовые сбережения тестя, которые он держал в казахстанском банке и на которые в 1991 году мог купить три новых машины, внезапно превратились в Ничто, и при обмене денег на новые казахские он мог уже купить на них "булок 100 хлеба"!). Представляешь, с какой болью приехали в Грецию эти, обворованные своим же государством люди!

В Грецию из бывшего СССР приехало немало хороших людей, специалистов. Многие (в основном медики, инженеры-строители) работают по специальности.

Но приехало и столько "дерьма" и "наркоты"! Иногда сам диву даюсь. Неужели они жили с нами рядом в ТОЙ стране?!

Конечно, самым важным и трудным для меня был язык: богатый, необычно сложный. И это при том, что иностранные языки мне даются легко. Полгода я изъяснялся на немецком (благо, многие греки работали в Германии). На пятом десятке лет пошёл в школу изучать великий язык великого народа, в котором ПЯТЬ букв "И" и 14 форм спряжения глаголов в действительном и страдательном залогах!!! Я ходил на занятия каждый вечер — по четыре часа. ЦЕЛЫЙ ГОД! По утрам кружил в сосновой роще и повторял. Я русский, мне никто не платил ни копейки. Хорошо, "были резервы". Нас начинало человек тридцать. Окончили двое: я и ещё одна девушка, преподаватель английского из Караганды. Сейчас я свободно общаюсь, читаю, пишу. Наступил момент, когда я стал "чувствовать" язык. Казалось бы, я не местный, но уже свободно отличаю речь грека севера от афинской или речь грека Крита от Кипра.

Сына мы привезли в 10 лет, произношение у него стопроцентно греческое. Не могут отличить. Иван окончил государственную школу искусств в Афинах, преподаёт. Дочь Ольга училась на итальянской стороне Греции, на Эпире. Она окончила государственный институт в области информатики и компьютерных коммуникаций. Просватали мы её. Приезжали родители жениха. Он военный, в авиации. Прекрасный парень. Бог даст, дождёмся и внуков.

Мы сохранили детям российское гражданство. При всём моём глубоком уважении к грекам, я не стал бы принимать их гражданства, если бы не сохранялось российское. Теперь у всех у нас два гражданства.

Кстати, я отслужил у них в армии: чем и горжусь. Офицерам-грекам я сказал прямо: "За НАТО я воевать не могу. Но если на землю Греции придёт враг, я свой окоп вырою (нас этому хорошо учили), лягу в него с пулемётом и назад не побегу!". Они меня обняли и говорят: ДОСТАТОЧНО. И утром я принял присягу. Занялся спортом — гимнастика, перекладина, штанга. Три месяца был в Центре, потом пришло направление на Турецкую границу. Но мне исполнилось 45, и у меня появилось право "выкупить" оставшийся срок. Что я и сделал. (А греки, в целом, — патриоты).

Сын Иван (он здесь Иоанн, как Грозный!) прошёл “учебку” в Афинах, потом служил на прикрытии Болгаро-Македонской границы. По-хорошему, надо бы ему отслужить и в Русской Армии. (Вы уж там не обижайтесь. Для кого-то она, быть может, и Российская. А для нас — РУССКАЯ!).

Я подтвердил в Афинах свой диплом университета, учёную степень. Полгода учился на курсах, чтобы получить европейский “компьютерный” сертификат. Подал документы на конкурс на государственную работу, победил. В отделе туристического развития в мэрии занимаюсь Европейской программой пограничных регионов Греции и Болгарии.

Тут каждый камень — живое дыхание истории. Приду с работы, накормлю кота, поиграю на компьютере в шахматы. И читаю, читаю, читаю… Из нашей московской библиотеки привёз лишь книг 500. Многое уже взял в Греции.

Здесь тихий, спокойный, устоявшийся мир. Нет бытового пьянства. ВООБЩЕ! За 14 лет видел трёх шатающихся: один наш, другой немец, третий — грек из Германии. ВСЁ.

С соседями мы — как одна семья. Правда, за последние пару-тройку лет многие вокруг уже ушли из жизни…

Из Афин к нам переехал наш сын “братец Иванушка”! Он окончил “греческую Гнесинку” по специальности “профессор искусств”. Ему тут несколько школ сразу официально предложили работу (с пенсионными отчислениями и т.п., это здесь очень важно), и вот он уже три месяца как живёт с нами. Радость непередаваемая! Двухэтажный наш дом ожил. А то прихожу домой — один кот меня и ждёт…

Парень он видный, высокий, светлый, голубоглазый. Из “афинского ЗАГСа” как-то пришла бумага: “грек по рождению!”. Через месяц ему исполнится уже 25. Солидный и самостоятельный мужик. Местные девчонки со мной ласково здороваются метров за десять!.. ЖЕНИХ.

Стараюсь, чтоб связь с родиной не рвалась. Дети ездят в Москву, Алма-Ату. Мой старший брат в Москве (он уже в отставке, но ещё работает в МЧС). Младший с мамой под Алма-Атой. Капитализм для него: куркуль, хозяин. Казахи его за своего считают. Как-никак уже 40 лет с ними. Летали недавно с детьми к ним в гости.

Неделю назад мы ездили к сватам: определились с церковью, где будут венчаться молодые, решили “все остальные вопросы родителей”. Не утерпел (историк, ну что поделаешь!) и поехал на раскопки Додони (в древнюю столицу царя Эпира). Того самого, “Пиррова победа” которого равна поражению. Как-нибудь при случае напишу.

Недавно в нашей семье произошло событие, по греческим, да и общечеловеческим меркам, ГРОМАДНОГО значения: наш сын Иван стал крёстным греческой девочки с прекрасным именем ФЕОДОРА (Божий дар). До этого сын был дружкой на свадьбе, и вот родилась крошка. За всё время крещения она даже не всплакнула. А тут ещё пошёл дождь, и присутствующие старушки вынесли вердикт: ЗНАК СВЫШЕ!

Они — местные греки. Выражение “местные” для греков весьма условно и относительно. Они — тоже греки Понтийского (Чёрного) моря, чьи предки под турецкими ударами бежали в Грецию. А предки моей жены — бежали в Россию (просто из Сампсунда и Трапезунда до России было ближе). А потом их Сталин в одну ночь 12 июня 42-го года в телячьих вагонах вывез с Кубани. Через восемь дней немцы заняли их район… С одной

стороны, Сталин им не доверял: у них же были греческие королевские паспорта. С другой стороны, вроде, КАК И СПАС ОТ НЕМЦЕВ. А горя хлебнули немало. Они же теплолюбивый народ маслин и субтропиков. А южносибирские (североказахстанские) морозы — минус сорок пять, два метра снега и вьюги неделями — их сильно подкосили. (Я видел то место, где когда-то была землянка моего будущего тестя и будущей тёщи...).

У греков очень сильна эта национальная память и боль. И когда они узнают, что и твои прадеды из тех же мест, что и их прадеды (нынешних турецких Трабзона и Самсуна) — ты их кровный брат. Они очень хотели, чтобы именно наш сын был крёстным. И вот — свершилось. Так что наши (уже 15-летние!) корни в Греции стали ещё глубже.

Мне уже 54. Возраста не чувствую: энергии ещё — как в ядерном котле.

Недавно закончил "дело жизни". Поставил последнюю точку в переводе ВСЕГО информационного портала нашей мэрии с ГРЕЧЕСКОГО на РУССКИЙ. Да, это больше 200 машинописных страниц в "старорежимном" пересчёте (а в мегабайтах, с оформлением, — и не скажу. Надо посмотреть в компьютере на работе).

Труд многих месяцев, дней и ночей (а я их не меряю, даже работая на государство!). Наш Димос (отсюда, кстати, и слово ДЕМОКРАТИЯ) — пожалуй, первый в Греции сделал подобное. Это и возрастающий авторитет русского языка. И для нас большой "ТУРИСТИЧЕСКИЙ ШАГ". А там — закончим перевод на английский и немецкий. Я принял на себя ответственность и за своей подписью (с устного одобрения шефа) послал факсы во все посольства и консульства "условно-русскоязычных" стран. И даже — в посольства Болгарии, Сербии и Израиля. Плюс e-mail — в туристические агентства Греции, России, Казахстана, Украины.

Дай "всем нашим" адрес портала моей мэрии в Интернете www.doxato.gr. (Пусть, по возможности, посмотрят перевод). Это пока единственный в своём роде перевод всех материалов административной единицы Греции на русский язык. Мы "на глазах" увидели всплеск интереса к нам в "интернет-паутине".

Сделал рекламный перевод для портала винодельческой компании. ("Подрабатываю". А что делать?!).

Мне даже не с кем поговорить "на моём историческом уровне". Честно сказать, часто уже ДУМАЮ по-гречески. Недавно минут 20 вспоминал, как пишется слово "йогурт". И это я, не делавший в русском почти ни одной ошибки!..

Кстати, войди в сайт нашей мэрии www.doxato.gr. Найди в переведённом мною варианте слева вверху блок "Фотографии старых лет". Раскрой. Найди последний фотоблок справа внизу — "КИРЬЯ 2". Раскрой. В самом низу (ещё казахстанское) фото моей Надежды (Эльпиды) с Оленькой на руках. Оставил как память.

На днях (а мы традиций не нарушаем!) ходили "к нашим" в русскую баню. Понтийские греки-переселенцы от русских традиций не отходят. (Почти как в той песне: баня, водка, гармонь и лосось!..). Лосось, правда, здесь норвежский, а всего остального вдоволь в "русских магазинах". Напарились с вениками, я даже водки рюмку хряпнул. С год уже её не пробовал (предпочитаю красное вино. У греков есть всезамечательное сладкое из тёмного винограда, называется "Мавродафни").

Вернулись домой, первый раз в этом году разожгли камин (не в смысле, что озябли, а скорее для "теплоты семейной атмосферы"). И сели пить чай с пирогами!..

Вот такой и вижу я свою "ТИХУЮ СТАРОСТЬ"... Если совсем откровенно, больше всего в Греции мне нравится "духовное спокойствие". На моей памяти никто в нашей округе никого не убил, не ограбил, не изнасиловал. За все последние годы у нас было два страшных события. В городском парке сломалась ветка 100-летнего дерева и случайно убила проходившую девушку. Да женщина вытряхивала ковёр и вместе с ним упала с балкона четвёртого этажа.

Здесь тихий, спокойный, устоявшийся мир. Тёплый климат субтропиков. Здесь выращивали лучший табак Востока. Именно по этой причине наш городок не сменил своего турецкого названия "КИРЬЯ". Слово "КИР" на османском означает "сухое место". Сорт знаменитого табака так и назывался "Кир-Басма". Мы отделены от Эгейского моря вторым кольцом гор. Климат здесь очень полезен для здоровья. Приезжайте с Оленькой.

Это не какая-нибудь Албания. И не Болгария. Она тут рядом. Нас разделяет гора. Три года назад под ней пробили тоннель в полкилометра. На греческой стороне в пограничных деревнях — красивые дома, водопровод, канализация, отопление и прочие блага цивилизации. В километре за горой болгарские деревни (ТА ЖЕ ЗЕМЛЯ!!!) — несусветная бедность, дома-развалюхи, оборванные детишки, арбы с ишаками и "ЗИСы" 60-х годов... Ездил раза четыре — сердце сжимается.

А было время (в годах 50-60-х), они с нашей бесплатной нефтью, газом и техникой жили, пожалуй, получше греков. (Об этом говорят сами греки, что ездили "этой стороной" на работу в Европу).

За те 15 лет, что мы здесь, Греция шагнула вперёд. Приедешь в гости — посмотришь на европейские дороги, тоннели в горах и всё остальное!.. От Ионического моря Греции до Турецкой границы идёт сейчас Европейский автобан, названный в честь Эгнатиевой дороги Священной Римской Империи. От порта Игуменица до столицы Греческой Македонии Салоник — всего 3,5 часа. 36 тоннелей (сам считал!) в 1-2-3-4 километра каждый. Есть проблемы. Есть безработица. НО ГДЕ ЕЁ НЕТ! Может, и Болгарию ЕС поднимет. Лет через 20.

... У местных греков закончился сбор маслин. В субботу-воскресенье я помогаю соседям как хороший СОСЕД. Они так на меня надеются! Да и мне "мозговая разрядка" полезна. Прекрасные люди! Одному 84, другому 82, третьему 77. До сих пор все водят машины, трактора, работают в своих садах и огородах, и у каждого минимум по 50 оливковых деревьев. А за ними нужен уход! Одно обрезание — процедура на многие дни! Но масличное (оливковое) масло — БЛАГОТВОРНО для организма.

К слову, ещё в Древних Афинах уничтожение оливкового дерева каралось (не поверишь!) СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ. Это было дерево богини Афины. И закон этот ввёл тот приснопамятный правитель Драконт (помнишь наше выражение "драконовские меры"? Так это он и есть, ТОТ САМЫЙ! (Хотя правильнее было бы говорить "драконТовские меры". Но в просторечьи буква "Т" съелась...).

Кстати, сегодня в Греции СТО МИЛЛИОНОВ оливковых деревьев. По десять на каждого грека!..

Прости, что-то я опять ударился в свою Историю. НУ ТЯНЕТ!..

P. S. Прошли последние осенние дожди Греции. МОЯ ПОРА! Всё вокруг дышит озоном, прохладой и бодростью. В этом году “бабье лето” Эллады, как видно, до начала декабря. В эти месяцы мне работается всезамечательно. Осень необычайно тёплая. На нашей бахче всё ещё зеленеет и растёт: морковка, лук, свёкла, капуста.

Сегодня 30 ноября, летнее солнце, плюс 21! Народ ходит в костюмах. Шапок всю зиму большинство греков не носят, а уж перчаток и рукавиц и подавно. За те 14 зим, что мы здесь, снег выпадал три раза и лишь один раз продержался на земле пару дней. И это СЕВЕР Греции! А уж Афины и острова — разговоров нет. Отсюда экономия средств: ни тебе нужды в тёплой одежде, ни печи не надо топить “по-нашему” день и ночь.

Ездил на недельный семинар по “зелёному туризму пограничных регионов” в Болгарию. Деньги и программа — Евросоюза. Я сам его долго готовил, организовывал (при участии греческой и болгарской компаний). Сам его вёл. (Два дня по-гречески, а потом болгарка-переводчица сломала руку (!!!). Это было в горах под Пловдивом, пришлось искать ей замену. Нам помог местный учитель русского языка, и мы достойно довели всё дело до конца). Семинар этот имел успех и отклики. Теперь мне предлагают готовиться к последующему. Всё “копейка в дом”. То бишь, евро!.. Да и мне самому интересно.

Стараюсь жить достойно. Конечно, прося у Господа немного удачи. Как говаривала моя бабка Татьяна (Царствие ей Небесное): “Бог не без милости, а казак не без счастья!..”.

... У меня с дюжину костюмов в гардеробе. Я всегда как “новогодняя игрушка”: отутюженный, побритый, наодеколоненный. Ни разу за все эти годы не позволил себе выйти на улицу неопрятным. Для греков я в нашем городке представляю Россию. Хотя (вместе с российским) у меня греческое гражданство и все права, но местные мне в спину, конечно же, говорят: РУССКИЙ.

Видишь, какую “картину маслом” я тебе нарисовал! Вообще-то я сдержаннее в чувствах. Аналитичнее (и, вроде, уже мудрее к старости). Это что-то нахлынуло. За 15 лет надо же кому-то “выговориться”. За “винегрет мыслей и кашу чувств” прости, но душу мою, думаю, ты “почувствовал”.

Брат! Я ничего не забыл из нашей молодости.

Видишь, под настроение написал тебе всякого. Сначала подумалось — стереть и послать обычных полстраницы. А потом решил: пошлю. Как “МОЗАИКУ”, как “ВИНЕГРЕТ”. Почитай КАК ЕСТЬ...

Мы вас помним, любим и ждём.

Анатолий.
Греческая Македония.

Письмо 2.

Юрий Дмитриевич!

Спасибо, что помните нас. КАК И МЫ ВАС.

Не успели вернуться с Надей с “итальянской стороны” Греции от сватов — поехал в министерство в Афины по срочным делам. А потом — предновогодняя лихорадка в офисе. И я, человек со “старорежимными” устоями планомерности работы, дисциплины и графика, вынужден был подчиниться внезапной стихии. Так месяц и пролетел...

Чувствую свою вину, что давно вам не писал (да и вообще никому из близких). Уже и Володю Федосенко с Валентиной (наш однокурсник —

журналист "Российской газеты" с его женой. — **Ю. П.**) давно своими историческими "байками" не радовал.

Все последние недели напомнили мне нашу "советскую молодость": работал с восьми утра и почти до полуночи. Плюс все последние субботы и воскресенья, без выходных. Позавчера в девять вечера поставили точку (формировали с моим шефом Костасом предложения по предпринимателям нашего региона и мэрии, чтобы вставить их в конкурс Европейской программы поддержки и финансирования). В последний (позавчерашний) день мой 35-летний шеф улетел в Лондон к любимой женщине (и невесте!) на Рождество, а я всю ночь проспал как дитя. Вчера и сегодня у меня "дни отдохновения". (Тем более, у сына день рождения. 25!).

Если честно сказать, Юра, в ТОЙ стране нас научили работать: динамично, вдохновенно, ответственно. Шеф всё изумлялся: "Кирие Анатолио. Пос андэхете? Ксеперасате ола та ория...". В смысле: Как вы выдерживаете? Это уже за пределами возможного... Девять последних дней вместе с субботами и воскресеньями — по 14-15 часов. И с утра опять — в бой. А как мы в СССР работали? ДА ТАК ЖЕ!!! На патриотизме. Вот если бы тогда кто-нибудь думал бы ещё и об экономических стимулах, мы могли бы уже быть пусть не Рокфеллерами, но людьми финансово состоятельными!..

С утра зарядил дождь, с гор Родопи нагнало чёрных туч. (Помнишь те великие сигареты СССР?! Вот они, эти Родопи, — руку протяни). Это естественная граница между Болгарией и Грецией. Несколько лет назад под горой пробили тоннель в полкилометра: до болгарских базаров грекам с полчаса езды. (Там всё дешевле раза в два. ПОКА). Тоннель строили осторожно и долго: порода оказалась необычной. Наши (как там, в народе, про Беломор: "Без туфты и аммонала не построили б канала!") взорвали бы на фиг эту сопку и пробили бы дорогу "ничтоже сумняшеся". Но тут Европа. "Зелёные" взбунтовались: по горе идёт миграция каких-то медведей, занесённых в Красную книгу. И "додавили" европейские власти, те настояли пробивать тоннель. Делали его, с благоустройством прилегающей территории и пунктами пограничного пропуска, года два...

Греция мучительно долго и трудно возвращала себе свои территории. После 400 лет Османского ига (десятилетнего жертвенного восстания всего народа и помощи России, Британии и Франции) она вновь возникла на карте мира в 1832 году как маленький осколок былого величия, включая в себя лишь Афины, Беотию (Фивы) и Пелопоннес. Через полвека Греция вернула себе Фессалию. Через восемь десятилетий (после Балканских войн) — Салоники и Греческую Македонию, а также остров Крит и Западную Фракию. А знаменитый остров Родос и соседние острова-спутники (их так и называют ДодекАниса — Двенадцать) вернулись в лоно матери-Греции лишь после второй мировой войны — в 1947 году!

Мы живём на севере, в Греческой Македонии. Кстати, у греков 2/3 территории "ТОЙ" исторической Македонии. И древняя её столица Пелла. Кусочек находится в бывшей Югославии ("Скопья" или то, что греки справедливо требуют назвать "Северная Македония"). И ещё кусок в Болгарии, за горами Родопи (кстати, Пловдив, основанный отцом Александра Македонского царём Филиппом II, на греческих картах так и называется — Филиппуполи). Это были четыре столпа "греческого духа" на Востоке: Константинуполи, Андриануполи, Филиппуполи, Александруполи. Первый теперь Стамбул, второй — Эдирне, третий — Пловдив. И лишь четвёртый

сегодня в греческих руках — Александруполи. Красивейший город Западной Фракии. Недавно сын приехал оттуда от своих друзей (там государственный университет). Приехал ошеломлённым. Такой красоты города он просто не ожидал. Тем более, после Афин…

Эгейское море у нас — за горой. В 5 километрах от моего дома знаменитые Филиппы — форпост отца Александра Македонского. В 42-м году до н.э. здесь произошла битва консулов Рима Октавиана и Антония (будущего мужа Клеопатры) с убийцами римского Цезаря Брутом и Кассием. (Помнишь, у Шекспира в "Ричарде Львиное Сердце": "Мы ещё встретимся у Филипп!.."). У этих самых. Сошлись 47 легионов Рима! 230 тысяч пеших и конных. Считается самой большой концентрацией римских войск за всю их историю. Приезжай, увидишь — вон за той горой!..

Здесь проповедовал Апостол Павел (раскрой "Библию" — "Послание к Филиппийцам". К этим самым!). Здесь он крестил первую женщину Европы Лидию. Это в четырёх километрах от моего дома. Рядом с нами остров Тасос — "Афины Севера". Стагира — родина великого Аристотеля. Абдира — родина создателя "атомарного строения мира" Демокрита. Где-то вот в этих горах Фракии пас в юности коз и сам Спартак. Стоишь у колонн древности и думаешь: Господи, и как это могли сделать люди 3000 лет назад!..

В Греции не найдёшь ни одного памятника на местах сражений. Есть обелиски у погребений. Но памятников нет! Удивительно? Казалось бы, битвы при Платеях, при Херонее, у Филипп, у Фарсал вошли во все учебники всемирной истории. И — НИ ОДНОГО ПАМЯТНИКА! Разгадка тебя удивит. По негласным законам ЗАПРЕЩАЛОСЬ возводить на местах боёв обелиски из камня и мрамора. И РАЗРЕШАЛОСЬ их строить только из дерева. За 25-30 лет — при жизни одного поколения — ветра, дожди и зной разрушали памятник до основания, и в сердца грядущих поколений уже не закладывалась злоба: "А помнишь, как наши ваших здесь!..". Так что эти древние греки были не только древними, но и мудрыми!..

Недавно у подножия холма на окраине нашего городка (трактор копал яму под водопроводный блок) — отрыли древнюю могилу. А в ней шесть останков, что-то из утвари и россыпь римских монет. По всей видимости, воины побеждённого войска Брута… Он как раз у наших холмов стоял. Видишь, как история "стреляет в нас" через 20 веков…

Кстати, Гитлер прямо винил в конце проигранной войны Муссолини в том, что весной 41-го фюрер вынужденно потерял месяц в Греции и атаковал Советский Союз не 20 мая, как планировал, а 22 июня! Дело в том, что дуче вознамерился провести свой "блиц-криг" в отношении Греции. Но случилось нечто из ряда вон выходящее для дуче. Страшный сон всей фашистской Италии! Греки не только упорной обороной остановили итальянские войска, но и ОТБРОСИЛИ ИХ (!!!) в Албанию. И фюрер весной 41-го вынужден был прийти на помощь дуче. За 18 дней Гитлер захватил всю Польшу. А тут больше месяца (!!!) он воевал с греками (сначала пытался войти со стороны марионеточной Болгарии, но так и не взял греческую линию укреплений в горах. Позже вошёл со стороны Югославии). А остров Крит (помогли англичане) сражался 42 дня! Немцы положили здесь тысячи своих парашютистов и НИКОГДА УЖЕ ПОСЛЕ КРИТА не выбрасывали парашютистов МАССОВО…

Греки по праву этим гордятся. (Тут захоронения немецких солдат в горах. Старики из Германии каждую весну приезжают. Мы с ними

разговариваем “по душам”). Кстати, немцы рассказывают, что их офицеры построили подразделения и прямо сказали перед строем: учитесь воевать так, как воюют греки. Немцы-старики вспомнили и невероятный исторический факт. Оказывается, их командование приказало греческие флаги (с так и не взятых в бою укреплений линии, названной по фамилии их создателя, премьер-министра Греции тех лет — “Метакса”) не снимать. В знак уважения к воинской доблести. ОЦЕНИЛИ ГРЕКОВ! В истории СССР об этом, к сожалению, не писали. КАК И О МНОГОМ ДРУГОМ...

Один немец-фронтовик мне свою старую фотографию подарил. Невысокий такой. Я “затянул паузу”. Понятно, что он не из гестапо — туда ниже метра 80 сантиметров не брали (породу показать!). Спрашиваю немца, держа руки за спиной: “SS?” — “Nein! Panzer!” (то есть танкист). Ну, думаю, хрен с тобой...

За греками — тысячелетия истории и культуры, генетическое единение диаспоры в любой точке земли. В греке — энергия, сила православного духа. Ребёнок эмигрантов любой нации в третьем поколении уже не знает язык предков. НО ТОЛЬКО НЕ ГРЕКИ!!! Где бы ни находилась греческая семья (в Германии их почти миллион, в США полтора, в Канаде и Австралии по полмиллиона, в СССР было 300 тысяч (даже в ЮАР их живёт 270 тысяч!) — греческие дети ГОВОРЯТ ПО-ГРЕЧЕСКИ! Я вижу в этом генетическую силу нации.

В нашем телефонном разговоре, помнится, тебя интересовали ментальность и “притирание характеров и культур”. Это интересный вопрос. И СЕРЬЁЗНЫЙ. Вначале были вещи, которые приходилось или “принимать как данность”, или (чего греха таить!) приспосабливаться, “переваривая в себе”.

Это народ умный, цепкий, энергичный, торговый. И “по-средиземноморски” горячий. Я вначале никак в толк не мог взять: почему перед очередными выборами в местную полицию “течёт ручеёк” моих соседей с ружьями. А после выборов — назад. Оказывается — охотники шли сдавать свои ружья в полицию. Так сказать, ВО ИЗБЕЖАНИЕ. Политические страсти кипели немалые. Но сейчас всё приутихло. И ружья, вроде, уже не носят...

1. Трудным было моё привыкание к феномену того, что греки “не дружны с дисциплиной”. Назначают тебе встречу (здесь это называется странным французским словом “рандеву”!) и могут опоздать на четверть, а то и полчаса. А то и вообще “забыть” и не прийти. Это в порядке вещей. Хотя грек тебя уважает и не желает причинять тебе боль. Ну ЗАБЫЛ. Ну характер такой! И никаких угрызений совести. Я часто вначале попадал впросак. Ты же знаешь мой “немецкий” принцип: без пяти минут столько-то — как штык!.. (Хотя справедливости ради надо сказать, что молодёжь, возвращающаяся после учёбы и работы “в Европах и Америках”, уже несколько другая...).

2. В Греции устная договорённость многого не стоит. Тебя могут уверять, что договор достигнут, вы можете пожать друг другу руки в знак “заключённой сделки” и даже по-христиански расцеловаться. НО ЭТО РОВНЫМ СЧЁТОМ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ! У нас СЛОВО ЧЕСТИ — было всё. (Не сдержал “слова чести” — передёрни затвор пистолета и пусти себе пулю в лоб). Под одно “купеческое слово” шли эшелоны из Москвы в Сибирь и обратно.

Здесь устное слово — НИЧТО. И если у грека появляется предложение более выгодное, чем твоё, грек "забудет" устную договорённость с тобой. И не будет испытывать особых угрызений совести от того, что не сдержал, простите, какого-то там "слова чести"... Грек боится только своей подписи под документом, полиции и суда. И БОЛЬШЕ НИЧЕГО! (Их пословица гласит: "Тин ипографИ ке тин псолИ ден тин вАзис Опу нАнэ!", т.е., дословно: "Свою подпись и свой "предмет мужской гордости" не суй куда попало!". На должника подают в суд. А суды здесь идут годами... Вначале казалось, что я к этому феномену психологически не привыкну вообще. Привык. И вслед за греками сам повторяю по случаю их другую поговорку: "И калИ логариазмИ кАнун калУс фИлус!" — "Правильные взаиморасчёты делают людей хорошими друзьями!".

3. Ещё одно наше отличие от грека — это отношение к долгам. Я, ты да и все МЫ не можем БЫТЬ ДОЛЖНЫМИ. Мы не будем спать ночами. Никому не должны — и мы счастливы. У греков с точностью до наоборот. Их пословица гласит: "Ама о Эллинас ден хростАи — са песАни" — "Если грек не должен — он умрёт!". И это действительно так. КАЖДЫЙ "УСЛОВНЫЙ" ГРЕК ДОЛЖЕН ВСЕМ. Банкам, соседям, родне, государству. Всё оформляется документально. Долги ждут годами и десятилетиями. Местные магазины периодически сжигают свои старые долговые книги. И — всё по новой. В кредит, "под залог", "под запись"... И не отдавать! Точнее, отдавать "в час по чайной ложке". И ВСЕ ТЕБЯ ПОМНЯТ, ВСЕ ТВОИ "КРЕДИТОДАТЕЛИ" С ТОБОЙ ЗА ПОЛКИЛОМЕТРА ЛАСКОВО ЗДОРОВАЮТСЯ!!!

Вообще у греков "ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ" и удивительной краткости пословицы и поговорки (многими из них мы пользуемся, даже не задумываясь, что они древнегреческие): "Начало — половина дела", "Нет худа без добра", "В здоровом теле — здоровый дух!" и, конечно же, "Платон мне друг, но истина дороже!".

А какие у них необычные и красивые песни! И музыка (вспомни хотя бы "Сиртаки"! Кстати, тот актёр в фильме начала 60-х годов "Грек Зорбас" на самом деле никакого отношения к грекам не имел. Чистый американец из Голливуда. Его "с нуля" учили танцевать. Но как "попал в образ"! Греки его считают своим. И очень горевали, когда он недавно умер...).

По греческим пословицам и поговоркам, по их незабываемым песням я начинал учить язык. Греки севера (как и немцы севера) говорят жёстко. Греки Афин и Пелопоннеса используют иные ключевые слова: "ДА" на севере Греции тебе скажут как "НЭ", а в Афинах "амЭ". "ВНИЗУ" северянин скажет "кАто", афинянин "хАмо". Мгновение — и я понимаю, откуда грек родом! Греки Кипра "чекают": "Че", "Че", "Че"... Речь греков Крита образно схожа с горьковским "оканьем": их различишь — за километр. А греки Корфу и островов Ионического моря разговаривают настолько певуче, как будто действительно поют. Я вначале их просто не понимал! И только с годами "поймал их песенный ритм".

Греческий язык настолько глубинный и неохватный! Помнишь, у Ломоносова в "Риторике" (хотя нет, пожалуй, в "Российской грамматике") есть сравнение всех европейских языков, где он отмечает "ПРОСТРАНСТВО И СИЛЬНУЮ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ КРАТКОСТЬ греческого и латинского". И это действительно так. Море пространственных оттенков одного и того же значения. В русском языке слово "камень". У греков это "петра", "стурнари", "котрони", "лисари" и ещё штук пять оттенков. Наконец-то я стал их ЧУВСТВОВАТЬ.

Греки на “генетическом уровне” защищают свой язык от ИНОВТОРЖЕНИЙ, “переваривая” основной СЛОВАРНЫЙ ПОТОК ГЛОБАЛИЗАЦИИ. (Хотя у них нет специальной государственной программы, как у тех же французов, где решением комиссии парламента официально запрещены к публичному употреблению в печати, на радио и телевидении тысячи две с половиной англоязычных слов и утверждены их французские эквиваленты). Компьютер у греков “ипологисТис”, лифт — “анэлкистИрас”, машинная свеча — “анафлектИрас” и т.п. Хотя приехавшие “из Европ” греки иногда уже употребляют в устной речи слова “асансЭр” (лифт), “бузИ” (свеча) и т. д.

Если у нас в русском языке все медицинско-врачебные термины по сути греческие, то и в греческий язык в “революционном” XX веке проникли наши слова “погром” (в ТОМ же его гнусном значении!), “яфка” (в смысле явка, как тайное место встречи), “тройка” (как верхушка революционной организации) и даже “бомба МолОтоф” с ударением именно на среднее О. (Ещё немцы в войну назвали незабвенным именем наркома Молотова его “коктейль”, ту пресловутую бутылку с зажигательной смесью). На дворе XXI век, уже и сам Вячеслав Михайлович четверть века как ушёл в мир иной, а “бомба его имени” в Европе жива! И швыряют её “протестная молодёжь” и прочие “левые” неистово…

Перед греческой Олимпиадой в Афинах прошёл громкий судебный процесс над организацией греческих террористов, и все эти “приснопамятные” слова “погром-явка-тройка” мелькали в газетах и на TV каждый день.

А переселившиеся в 20-е годы в Северную Грецию (из объятой пламенем революции и гражданской войны России) греки Понтийского (Чёрного) моря внесли в местный колорит уже “русифицированные” слова повседневной жизнедеятельности: “кОса” (в смысле КОСА для кошения травы), “цидИла” (в смысле ЦЕДИЛО для процеживания молока) и даже слово “дОброс” (в том же прямом нашем смысле “добрый”, “хороший”).

Как и у нас в языке, так и у греков на Севере Греции, есть некоторые естественные “османо-тюркоязычные” вкрапления: “сендУки” (сундук), “пасАс” (паша), “парамифья Халимас” (сказки Халимы из “Тысячи и одной ночи”) и другие.

Фактически у греков на сегодня два языка. Один из них сложный — на основе древнегреческого — называется “кафарЕвуса” и используется официально в парламенте, высших учебных заведениях и в книгах. Другой — более упрощённый (облегчённый, что ли) язык “ДЛЯ ПРОСТОГО НАРОДА” (там и падежей меньше!) называется “димотикИ” и используется в повседневной жизни обычных людей, в дошкольных учреждениях и начальной школе. И ввели его всего 36 лет назад.

Кстати, даже на географической карте мира ты найдёшь россыпь исконно греческих названий: “МЕСОПОТАМИЯ” (МеждуРечье, если помнишь, Тигра и Евфрата), ГАЛАПАГОССКИЕ острова (“гала” по-гречески молоко, “пагос” — лёд, т.е. молочный лёд. Красиво!). ПАТАГОНИЯ, ПОЛИНЕЗИЯ, Севастополь, Симферополь, Мелитополь, Неаполь, Феодосия. “ПОЛИНЕЗИЯ” (Много островов). Севастополь (от гр. СЕВАСТУПОЛИ) — “уважаемый, почитаемый город”, Симферополь — “выгодный”, Мелитополь — “медовый”, Неаполь — от гр. НЕАПОЛИС — “новый город”, Феодосия — “данный Богом”. И даже крымский Форос (изначально, видимо, “Фарос” — это греческое слово “маяк”). ГРЕКИ ВСЮДУ ОСТАВИЛИ СВОЙ ВЕЛИКИЙ СЛЕД!

Своеобразны греческие имена. (ВСЕ они православные. Да, собственно, иными и быть не могут: от греков и мы получили свои!). Но в повседневной жизни греки используют ТОЛЬКО упрощённую, уменьшительно-ласкательную их форму. Димитриос (наш Дмитрий) — это Мицакис. Иоаннис (Яннис — наш Иван) — Янакис. Анастасиос — Тасос. И т.д. Иногда концы трудно даже найти. Слышишь вокруг — Сакис, Лакис, Такис, Макис… А церковно-православные их (паспортные) имена совершенно иные, иногда очень сложные и труднопроизносимые.

У женщин ещё труднее определить ИСХОДНОЕ имя: Тула, Сула, Кула, Рула. (В обыденной жизни не придаёшь значения "выискиванию" полного имени человека. Да и сами греки с рождения привыкают к уменьшительным именам). Недавно хоронили нашу добрую соседку, которую я знал лет 10 как Тулу. И вдруг с удивлением увидел на венке имя "Элисавет" (объяснение несложное: от уменьшительно-ласкательного "Элисаветула" берётся конец — ТУЛА.) И я уже сам стал сопоставлять: Эви, оказывается, — "Эвморфия" (образованная),

Ницца, оказывается, — Елени (от ласкательного Еленица).

Некоторые имена гречанок вначале заставляли просто удивляться. И восторгаться! Например, Маня. (Сразу на ум приходит Манька-облигация из "Места встречи изменить нельзя"). Оказывается, это ласкательная форма от имени "Миропия" (благовонное масло). Или Кики (не подумайте плохого!) — уменьшительное от имени "Кирьяки" (воскресенье).

Ну и, конечно, великие имена Древней Греции! Исторические имена греки дают охотно: создателей бессмертных трагедий и комедий — Гомер, Эсхил, Софокл, Эврипид, Аристофан; философов и риторов — Платон, Сократ, Аристотель, Демосфен, полководцев и царей — Александр, Леонид, Одиссей, Фемистокл, Ликург; героев эпоса — Ахилл, Аякс, Гектор, Геракл, Телемах.

Вчера в офисе поприветствовал гречанку (и в восхищении от её имени поцеловал ей даже руку!): КАССАНДРА (что в переводе — "БЛИСТАЮЩАЯ средь МУЖЧИН")! Какая прелесть! Дочь царя Трои Приама. Клеопатра (слава отца), Терпсихора (радующая танцем). А ещё: Афродита, Афина, Ифигения, Эллада. Ах, какие великие имена!

Вера, Надежда, Любовь — это уже наш перевод той славной триады греческих имён Писти, Эльпида, Агапи.

Я попросил сына "братца Иванушку" помочь мне отобрать для вас греческие народные песни (мы тут с ним в "ГУГЛе" записались в греческий "фан-клуб"). Вот это были песни! Довоенные, послевоенные, 60-70-х годов. ПЕСНИ ЖИЗНИ…

Мой Рождественский вам подарок. Слушайте, наслаждайтесь!

Я вообще у всех народов учусь! Полжизни в журналистике и на кафедре института я работал с евреями и сам уже стал в чём-то "ЕВРЕЕМ" (в великом смысле этого слова!). 15 лет я уже с греками: и у них, как губка, впитываю всё исключительное и полезное, приближаясь потихоньку к "вселенской сути Глобального Гражданина"…

Храни нас Господь!

Анатолий.
Греческая Македония.

Продолжение в следующем номере.

Алексей ЭЛЬКИНД,
переводчик

Родина — это и есть судьба

Песня "С чего начинается Родина" была написана в 1968 г., в эпоху стабильности советской власти, для военно-патриотического художественного фильма "Щит и меч". Её популярность, возникшая сразу после показа фильма, пережила советский период и сохранилась до сих пор среди миллионов постсоветских людей, несмотря на старательное "разоблачение" всего советского и обильное поливание грязью всего, что связано с советским строем. Это вызывает желание разобраться, в чём же секрет её универсальности для советской и постсоветской эпох и актуальности для нашего времени.

Возможно, я мыслю уже по-французски, но прежде всего хочу сказать, что все составляющие дух песни, то есть текст и музыка, были созданы мастерски: проникновенная и запоминающаяся мелодия композитора Баснера, глубокие и в то же время понятные слова Матусовского и, конечно же, безукоризненное исполнение любимцем публики той эпохи — Марком Бернесом. Проанализировав текст, я пришёл к выводу, что он воздействует на подсознание, по кирпичикам закладывая необходимую информацию, подобно системам психологического воздействия, которые так успешно и часто применяются сегодня для сбыта продукции и пропаганды идей. Но если современные методы тщательно просчитаны в институтах на основе учения Фрейда и Юнга, то в случае с этой песней, я уверен, никакие специально разработанные технологии не использовались. При этом слова песни воздействуют и на моё подсознание.

А если спросить лично меня, с чего начинается моя Родина, то я, не задумываясь, отвечу: "с русского языка", т.е. "с картинки в твоём букваре". Я родился в городе Алма-Ате в советскую эпоху. Я считаю свой город родиной, но Большой Родиной я считаю Россию. При этом в России бывал только с визитами, никогда там не жил, если не считать два года службы в армии. Объясняется эта моя, если хотите, любовь тем, что мой родной язык — русский, и воспитан я на культуре, в основе которой лежит русский язык. В основе любой культуры — язык. А мой язык русский был не только древним, но и печатные книги имел одним из первых.

Следующий фактор связан с социумом, т. е. с наличием добрых взаимоотношений и взаимопонимания с окружающими. Ведь если у человека есть друзья, значит, в социуме у него есть понимание и поддержка. Из моего родного города Алма-Аты большинство из моих друзей, если не все, уехали кто куда, и на сегодняшний день у меня нет там "хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе", хотя раньше были. Моя мать пела мне в детстве русские народные песни. Проговаривала приговорочки, прибауточки, присловия, услышанные и усвоенные ею от бабушек и своей матери. Что опять же определяет и отождествляет для меня понятие "Родина" с Россией ("с той песни, что пела нам мать"). Кроме того, понятие "Родина" у меня прочно связано с принципами, заложенными отцом: честность, порядочность, добросовестность, стремление к справедливости во благо сотоварищей и во благо истины, которую никогда не достичь, но стремиться к ней нужно. Сопротивление порабощению, которое сегодня

проявляется в форме потакания многим свойственным современному миру слабостям и порокам (алкоголизму, наркомании, азартным и компьютерным играм). Эти принципы для меня как раз то, что "в любых испытаниях у нас никому не отнять". Кроме того, Родина начинается там, где прошло детство, где возникали моменты откровений и были проведены часы раздумий. То есть Родина там, где было место для уединения, которое так необходимо человеку для формирования и развития личности. Это и есть та "заветная скамья у ворот". А представленные в песне образы — "берёзки, что во поле, под ветром склоняясь, растёт" и "дороги просёлочной, которой не видно конца" — это ведь сокровенное, оно-то и перекликается с "песнями, которые пела нам мать"... Такими, как "Во поле берёзка стояла", "Ах ты, Порушка-Паранья", "Русское поле", "Эх, дороги..." и создают убеждение, что Родина — это пространство, где мирно, свободно, раздольно и уютно. Это убеждение дополняется образом "весенней запевки скворца". Помимо этого, Родина — это место, в которое тянет после более или менее продолжительного отсутствия. Очень приятно возвращаться домой, когда, завидев "окошки, горящие вдали", сердце начинает учащённо биться в ожидании встречи с любимыми людьми. Родное место, где нормальным является ощущение безопасности и уюта. А тот факт, что мои деды воевали против фашистов, навсегда заложил во мне убеждение в существовании как минимум двух враждующих лагерей: тех, кто воевал против фашистов, и тех, кто воевал на стороне фашистов (включая предателей и нынешних переписчиков истории), причём лагеря эти, как деление на ЧЁРНОЕ и БЕЛОЕ, существуют по сей день. И ТА война далеко не закончилась... Так что для меня, "как бы француза", Родина тоже начинается "со старой отцовской будёновки, что где-то в шкафу мы нашли". Только вместо будёновки выступают ордена и медали моих дедов, номер газеты "Правда" за 1942 г. с приказом Сталина не сдаваться в плен, а также фотография младшего сына одной из моих бабушек — Ивана, который был призван на срочную службу в середине войны и погиб в возрасте 16 лет. А ещё очень важно осознавать, что твоя Родина — большая и сильная. Раньше у меня всегда вызывал гордость тот факт, что от Алма-Аты до Москвы надо ехать 5 суток на поезде, а до Владивостока — 8 суток, и что это — всё одна страна! Такая огромная территория, и есть чувство безопасности и значимости! И можно было сказать, что Родина начинается "со стука вагонных колёс"... Правда, "это усё у прошлом", как говаривал один известный русским лауреат Нобелевской премии. Понятие Родины очень сильно связано с прошлым. Неслучайно, что сегодня у людей на постсоветском пространстве хотят вытравить их прошлое. Не калёным железом, так изощрёнными технологиями психологического воздействия и дезинформации... А "клятва, которую в юности ты ей в своём сердце принёс" (в моём случае это была воинская присяга) просуществовала один год — с 1991 по 1992 год, ровно год до распада великого и уважаемого всеми странами Советского Союза. То есть целый год ещё я был верен несуществующей стране. Если утрировать, то можно сказать, что тогда Родины лишились миллионы людей.

Если абстрагироваться от реальных географических названий, то, я считаю, в этой песне вопрос не задаётся, а скорее предоставляется ответ на вопрос.

г. Париж, Франция.

Жамал АБСОЛЯМОВА

Наша улица в три дома

Наше детство от нас никуда не ушло. То самое, что звенело, шумело когда-то на улице большого села, привольно раскинувшегося в лесостепной зоне на севере республики. Нас нет давно ни на той улице, ни в том селе: улетели, упорхнули в поисках лучшего места на земле. Кто в областной центр, кто в Россию, а кто-то и в дальнее зарубежье. Мы были разными по национальности, по цвету кожи, наши семьи тоже разнились по достатку, по религиозным взглядам, и хоть религия официально была отменена, люди продолжали праздновать Рождество и Пасху, Наурыз, не так открыто, как сейчас, но не предавалось забвению то, что веками помогало выживать народам в смутные нелёгкие времена. Одно нас всех уравнивало: мы были представителями одной большой страны, одно общее звание было у всех нас — советский народ.

На отрезке улицы от проулка до проулка стояло шесть домов, и в них проживали представители шести национальностей.

Начинался отрезок с семьи Галицких, где глава дома был евреем, а хозяйка — татаркой. Следующие — Петровы, русские, потом — старики Миронюки, украинцы, насильно высланные из Западной Украины. К их жилищу примыкал дом депортированных с Поволжья немцев Фаустов, чьими соседями были мы, семья казахов, которая в войну отдала гостевую комнату семье чеченцев, выселенных с Кавказа. Замыкал отрезок дом Рыбкиных, предки которых считались старожилами, прибывшими сюда ещё в 19 веке из российской глубинки.

В каждой семье, конечно же, росли дети, внуки, объединял всех один язык, русский, а дома звучала родная речь. Мы, дети, играли в различные игры, бегали смотреть сказки по телевизору к соседям. Меня, единственную казашку, смуглую и непоседливую, дядя Павел, отец моей подруги, занимавший высокий пост в райцентре, хозяин единственного на всю округу автомобиля, брал на прогулки вместе со своей дочкой, в то время как остальная детвора, не скрывая зависти, печально наблюдала за тем, как вслед за мной и Надей в машину отправлялась большая коробка с куклами. Каждая семья так или иначе привнесла своё, особенное, в

Жамал Шайкеновна АБСОЛЯМОВА родилась 17 марта 1955 года в с. Фёдоровка Кустанайской области. В 1976 году окончила КГПИ им. 50-летия СССР по специальности “учитель русского языка и литературы”. 5 лет работала в Боровском районе. В 1981 году награждена медалью “За трудовую доблесть”. В том же году переехала в г. Экибастуз Павлодарской области. 10 лет была педагогом-организатором в подростковом клубе и в школе учителем-куратором. В 2006-2007 гг. работала корреспондентом в еженедельной газете “Вести Экибастуза”. С 2010 года является корреспондентом газеты “Экибастузское обозрение”.

В “Ниве” выступает впервые.

обустройство быта, способы ведения хозяйства и ещё многое другое, что отличало каждую семью.

На подворье Миронюков благоухали диковинные цветы и растения, они же были вышиты на скатертях, рушниках, служивших ярким напоминанием о далёкой и милой родине. А ещё баба Катя выращивала в огороде мак, которым щедро начиняла булочки и кренделя и так же щедро угощала ребятишек на улице. Двор Петровых был просторным, со множеством построек, хозяева отличались радушием и гостеприимством, что так свойственно русскому человеку. Баба Даша пекла необыкновенно вкусный, ароматный хлеб в русской печи, которая занимала половину кухни и представляла собой чудо народной архитектуры. Соседи наши справа — Фаусты — жили замкнуто, тесно общаясь только с родственниками. Бабушка не говорила по-русски, внука звала вечерами по-немецки: “Витя, комм, комм!”. Моя мама, сирота с войны, училась у всех соседей вести хозяйство: баба Оля Рыбкина, у которой было целое поле отборной картошки, делилась секретами огородничества, засолки и маринования. Капуста, приготовленная мамой в пузатых деревянных кадках, зимой аппетитно хрустела на зубах. У бабы Даши мама, как прилежная ученица, брала уроки хлебопечения. Именно русские подруги и соседки научили её собирать ягоды в лесах и варить варенье на зиму, вязать удивительно красивые замысловатые узоры по краям пуховых шалей. Моя бабушка замешивала на сметане и молоке пресное тесто и пекла на углях между двумя сковородками лепёшки с оранжевой аппетитной корочкой. Я была неразлучна с Надей Петровой, после игр один день угощались на кухне, где колдовала баба Даша. Мы ели густой борщ, к которому подавался хлеб, воздушный, наполнявший дом неповторимым духом.

А на следующий день у нас ели горячие лепёшки, которые бабушка ломала кусочками в большую пиалу, а сверху заправляла большой ложкой густой сметаны, и подавался густой чай со сливками. Зимой мама угощала Надину маму шужуком (колбасой) и казы, а та — своими деликатесами.

Целая вечность прошла с тех пор, мы, дети с той улицы, выросли и разлетелись кто куда. Но наше общее счастливое босоногое детство продолжает быть той крепкой нитью, что соединяет нас неразрывной связью, как далеко ни находились бы мы друг от друга сейчас. И не помеха этому никакие границы, никакие тысячи километров.

Надя живёт в Челябинске, её сестра в Костанае, Витя Фауст в Германии, а я в Казахстане. И когда встречаемся или перезваниваемся, то обнаруживается, что, перепробовав в своей взрослой жизни немало всяких изысканных блюд, продолжаем считать самыми вкусными на свете хлеб бабы Даши, лепёшки со сметаной моей бабушки и ещё булочки с маком бабы Кати. И повидавший всяких заморских красот в Европе Витя Фауст с тоской в голосе всё чаще выспрашивает у подруги детства Вали Петровой то, чем сейчас живёт покинутая им не историческая, а настоящая родина, где он родился и жил. Ему хочется узнать до мельчайших подробностей о земляках, которые своей простой и бесхитростной жизнью продолжают интересовать его, о том, чем живёт родная деревня. Почему? Да потому, что родина никогда не отпускает, такая у неё необыкновенная сила. И такую понятную всем, кто вырос на таких улицах, такую

хорошую, трогательную песню "Городок" написал, видимо, человек, в сердце которого навек лучшим воспоминанием остались дворовые друзья детства и родная улица, "где без спроса входят гости, где нет зависти и злости". А покинувшие свою родину немцы теперь уже в Германии дома говорят на русском языке...

Когда наступает суббота...

Длинная деревенская улица, на одном конце которой высится на пригорке добротный деревянный дом Амелиных — Петра и Елены, а дом Анны, старшей сестры Петра, расположен в самом центре её, в жаркий летний полдень словно вымирает — непривычная даже для деревни царит тишина. Дом Анны не топорщится грозно во все стороны толстыми потемневшими брёвнами, как у брата, напротив, сверкает празднично голубоватой известковой побелкой, светло щурится на мир белосиними крашеными ставнями. Во всём этом нарядном уборе дома чувствуются проворные руки хозяйки, которая разменяла седьмой десяток лет. Она — старшая из детей Василия и Варвары Амелиных, которым уже за восемьдесят и живут они в комнатке, которую пристроил с северной стороны дома для них Пётр. Старики почти слепы, выходят во двор, поддерживая друг друга. Их единственный сын, сноха и дочь-подросток занимают три просторные светлые комнаты, вечерами семья любит пить чай на солнечной уютной веранде, которая выглядывает окнами во двор, усеянный яркими цветами. Высокий забор наглухо отделяет просторный двор Петра от узенького клочка земли, которая принадлежит старикам. Сын и сноха не переступают эту черту, словно проживают там посторонние им люди. Пётр с высокого деревянного крыльца видит согнувшиеся фигурки родителей, когда выходят они погреть застуженные кости на солнышке. Нелегко ослепшим старикам доживать безрадостную тусклую старость через забор, которым, словно крепостной стеной, сын отгородился от отца и матери. Петруша, единственный сын, свет в окошке, с которым связывали свои надежды родители, превратил их, беспомощных, в отрезанный ломоть.

Закончив бесконечные дела по хозяйству, каждую субботу после обеда заводит Анна в эмалированном ведре тесто на блины, разводит огонь в русской печи и часа три ловко орудует длинным ухватом и чугунной сковородкой, низко склоняясь над пышущей жаром печью.

Огонь освещает морщинистое, всё ещё красивое лицо Анны, руки с выступающими прожилками вен. Растёт гора румяных пышных блинов, которые обильно смазываются растопленным сливочным маслом. Закончив печь, умыв лицо прохладной колодезной водой, надев тёмную длинную юбку, светлую рубашку с длинным рукавом, повязав голову белым в мелкий тёмный горошек ситцевым платком, спешит Анна со двора с узелком в руке. Она несёт гору свежеиспечённых ароматных, пышущих печным жаром блинов, замешанных на молоке и яйцах, приправленных щедро дочерней любовью к своим престарелым родителям. Высокая, статная, одна из самых красивых женщин села, в светлом платке со светлым узелком в руках уже не один год топает по тропинке к родителям каждую субботу в любую погоду уже немолодая старшая дочь, чтобы хоть немного согреть застуженные сердца самых родных людей

тихой беседой у самовара, угостить блинами со сметаной и мёдом (муж Анны — пасечник). Блинов и другой снеди хватит на несколько дней, до следующей субботы.

Анна тоже подслеповато щурится, наверное, наследственное, а ещё один за другим похоронила двух взрослых сыновей, дочери разъехались, живут далеко. Муж, с которым прожита долгая жизнь, так и не стал близким и родным. Но Анна не жалуется отцу и матери, которым и своих обид хватает с лихвой. Темнеет, и дочь собирается в обратный путь — вечно хмурый муж не терпит долгого её отсутствия, скоро вернётся скотина — нужно молоко просепарировать. Анна легонько прижимается к родителям, вдыхает такой родной, такой знакомый запах маминых волос, целует самые мягкие на свете ладони и, едва сдерживая внезапно нахлынувшие слёзы, спешит к калитке.

В сумеречном свете уже неторопливо бредёт Анна по длинной улочке, влажное лицо вытирает рукавом у самого дома. И уже закончив все дела за день, долго ворочаясь без сна, она будет благодарить Господа за прожитый день, за встречу с родителями. И станет ждать следующей субботы, чтобы вглядываться в самые родные лица, слушать самые нежные голоса, трогать самые мягкие ладони...

Тётя Лида

В нашем селе была отличная баня, которая работала два дня в неделю: в субботу и в воскресенье. В субботу нас, трёх дочерей-школьниц, мама вела в семь вечера (учились во вторую смену) в эту баню. Село растянулось на шесть километров в длину, по темноте шагали километра три до неё. Порой не успевали и поужинать, баня закрывалась в десять часов.

Семья наша была немаленькая, пятеро детей, а заработки родителей небольшие. Билет в баню стоил 20 копеек, только женской половине каждую неделю требовался целый рубль. Мама получала где-то 60-80 рублей, папа чуть больше, жили, как и большинство, от зарплаты до зарплаты, часто занимая в долг. Так что не каждую субботу мама могла оплатить услуги бани, но походы в неё не отменялись ни при какой погоде в доме и на улице. Мама заводила нас в фойе, мы замедляли шаг у кассы, где восседала тётя Лида, поджидали маму, которая должна была заплатить за вход. Но иногда мама почти проталкивала нас мимо кассы, проходила сама, замыкая шествие, а кассиру на ходу громко сообщала: “Лида, я упала, темно было, копейки рассыпались, потом принесу”. Такие “падения” мамы были нередки, мы испытывали жгучий стыд за её неправду, заявляя, что не будем ходить в баню, когда денег нет, но наступала суббота, и всё повторялось...

Тётя Лида, женщина бездетная и состоятельная, ни разу не упрекнула маму, не заградила нам путь, видимо, прекрасно понимая финансовые и санитарно-гигиенические проблемы семьи. Прошли годы, и мы, те самые три девочки, которых отчаянно смелая мама вела три километра в темноте каждую субботу отмываться, иногда совершенно бесплатно, теперь уже взрослые дамы, собираясь вместе, всегда вспоминаем те походы в баню. И уже не жгучий стыд, а нежность и светлую печаль испытываем при этих воспоминаниях. А ещё неизменно произносим: “Спасибо, тебе, мамочка наша родная, спасибо Вам, тётя Лида, пусть вам обеим земля будет пухом...”.

“Бродяга” того стоил!

Это было в ту “прекрасную” пору, когда телевизоров в селе по пальцам было перечесть, а равнодушных к “величайшему из искусств” почти не было. Вся планета была помешана на индийских фильмах, слава о которых шла по свету, и, конечно же, не могла не дойти до нас. Райцентровский кинотеатр “Октябрь” был единственным очагом культуры в селе. На долгие годы. Селяне просто были привязаны к нему. Но самой помешанной на индийских фильмах, кажется, была моя мама. За неделю до демонстрации фильма по местному радио шла такая реклама, что современная просто и рядом бы не стояла. Голосом почти что Левитана из репродукторов три раза в день жители приглашались на просмотр, фильм шёл всего один вечер, в два сеанса.

Мы жили в целинном селе. Сентябрь, уборочная страда в полном разгаре, мама работала на хлебоприёмном пункте, который в этот период действовал круглосуточно, в три смены. И по известному закону подлости, в тот единственный вечер демонстрации долгожданного “Бродяги” с обворожительным Раджем Капуром в главной роли, мама работала как раз во вторую смену и никак не могла “страдать” вместе с приятельницами за экранных героев. Надо было видеть, как она металась, выбирая между фильмом (не было вероятности, что через года два-три хотя бы повторят показ этого индийского чудо-фильма) и работой, где дисциплина была строжайшей, а тем более в уборочную пору. Это была мучительная борьба между “хочу” и “надо”. Как в шекспировском “Гамлете” судьба поставила вопрос ребром перед мамой — быть или не быть. Быть — решила отчаянная мама, и мы, дети, очень обрадовались её пусть безрассудному, но при этом смелому поступку. За всё надо платить, за недозволенные радости — особенно. Портрет мамы сняли с Доски почёта, её недостойное поведение обсуждалось не раз на общих собраниях, лишили заработанной нелёгким физическим трудом премии. Словом, прошла молодая женщина все жернова той мельницы, которая отлично перемалывает строптивость и неординарность. Весёлая и жизнерадостная наша мама ещё долго ходила с потухшим взором. Вот так поплатилась она за горячую любовь к “Бродяге”. А мы, домашние, совсем не осуждали, а напротив, ласково и беззлобно посмеивались над той любовью к кино, за которую так дорого пришлось заплатить самому родному для нас человеку. Ведь и М.Горький написал: “Безумству храбрых поём мы песню, безумству храбрых поём мы славу!”.

Бейбит АХМЕДИЕВ

Собаки и люди

Бигс

— Я тебе в последний раз говорю. Или я, или твоя псина! Больше терпеть её в своём доме я не собираюсь!

Так категорично заявила Света своему мужу Славе. Французский бульдог по кличке Бигс был ещё молодым псом. Слава купил его на рынке, совсем крошечным щенком. Дружба между ними росла и крепла с каждым днём. Но вот настал тот роковой час, которого Слава ждал с опаской и трепетом уже давно. И гром грянул. Раздражённая Света не внимала никаким уговорам, никаким доводам и аргументам. Ненависть к бедному животному у неё была патологическая. Судьба доброго простодушного Бигса была предрешена.

— Ладно, успокойся. Завтра я увезу его в приют для бездомных собак, — грустно сказал Слава. Реакция жены не на шутку испугала его. Ведь Света ждала ребёнка. И рисковать здоровьем сына Слава не решился. Как не любил он своего Бигса, чаша весов судьбы склонилась не в его пользу. Света замолчала и ушла к себе в комнату. В доме воцарилась тревожная тишина.

Слава подошёл к Бигсу, обнял его за шею и поцеловал в испуганную простодушную мордочку. Пёс замер, наслаждаясь теплом и нежностью, исходящей от любимого человека. Слава встал, достал из холодильника молоко и налил его в мисочку. Пёс, не спеша, вылакал молоко. Слава взял поводок и вместе с любимой собачкой в последний раз вышел на прогулку. На улице уже было темно. Моросил мелкий дождь. Сырой ноябрьский вечер недружелюбно встретил позднюю парочку. Невзирая на позднее время, Слава решил пройти по любимым местам Бигса. Пёс бодро бежал по привычной дорожке. С прогулки вернулись поздно. Света уже спала. Чтобы не беспокоить её, Слава тихо разделся, погладил Бигса по голове и пошёл спать.

Утром он, как обычно, проснулся рано. Света ещё спала. Быстро позавтракав, накормил собаку. Пёс деловито съел положенный завтрак и доверчиво посмотрел на хозяина. Слава отвёл глаза. На душе было муторно. На глаза навернулись слёзы. Слава молча поднял Бигса, прижал его к груди и тихо поцеловал во влажную мордочку. Пёс слабо повиливал обрубком хвоста и так же доверчиво смотрел своему хозяину в глаза. Слава не выдержал этого взгляда, взял его в охапку и быстро вышел из квартиры.

На улице ещё было темно. Люди спешили на работу. Очередной будничный день вступал в свои права. Ночью выпал первый снег. Слава быстро прошёл двор, зашёл в соседнюю подворотню, затем свернул налево и подошёл к своей автостоянке. Люди уже сметали снег со своих машин и прогревали двигатели. Слава подошёл к своему “Фольксвагену”, открыл дверь и завёл двигатель. Бигса он посадил на заднее сиденье. Аккуратно очистив снег с капота и лобового стекла, Слава сел в машину. Пёс спокойно лежал сзади.

Выехав на улицу, Слава растворился в потоке бесконечных автомашин. Мимо пролетали дорогие лимузины, автобусы, грузовики. Слава уверенно вёл свой автомобиль по знакомым улицам. Вот, наконец, поток

автомобилей иссяк — он свернул на более тихие и спокойные улицы. В груди защемило. Слава подъезжал к намеченной цели.

Автомобиль проехал вдоль высокого забора и остановился у больших железных ворот. Рядом тускло горел фонарь. Возле ворот на заборе висел большой плакат. На нём были изображены кошка с собакой. Большой чёрный кот важно вышагивал по плакату. Казалось, что он только что сошёл со страниц знаменитой пушкинской сказки. Рядом на него радостно глядел добродушный пёс, у которого одно ухо было приподнято, а второе свисало набок. Животные весело, с озорством смотрели на всех, кто подъезжал или подходил к приюту. А сверху плаката красовалась яркая надпись: "Агентство "Пёс и кот" — для тех, кто верит и ждёт!".

Приют представлял собой длинное одноэтажное и мрачное здание. Слава заглушил мотор, вышел из машины и направился к зданию. Зайдя во двор, он услышал собачий лай, вернее не лай, а какой-то скулёж и завывание. С тяжёлым сердцем открыл дверь. Шагнув через порог, оказался в длинном коридоре. Насколько он был длинным, разобрать было трудно, так как свет горел только у входа. Слабый огонёк лампочки не достигал глубин этого мрачного коридора, и казалось, что там, в чреве этого мрака, скрывается нечто, о чём не хотелось и думать. Слава остановился у двери с табличкой "Администрация". Что таилось за этим безликим и бездушным названием, он не знал. Собравшись с духом, постучал в дверь. "Войдите", — громко ответили за ней. Слава открыл дверь и шагнул через порог. Комната была небольшая. Слева у стены стоял стол, за которым сидела строгая женщина в очках. Перед ней стоял старенький компьютер, рядом лежали какие-то бумаги и калькулятор. Она подняла голову и молча посмотрела на вошедшего.

— Здравствуйте, — запинаясь, сказал Слава. Женщина кивнула и указала на стул. Слава осторожно сел.

— Я хотел сдать свою собаку в приют, — неуверенно произнёс он.

— Собака породистая или дворняжка? — не отрывая глаз от компьютера, быстро, почти автоматически, спросила она.

— Да, породистая, — виновато ответил Слава.

— Она с вами? — без всяких эмоций продолжала она.

— Да. В машине, — тихо ответил Слава.

— Зачем же вы её сдаёте в приют? Ведь вы же покупали её за деньги? — неумолимо продолжала наседать женщина, зло и презрительно сверкнув глазами из-под очков.

— Так получилось, — краснея, еле слышным голоском ответил Слава.

— Так получилось, получилось! Наберут живых тварей, а потом бросают как не нужный хлам, — уже не сдерживая своего негодования, громким обличительным голосом заговорила женщина. Её глаза, полные гнева и презрения, казалось, засыпали эту комнатку ослепительными искрами.

Женщина была рассержена и даже не смотрела на него. Славе было так стыдно, что он готов был сквозь землю провалиться. Он был морально унижен и раздавлен. Он ясно понимал, что женщина была права. Она нагнулась, открыла дверцу под столом, достала оттуда какую-то бумажку и демонстративно положила её перед Славой.

— Заполните. И учтите, если в течение указанного срока вашу собаку никто не возьмёт, то мы её усыпим.

Закончив фразу, она испытующе посмотрела на Славу, изучая его реакцию на сказанное. Но, убедившись, что всё бесполезно, скривила губы в презрительной усмешке и опустила взгляд. Слава достал ручку и стал молча заполнять. Он внимательно читал вопросы и писал ответы. Наконец он дошёл до графы, о которой только что упомянула эта женщина. Он на минуту заколебался, но менять что-то было уже поздно. Он поставил свою подпись. Закончив, подал листок женщине. Она его внимательно просмотрела и положила на стол.

— Несите свою собаку, — повернув голову в сторону, равнодушно сказала она.

Слава пошёл за Бигсом. На улице уже было светло. Всё небо заволокли серые тучи. Машину слегка присыпало снегом. Слава открыл заднюю дверь и в последний раз посмотрел на бедного Бигса. Пёс дрожал всем телом и доверчиво смотрел на хозяина. Слава взял документы и быстро пошёл в контору. Бигс бежал рядом. Осмотрев собаку и проверив документы, женщина направила их к ветеринару.

Слава с собакой направился в лабораторию. Там сидел мужчина в белом халате. Он был невысокого роста, полноват. Тёмные волосы сохранились лишь на висках и затылке. Небольшие металлические очки сверкали на его маленьком, чуть вздёрнутом носике. Кожа на черепе блестела как бильярдный шар, сделанный из лучшей слоновьей кости. Он внимательно посмотрел на Славу и его питомца.

— К нам пожаловали, гражданин хороший. Это похвально. Некоторые просто выбрасывают на улицу. У вас, я вижу, ещё что-то сохранилось в области чувств.

Циничные, безжалостные слова, как скальпель хладнокровного хирурга, легко и непринуждённо резали его по-живому. Слава был просто уничтожен. Теперь он делал всё чисто механически, как во сне. Очнулся только в машине, когда уже ехал по улицам города. Он даже не мог толком вспомнить, как там всё дальше произошло. Как он оставил свою любимую собаку.

Бигса посадили в железную клетку. Из-за тесноты клетки стояли в два яруса. Со всех сторон Бигса окружали такие же, как и он, собачьи неудачники. Они не знали, не понимали, зачем их посадили в эти клетки. Никто им этого не мог объяснить. Но инстинктивно они чувствовали, что для большинства из них это уже последние дни. Все вели себя по-разному. Одни лаяли. Кто-то бегал по тесной клетке. Некоторые собаки молча лежали, свернувшись в кружок. Время от времени в помещении раздавался протяжный, заунывный вой. Сама атмосфера приюта, тягостная и безысходная, раздавила бы любого оптимиста.

Бигс молча стоял в глубине клетки. В его умных глазах навсегда поселилась печаль. Он понял, что его бросили. И теперь он остался один. Он не знал другого мира кроме того, где он жил в течение этого года. Он ещё не знал, что в мире кроме добра и ласки существуют зло и жестокость. И что они имеют совершенно другую форму и содержание. Что люди и другие живые существа бывают разные. И многие из них могут причинить боль и страдание окружающим. И это будет совершенно естественно для их поведения. Потому что в мире, куда он попал, совершенно другие правила и законы. И они не сулили ему в будущем ничего хорошего. Бигс ещё долго стоял и смотрел в одну точку, как каменное изваяние. Он простоял так до

самой ночи. Наступившая темнота скрыла его от любопытных глаз. Никто не узнал, что делал Бигс этой ночью.

Он не спал всю ночь и был на грани психологического срыва. Животные тоже испытывают сильные душевные потрясения. Бигс, выросший в атмосфере любви и понимания, вдруг оказался в совершенно чуждой и враждебной среде. Он, привыкший с детства, что всё вокруг него понятно и надёжно, вдруг в одночасье оказался один в непонятном и пугающем мире. Эта новая окружающая обстановка его полностью деморализовала и подвела к роковой черте. (Как он сам думал в этот нелёгкий для него час). Но ничто не вечно под луной, в том числе и психологические стрессы. Всё течёт и меняется в этом мире.

Стало светать. В соседних клетках засуетились собаки. Рядом, в соседней клетке справа, лежал большой лохматый пёс. Скорее всего, он был беспородной дворнягой. Пёс с пониманием посмотрел на Бигса:

— Что переживаешь? Ничего, пройдёт. Не ты первый, не ты последний. Здесь жить можно. Кормят два раза в день. Баланда, конечно. Ну и на том спасибо. Я-то всю жизнь на цепи просидел. Можно сказать, ничего и не видел кроме цепи да будки своей дырявой. Бывало, сутками без еды и питья сидел. Хозяева алкашами были, чуть самого меня не сожрали. Да повезло, бог миловал. А когда дом их под снос попал, так и вовсе про меня забыли. Они-то компенсацию за дом получили, пожитки свои забрали и скрылись в неизвестном направлении. А я сидел там несколько дней голодный. А когда строители пришли, так чуть бульдозером не раздавили. Спасибо работягам, вовремя заметили и с цепи спустили. А то валялся бы славный пёс Барбос на свалке и вонял на всю округу.

Бигс внимательно слушал монолог бывалого соклетника. Ему стало стыдно за своё малодушие. Судьба этого Барбоса была куда печальней его, а он не теряет присутствия духа и ещё успокаивает его. Бигс с уважением и участием посмотрел на своего соседа. Глаза Барбоса блестели, сразу видно было, что он хороший и добрый малый.

Немного успокоившись, Бигс посмотрел налево. В этой клетке бегал доберман. Он постоянно был в движении. В промежутках между своей беготнёй он на миг замирал и пристально смотрел на него. Бигс молча следил за ним. Наконец доберман неожиданно остановился:

— Что? Наложил со страху? Подожди, ещё не то увидишь.

И вновь продолжил свой бесконечный марафон.

Бигс с трудом оторвал взгляд от этой собаки и посмотрел прямо. Там, за проходом, в противоположной клетке сидел ещё один пёс. Это был какой-то бойцовый. Сразу трудно было разобрать, кто это был. Скорее всего — помесь. Но всё в нём говорило, что это был настоящий гладиатор. Маленькие уши, короткая гладкая шерсть и гора мускулов. Он пристально смотрел на Бигса, отчего ему стало не по себе.

— Чё, боишься, когда страшно? Щас выпустил бы тебе кишки, да клетка мешает. Да не боись, пошутил я, пошутил.

Неприятный холодок пробежал по спине Бигса. Он опустил свой взгляд и отвернулся. Барбос внимательно посмотрел на него:

— Да понтуется он. Не бери в голову.

Новые впечатления навалились на Бигса. Он сразу забыл о своих ночных горестях. “Вот она — настоящая, сермяжная правда жизни собачьей, её, так сказать, суть и соль”, — подумал взволнованный Бигс.

Вдруг все собаки заволновались. Дверь в помещение открылась, и зашли люди. Здание наполнилось сплошным гулом, лаем, воем одновременно. Бигс был ошарашен этими звуками и помимо своей воли присоединился к этой какофонии. Люди шли по рядам вдоль клеток и разливали что-то жидкое в собачьи миски. Собаки с жадностью поглощали это, ужасно торопясь, будто кто-то очень голодный отберёт у них этот последний завтрак. Очередь дошла и до Бигса. Мужчина машинально налил положенную порцию и прошёл дальше. Бигс медленно подошёл к еде и посмотрел по сторонам. Почти все псы преобразились. Барбоса нельзя было узнать. От его меланхолического равнодушия не осталось и следа. Глаза его заблестели, хвост летал из стороны в сторону. Процессы пищеварения уже забурлили в его объёмном желудке. Все: доберман, бойцовый и другие собаки дружно приступили к еде. Бигс понюхал это пойло и не стал есть.

— Смотри, а этот фраер чистоплюй, — сказал бойцовый. А его сосед по клетке, обычный ободранный, мелкий дворовый пёс-кандэк по кличке "Харчок" ехидно поддакнул:

— Сэмэн, они к таким кушаньям не привычны-с…

— Слышь ты, черномазый, не хочешь жрать, отдай мне пайку, — выкрикнул сосед Сэмэна слева. — Чё выпендриваешься?

Бигс забился в угол и испуганно озирался по сторонам. Барбос тихо прошептал:

— Нехорошо, нехорошо, все кушают, и ты кушай. Нельзя так, общество надо уважать.

Бигс подошёл к миске и стал медленно есть.

Так прошёл первый день из новой жизни Бигса. Он лежал в углу клетки и думал: "Что ждёт впереди? Как сложится дальнейшая судьба?". Эти вопросы не давали ему покоя. Обилие впечатлений и событий этого дня быстро стёрли из памяти образы и факты из прошлой жизни. Немного успокоившись, он начал вспоминать прошлое. Мысленно вновь увидел своего хозяина, квартиру, где жил, свой коврик в прихожей. Эти мелкие детали вновь подняли в его душе то острое чувство обиды, которое угнетало его в первую ночь заточения. И он снова загрустил. Спокойный голос Барбоса вывел его из этого оцепенения:

— Слышь, а как зовут-то тебя, а то вроде соседи, а не знакомы ещё.

— Бигс.

— Ну меня-то ты знаешь, Барбос я. Так вот, Бигс, что хотел сказать-то тебе. Знаешь в чём счастье? Нет? Счастье — это когда есть что пожрать. Дак если костомаха, так чтоб шмат мяса на ней. А если из всяких там остатков с праздничного стола, так чтобы и огрызки колбасы, можно и селёдку, обглоданную с головой. И на гарнир чтоб не жадничали. Макарошки там всякие, картошка тоже ничего. Ну, одним словом, чтоб побольше. Бывало, у хозяев моих гости придут там всякие, именины там или ещё что-нибудь. Так я уже знаю. Сегодня и мне перепадёт. Выйдет хозяин пьяный во двор с гостями, курит сигарету и меня гостям представляет. "Кабздохом" называл. Да я не в обиде. Это он любя. От избытка чувств.

Барбос на минутку замолчал и о чём-то задумался. Может, вспомнил свой родной дом, где когда-то жил, может, ещё что-нибудь. Он молча смотрел в одну точку, и Бигс тоже посмотрел туда. Псы вглядывались в темноту, и ночь незаметно окутала всё вокруг своим невидимым одеялом.

Утро наступило в приюте обыденно, как всегда. Чуть свет псы засуетились в клетках. Все чувствовали, что каждый новый день несёт кому-то избавление, а кому-то чего похуже. Но жизнь брала своё. Сила и природная энергия давали о себе знать. Кто-то, зевая, разминался, вытянув передние лапы вперёд и подняв хвост кверху. Кто-то лаял. Одним словом, кто на что был горазд. Несмотря ни на что, жизнь в приюте шла своим чередом. Харчок бодро бегал по клетке. Он подобострастно посматривал на Сэмэна и повиливал хвостиком. Сэмэн с достоинством сидел посередине клетки и смотрел по сторонам. Судя по всему, он размышлял, чем бы сейчас заняться. Но планам его не суждено было сбыться. Дверь открылась, и в помещение вошли люди.

Собаки безошибочно определили, с какой целью на этот раз пришли их заклятые враги. Никто даже не гавкнул. В помещении воцарилась тревожная тишина. Псы зорко следили за действиями этих людей. Человек подошёл к столику, открыл журнал и что-то там записал. Затем он встал и вместе с напарником направился в сторону Бигса. Собаки заволновались. Подойдя к клетке, в которой бегал Харчок, они остановились. Бигс отчётливо видел людей сзади. В руках у них были какие-то палки с верёвками. Человек слева пристально посмотрел на Харчка и с издёвкой произнёс:

— Что, погань, отбегал своё? Теперь на улице будет чище без тебя.

Харчок не мог спокойно вынести этого взгляда и голоса человека. Повернув голову на людей, согнув и приподняв левую переднюю лапу, выгнул дугой спину, оскалил клыки и зарычал. Шерсть на загривке у него встала дыбом. Он яростно залаял на своих врагов.

— Смотри, сволочь, ещё возмущается. Да тебя на благородный продукт пустят, гнида, а ты ещё недоволен, — сказал второй мужчина.

Харчок злобно зарычал и снова кинулся на своих губителей. Люди с чувством собственного превосходства смотрели на жалкие попытки этой мужественной собачки противостоять неумолимому потоку неизбежной судьбы. Зная, что эта собака добровольно не пойдёт в их руки, они приступили к делу. Оно было для них не в новинку. Так что поимка Харчка была для этих людей делом считанных секунд. Просунув в клетку палку с петлёй, мужчина стал отвлекать внимание собаки. Харчок яростно огрызался и убегал от страшной петли. Но он не мог сразу одновременно уследить за действиями обоих людей. Так что исход схватки был предрешён. Второй человек ловко накинул петлю на шею Харчку, и тот оказался в руках людей.

Петля резко сдавила горло собаке. Харчок закружился как волчок и стал яростно кусать ненавистную верёвку. Но всё уже было напрасно. Он проиграл эту схватку со смертью. Но продолжал бороться до конца, стараясь укусить своих мучителей. Однако люди были опытны, хорошо знали повадки собак и легко избегали этих укусов. Харчок рычал, выпучив глаза, изо рта его капала пена. Он был вне себя от ярости. Человек подхватил его одной рукой за верёвку и на весу понёс к выходу. И тут Харчок сломался. Он перестал рычать и пронзительно завизжал. Его тонкий фальцет пронзил своей предсмертной тоской каждое собачье сердце в приюте.

Как только Харчок зарычал и шерсть на его загривке встала дыбом, Сэмэн сразу вскочил на ноги и подбежал к его клетке. Он пристально следил за всей начинающейся кутерьмой. Но вот Харчок начал отчаянно лаять на своих притеснителей, и Сэмэн стал злобно рычать на них. А когда

дело дошло до поимки Харчка, и его наконец поймали, Сэмэн стал бешено бросаться на сетку и яростно кусать её. В этот момент в помещении начался настоящий кошмар. Собаки стали громко лаять и выть, стараясь помочь своему несчастному собрату. Сэмэн неистовствовал в своей клетке. Он готов был разорвать в клочья этих ненавистных людей. Но всё было напрасно. Его незабвенный друг и товарищ по несчастью Харчок, так сказать, "приказал долго жить".

Бигс в недоумении смотрел на всё происходящее, и внутри него, из глубин генетического подсознания, могучей неудержимой волной возрождалось мощное, всепоглощающее чувство стаи. И он, помимо своей воли, как песчинка, присоединился к этому необъятному океану общей воли и силы, которая сплачивала их далёких предков в могучий и спаянный коллектив — волчью стаю. Это был единый порыв, который всегда заставлял его первобытных предков смело кидаться на любых врагов и побеждать их. Бигс, как и многие другие собаки, яростно рычал и лаял на этих хозяев жизни.

Но вот всё стихло. Дверь закрылась, и последние отзвуки визга Харчка затихли где-то там, за дверью. Сэмэн, упёршись передними лапами в сетку, пристально смотрел на закрытую дверь. В приюте воцарилась гробовая тишина. Напоследок Сэмэн в отчаянии проскулил:

— Харчок. Братуха-паяц.

Он соскочил на пол, немного побегал по клетке, потом, свернувшись в кружок, лёг в углу, и так, без движения, пролежал весь день.

Тягостное, гнетущее чувство пустой безысходности заполнило всё пространство вокруг. Но природа собак такова, что они не могут жить без движения и порыва. Их отважные, беспокойные сердца мощно качали кровь во все уголки их неугомонного организма. Жизнь брала своё.

Бигс, несуразный маленький Бигс хоть на мгновенье почувствовал себя настоящим псом. Его маленькое доброе сердце бешено колотилось в груди. Он, растопырив уши и вытаращив глаза, стоял посреди клетки. И этот день прошёл, оставив в собачьих душах очередную зазубрину. Дальше время в приюте потекло монотонно и неумолимо. Каждый новый день нёс с собой очередную порцию событий, так или иначе перетасовывая это несанкционированное (если так можно выразиться) собачье братство. Незаметно настал черёд Барбоса.

Его вывели из клетки и повели к выходу. Он покорно шёл за человеком. Иногда хотел воспротивиться и вырваться из рук человека, но тот резко тянул его за поводок и уверенно вёл дальше. Собаки заволновались. Они настороженно наблюдали за происходящим. Стали раздаваться голоса из разных клеток. В них слышалось, как собаки осторожно старались поддержать своего несчастного собрата. И вот из разных клеток мощно зазвучали прощальные голоса собак:

— Бос! Помни! Мы не забудем тебя!

— Барбо! Ты останешься в наших сердцах!

— Бос! Выше голову! Держи хвост пистолетом!

— Покажи этим свиньям, кто такой настоящий Барбос!

Бигс молча, с широко раскрытыми глазами смотрел, как уводят из его жизни этого замечательного, доброго пса, который просто и ненавязчиво вдохнул в него новую жизнь, новую веру и надежду. Вот он всё дальше и дальше. Из клетки виден только его пушистый хвост. Барбос навсегда уходил из его жизни. Бигс не мог ничего сказать. Дыханье его

перехватило, и в самый последний момент он тонким, писклявым лаем крикнул ему на прощание:

— Барбос! Не уходи! Пожалуйста!

Уже у входной двери Барбос услышал этот лай и резко остановился.

— Пшли, псина, — грубо сказал человек. — Что стоишь, тварь?

Барбос остановился, повернул голову и протяжно завыл:

— Прощевайте, друзья-товарищи! Не поминайте лихом.

Человек резко дёрнул за поводок, и дверь за Барбосом захлопнулась.

Ну вот, и этот день прошёл. За ним наступил другой. А в приют прибывали всё новые и новые собаки. Старые знакомые Бигса постепенно сходили со сцены невольного собачьего театра, где каждый на свой лад играл одну и ту же роль — трагика с нечеловеческим лицом. Каждое новое утро Бигс с нарастающей тревогой смотрел, как открываются двери и куда на этот раз пойдут эти ужасные люди. И вот однажды, ранним утром, кошмары Бигса, казалось, воплотились наяву. К клетке, в которой он сидел, с метлой в руках, подошёл грозный уборщик дядя Вася:

— Чё? Французский чёрт? Кончился твой курорт. Пора и честь знать. А то раздобрел больно на казённых-то харчах.

Жанна и Николай

Жанна Рут была женщина эффектная, красавица, каких ещё поискать. Она жила без особых проблем. Всё в её жизни складывалось само собой. Ей оставалось только жить и брать от неё всё самое лучшее, что она и делала со всей глубиной своей пылкой и неординарной натуры. Её муж, Николай, был бизнесмен, спортсмен, борец греко-римского стиля, мастер спорта. С детства привыкший к тренировкам и запланированным победам, он и в жизни не отступал от этих правил. Поэтому в жизни, как и в спорте, он умел всё поставить на правильные рельсы и целенаправленно и методично идти к намеченной цели. А потом без суеты и лишней волокиты пожинать плоды своей деятельности. Жена прекрасно это знала и тоже этим пользовалась, отдавая взамен себя. Зная себе цену, она прекрасно понимала, что Николай её любит и не пожалеет ради неё ничего. Они прожили в браке уже восемь лет, но детей у них ещё не было. Жанна не хотела, а Николай особо не настаивал.

Они ехали на роскошной машине по ночному городу с очередной вечеринки. Жанна — на переднем сиденье, а Николай молча вёл автомобиль. Она достала сигарету, закурила, посмотрела в окно и спокойно сказала:

— Знаешь, нам надо завести собаку.

— Зачем? — подняв брови от неожиданности, удивлённо спросил Николай.

— Надо. У Вики персидский кот, а у Люси даже обезьяна. Что я хуже их, что ли?

— Ну ладно, завтра съездим на рынок и купим собаку.

— Нет! Возьмём из приюта.

— А что мы можем найти в приюте? Каких-то бродячих дворняжек? Да там же всякие отбросы.

— Нет! Ты не понимаешь! При чём тут дворняги? Ты знаешь, что даже президент Америки хочет взять собаку из приюта. На базаре собаку может купить каждый. А мы возьмём в приюте. Это же будет нонсенс: “Жанна взяла себе бедную собачку из приюта”.

— Ладно, как скажешь. Возьмём из приюта, — добродушно ответил Николай.

На другой день в приют для собак они приехали рано. Их чёрный лимузин заехал во двор и остановился там же, где несколько дней назад стоял автомобиль Славы. Николай не спешил выходить из машины. Жанна спокойно сидела рядом. Он достал сигарету и закурил. Жанна открыла сумочку и достала косметичку. Открыв её, внимательно посмотрела на себя в зеркало. Потом взяла дорогую французскую помаду и покрасила губы. Ну вот, слава богу, всё нормально, можно идти.

Евдокия Алексеевна сидела у себя в кабинете и, как всегда, разбиралась в бумагах. Глянула в окно и на мгновение в изумлении застыла. К ним во двор въезжала какая-то очень дорогая машина. Она раньше никогда не видела таких. "Кто бы это мог быть?" — этот вопрос, как буравчик, впился в её мозг.

Жанна вопросительно посмотрела на мужа. Он сразу заёрзал на сиденье. Жанна выдержала паузу и невозмутимо спросила:

— Что ты сидишь? Иди. Узнай там всё.

Коля молча направился в офис, подошёл к двери с табличкой "Администрация", постучал в неё и открыл. Евдокия Алексеевна вопросительно посмотрела на вошедшего. Он сразу приступил к делу.

— Здравствуйте. Я бы хотел у вас взять собаку. Хорошую. Нормальную такую. Ну вы, надеюсь, понимаете, о чём я говорю?

— Здравствуйте, — вежливо поприветствовала посетителя Евдокия Алексеевна. При виде такого импозантного мужчины на её лице засияла счастливая заискивающая улыбка. — Но надо уладить кое-какие формальности.

Николай достал бумажник, вынул из неё купюру, молча положил её на стол:

— Надеюсь, всё теперь улажено, — он испытующе посмотрел женщине прямо в глаза.

— Да, но как-то это всё так неожиданно. Я не привыкла к таким вещам, — откинувшись всем корпусом назад, глядя неморгающим взором на Николая, неуверенно произнесла женщина.

— Теперь привыкнете. Где у вас тут эти собаки? — решительно сказал Николай.

— Сейчас. Я только заполню нужные бумаги. Извините, я хотела бы узнать, что именно вас интересует? Какая вам нужна собака? Ведь контингент у нас обширный. И наверняка вы бы не хотели взять собаку с улицы? Они ведь такие грязные и опасные. Я имела в виду в плане общей санитарии, да и укусить могут.

— Ну не знаю. Надо посмотреть. Вообще-то мы об этом не думали. Конечно, нам нужна приличная собака, а не какая-нибудь дворняга. Надеюсь, вы это поняли?

— Да, да, конечно, я поняла. Пожалуйста, пройдёмте, я вам покажу наших милых собачек.

Женщина быстро встала, надела пальто и подошла к двери. Николай достал сотовый телефон и позвонил жене:

— Жанна, я договорился, уже идём смотреть. Выходи.

Выйдя из конторы, Николай и Евдокия Алексеевна направились к помещению, где содержались собаки. Жанна присоединилась к ним.

Женщины сдержанно поздоровались. Евдокия Алексеевна искоса, чтобы не привлечь лишнего внимания, с жадностью рассматривала Жанну. Разглядывая её, она уже мысленно подвергла её самому жестокому и беспощадному разносу. Всё: одежда, манеры, внешний облик вызывали в ней приступы ярости и безумной агрессии. Жанну это нисколько не смущало. Она прекрасно знала, что эта женщина её тайком разглядывает, и поэтому делала всё возможное, чтобы произвести на неё ещё больший эффект.

У входа в питомник уже стояли рабочие, готовые сопроводить дорогих гостей и показать им товар лицом. Судя по их облику, они не чурались дружбы с "зелёным змием", так как их лица были яркими свидетелями оной трогательной привязанности. Один из них с нарочитой вежливостью распахнул дверь. Николай, брезгливо глянув на него, прошёл первым.

Оказавшись в помещении, Жанна и Николай сразу почувствовали неприятный резкий запах, который характерен для мест, где содержатся собаки. Николай не показал виду. А Жанна сразу достала носовой платок и закрыла им нос. Неприятный запах, бегающие по клеткам животные, громкий лай и завывание — всё это одновременно навалилось на утончённую нервную систему этой женщины. Она шла между рядами с клетками и почти не смотрела на тех, кто сидел в них. Всё это было так неприятно, неэстетично. В глубине души она уже горько сожалела, что придумала эту затею, но отступать было поздно. Она глянула в ближайшую клетку и увидела странную чёрную собачку с коротким хвостом. Собачка пристально смотрела на неё умными и грустными глазами. Жанна, не останавливаясь, прошла дальше, затем резко развернулась и пошла прочь, не обращая внимания ни на кого. Николай еле поспевал за ней. Выйдя из приюта, Жанна жадно вдохнула ртом свежий зимний воздух. Следом вышли Николай и Евдокия Алексеевна. Они остановились возле неё.

— Я же говорил, здесь мы ничего не найдём. Тут же всякий сброд, отбросы общества. Всякие дворняги с помойки, — с темпераментом заговорил Николай.

— Ну почему же. У нас есть и породистые собаки. Вот вы же остановились возле клетки с чёрной собакой. Это французский бульдог. У нас и документы есть с родословной. Если хотите, я могу показать, — с обидой сказала Евдокия Алексеевна.

Жанне надоели эти дурацкие разговоры. Она молча развернулась и направилась к машине. Николай кивнул Евдокии Алексеевне и поспешил за уходящей женой. "Тоже мне, королева нашлась", — прошипела вслед уходящим Алексеевна.

Жанна твёрдой, решительной походкой шла к машине. По этому шагу и размаху рук Николай безошибочно определил, что лучше к ней сейчас не соваться. В такие минуты Жанна могла разделаться с каждым, кто по неосторожности попадался ей на пути. Не испытывая судьбу, Николай молча сел за руль и поехал домой. Жанна сидела рядом, не проронив ни слова. Дома, закрывшись в ванной, она никого не желала видеть. Николай весь вечер проторчал у телевизора один.

Евдокия Алексеевна сидела в кабинете и проверяла отчёт за квартал. Зашёл Виталя, рабочий:

— Алексеевна, новых привезли. Клеток не хватает. Куда я их буду девать? В пятой, девятой, тринадцатой, семнадцатой сегодня всё равно последний день. Какая разница: вечером или утром? Всё одно нам делать.

Евдокия Алексеевна открыла журнал, где регистрировался день прибытия и убытия собак, и внимательно просмотрела его. Да, действительно, в названных клетках срок содержания уже истёк. Она посчитала количество прибывших и задумалась. Ей и раньше приходилось поступать так же. Но всё это её сильно раздражало и действовало на нервы. Она на миг заколебалась, потом снова просмотрела. "Мышкой" вела по списку и отмечала названные клетки. Вот стрелка остановился у цифры тринадцать. В графе "порода" прочитала: "Французский бульдог", далее кличка:"Бигс". Она подняла голову и посмотрела в окно. Что-то ей не давало покоя.

— Ладно, только в тринадцатой оставьте. Завтра будет видно.

Виталя ловко повернулся на каблуках и закрыл за собой дверь.

На другой день ранним утром у клетки Бигса стояли люди и с любопытством смотрели на эту странную собачку. Что такого в ней могла найти Алексеевна? И почему она до сих пор держит её здесь?

— Чё, псина? Не пришёл твой хозяин? А отсюда одна дорога. Скоро сам узнаешь куда, — ухмыляясь, ехидно говорил молодой парень, внимательно рассматривая пса.

Бигс забился в дальний угол клетки и с обидой и укором в глазах смотрел на людей. Казалось, он понимал, о чём говорили они.

— Смотри. Ведь всё же понимает, зараза. Только сказать не может, — сказал второй мужчина, постарше.

— Да отговорился уже. Кирдык к нему сегодня подкрался незаметно, — закончил эту дискуссию третий, угрюмый долговязый тип.

Люди ещё немного постояли у клетки и вскоре разошлись по своим делам. Бигс был внешне спокоен, но внутренне опустошён. Страх и ожидание неизвестного своей костлявой хваткой вцепились в него и не давали свободно дышать. Тесная клетка давила на него со всех сторон.

Николай по привычке встал рано. Он уже пробежался по улице, сделал зарядку и сидел на кухне, читая свежую газету, когда туда вошла Жанна. Он не знал, какое у неё настроение, и поэтому принял выжидательную позицию. Но жена вошла спокойная и улыбчивая. Она подошла к мужу сзади и обняла его за шею. Николай не ожидал такого поворота и расплылся в блаженной улыбке.

— Что читаем? Политику?

— Ну да. Опять баррель подорожал. Фьючерсы подскочили.

— Фьючерсы-мьючерсы. Дуралей. Что будем сегодня на завтрак?

— Чай с бутербродом. А что?

— Ни-че-го! С бутербродом, так с бутербродом!

Было видно, что Жанна в превосходном настроении. Николай был на пике блаженства. Такой он её уже давно не видел и портить этого впечатления никак не хотел. Жанна села за стол и весело посмотрела по сторонам. Её изнутри наполняло то необыкновенное чувство радости, которое приходит к человеку после каких-то глубоких переживаний и волнений и которое древние философы назвали красивым словом — катарсис. Она взяла чашку с чаем и отпила глоток. Ещё немного помолчав, спокойно сказала мужу:

— Поезжай в приют и возьми ту собаку, которую мы вчера видели.

— Ладно.

— Мне кажется, надо поторопиться.

Николай молча встал и отправился в приют.

Он был несуеверным и твёрдо знал, что всё в жизни зависит только от самого человека. От его воли, трудолюбия и веры в свои силы. Занятия спортом воспитали в нём целеустремлённость и настойчивость в достижении задуманного. Но где-то в отдалённых уголках его могучего и здорового сердца, может быть, даже в тайне от него самого, иногда и были какие-то неуловимые смутные чувства. Но он всегда гнал их от себя прочь. Николай подъезжал к приюту, и что-то тревожное зашевелилось у него в груди. Он никогда не испытывал особой привязанности или каких-то тёплых чувств к животным, но вся эта история с собаками что-то задела в его душе.

Николай заглушил двигатель, вышел из машины и пошёл в контору. Постучал в знакомую дверь, но она оказалась закрытой. Он вышел на улицу и направился к павильону, где содержались собаки. Там возле двери стоял рабочий. Николай спросил:

— Дружище, вчера мы были здесь. Договорились с твоей директрисой насчёт собаки. Так вот. Хочу забрать псинку. Ты давай там, сорганизуй её.

— А Алексеевны нет. С отчётом уехала. Сегодня не будет, — ответил субъект.

— Мужик! Я тебе русским языком говорю. Все формальности уже утрясены. Твоя задача: зайти в бокс, взять собаку и принести её мне. Понятно? Сделаешь всё быстро и красиво — получишь на пиво! Ну? Чё стоим? — уже начиная раздражаться, резким тоном заговорил Николай.

— Так я ничего. А какую собаку? Там их полно, — вытянувшись по струнке, заискивающе ответил мужчина.

— Да эту, чёрную такую, маленькую. Как там её? Французский бульдог!

— Не вопрос. Щас гляну.

Мужчина зашёл в помещение и закрыл за собой дверь. Николай достал сигарету и закурил. Через некоторое время мужчина вышел и как-то уныло-обыденно произнёс:

— А этой собаки нет. Убрали уже.

— Как убрали? Вчера же сидела там.

— Срок кончился, вот и убрали.

Николай не ожидал такого расклада. Что ж теперь он скажет Жанне? Без собаки домой — никак нельзя. Огорчать и расстраивать жену он не хотел. Тем более, в каком она была сегодня настроении. Да-а! Портить такое чудесное утро. Из-за какой-то собаки. Чёрт бы её побрал! Да кто он после этого, если не сможет её найти?

— Слушай. А где она?

— А пёс его знает. Одно знаю точно — здесь её нет, — с глупо-лукавым выражением на лице ответил этот подозрительный тип.

— Ты не придуривайся. Ты же здесь работаешь и знаешь — куда их сплавляют. Давай, шевели мозгами. Может, ещё успеем её найти. Поможешь — не обижу. Я слово держу, — строго проговорил Николай.

— Щас. Спрошу у мужиков. Только, сам понимаешь, надо смазать, — ответил мужик с хитрым выражением глаз.

Николай достал бумажник и сунул мужику сотку.

— Давай, шевели копытами, мздоимец, — строго сказал Николай.

Мужик с глупой заискивающей улыбкой на лице пошёл куда-то на задний двор. Николай немного постоял, покурил. Потом открыл дверь и зашёл в помещение, где только что был этот мужчина. Быстро прошёл между клетками и остановился там, где ещё вчера была эта чёрная собака. Но

в клетке бегала какая-то дворняжка. Николай посмотрел по сторонам, но нигде этой собаки не было. “Проклятье! И что стоило мне забрать её вчера! Чёртова псина!” — подумал Николай.

Он посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать. “Да, — тихо прошептал Николай. — Видно, припозднился я со своей благородной миссией. И не гулять мне теперь с собачкой на поводке по нашему скверику”. Он снова достал сигарету и закурил. Наконец, злополучный мужик появился. Глядя на него, любой безошибочно мог определить, что человек уже изрядно принял на грудь. Он шёл торопливой походкой. По всему было видно, что ему не терпелось сообщить Николаю что-то очень важное. Подойдя ближе, он подозрительно посмотрел по сторонам и тихо прошептал:

— Вроде есть зацепка. Есть тут у нас один деятель, Василий. Так мужики говорят, что он её забрал. Зачем? А пёс его знает. Да он их перепродаёт. Кому так, а которых и в ресторан, на экзотику.

Выпалив всё одним махом, он тяжело задышал. По всему было видно, что он действительно сильно спешил и поэтому задыхался.

— А где этот Василий?

— Да там. Пойдём, покажу. Слушай, мил человек, выручай, малость не хватило. Дай ещё сотку. Ну, сам понимаешь. Люди просят.

— Покажешь этого деятеля и собаку — получишь две. А нет — так и суда нет.

Мужик засеменил впереди. Теперь его как будто подменили. Несмотря на свою странную походку, он шёл довольно быстро. Николай прибавил шагу, чтобы не отстать от него. Они подошли к высокому бетонному забору, ограждавшему территорию приюта, и остановились. Мужик повернулся и внимательно посмотрел по сторонам. К забору был прислонён обломок плиты. Мужик навалился на него и ловко сдвинул с места. Нагнулся и быстро пролез в дыру.

— Чё стоишь? Давай быстрей! — поторопил мужик.

Николай согнулся и тоже пролез в это отверстие. Мужик, просунув в лаз руку, быстро сдвинул плиту на место.

— Однако конспирация у вас тут, как я погляжу, — с сарказмом произнёс Николай.

Мужик молча повёл его дальше. Огромные корпуса с разбитыми и закопчёнными окнами, какие-то железобетонные плиты, сложенные штабелями, напоминали редкому прохожему о былом времени, когда здесь кипела бурная деятельность и люди трудились на благо своего могущественного отечества. Но неумолимое время всё расставило по-своему. И теперь лишь ветер и одинокий сторож нарушали покой этих корпусов и пустых площадок. Казалось, что время здесь остановилось в безоблачном прошлом, и ни что не в силах вдохнуть новую жизнь в эти корпуса старого завода.

Подошли к зданию, сложенному из больших бетонных плит. Мужчина остановился у железной двери. Ударив одним ботинком о другой и потопав по земле, он старательно стряхнул с обуви снег и открыл дверь. Николай вслед за ним вошёл в пустой цех. Оказавшись внутри, он с интересом посмотрел по сторонам. Чёрные закопчённые стены, какие-то конструкции из арматуры и уголка загромождали всё вокруг. В углу у большого заляпанного окна, из которого с трудом пробивался свет, сидели несколько мужчин. Мужик остановился возле стола и сказал:

— Вот он. Собаку свою ищет.

Люди молча сидели за столом и внимательно смотрели на пришедших. Стол был завален всяким хламом: какие-то детали, оборванные провода, гайки, инструменты. И лишь у края, где сидели мужчины, был небольшой чистый уголок. Там аккуратно был расстелен клочок газеты. На нём лежали кусочки хлеба, головка чеснока, хвост селёдки, стоял гранёный стакан, возле которого старая консервная банка из-под кильки, доверху забитая окурками.

Все молчали. Пауза как-то странно затянулась. Николай уже успел всех внимательно рассмотреть. Сомнений у него никаких не возникало. Не желая упускать стратегическую инициативу, он начал первым.

— Чё, мужики? Какие проблемы? Решаем вопрос — будет консенсус, — уверенно заговорил он.

— Дак и я говорю, Василь Игнатич, вот человек собаку свою ищет. Может, поможем товарищу? — часто моргая глазами, с глупой ухмылкой на лице проговорил мужик.

— Может, и поможем, — ответил коренастый пожилой мужчина, сидевший в центре. По всей видимости, это и был тот самый Василь Игнатич.

— Собачек тебе захотелось? А что здесь-то ищешь? На базаре мало их, что ли? — резким и дерзким тоном торопливо проговорил белокурый молодой мужчина, сидевший в углу. Судя по внешности, он пользовался успехом у женщин. На вид ему было не больше тридцати. Тонкий прямой нос его завершали нервные ноздри, которые всё время дрожали, когда он говорил. Пронзительные голубые глаза недобро смотрели из-под прямых тонких бровей. Губы плотно сжались в узкую линию на утончённом лице, когда он закончил свою речь.

— Значит мало, — глухо произнёс Николай.

— Ну так и покупай у нас. Мы цены не ломим. Всё по-людски, — продолжал наседать наглый парень.

— Сколько? — оценивающе глядя на него, спросил Николай.

— А сколько не жалко? — сам того не ожидая, резко выкрикнул парень и, скорее всего, сам удивился и застыдился своей нескромной дерзости. Но эта мимолётная слабость быстро прошла, и он вновь вошёл в своё привычное русло.

— Так, мужики, давай конкретно, — недовольно проговорил Николай.

— А чё, ты сам посуди. На базаре за сколько такую возьмёшь? Сечёшь? А тут мы задаром. По доброте душевной. Так что не обессудь. “Штукарь” с тебя, — смакуя каждое слово и постоянно жестикулируя руками и пальцами, закончил торг красивый парень.

Он ясно видел, что перед ним человек не из их круга. И что деньги, причём немалые, у него в кармане всегда есть. Николай молча смотрел на них. В его душе закипала буря. Но он вовремя себя остановил. В этой обстановке неосторожным словом или действием можно было всё только испортить. Он вновь вспомнил, о чём его просила Жанна, и сразу успокоился. Эта сумма всё равно ничего не значит.

— А где собака?

— А как говорится, “... утром деньги, вечером стулья...” — чувствуя, что “рыба уже на крючке”, уверенно и развязно произнёс последнюю

фразу молодой мужчина, обнажив в наглом оскале ряд белоснежных, как жемчуг, зубов.

Николай достал бумажник, отсчитал деньги и положил их на стол.

— Гендос, тащи собаку, — едва сдерживая чувство буйной радости, крикнул парень в углу.

Мужик, который всё это время выполнял роль парламентёра, быстро скрылся в какую-то дверь и вскоре появился вновь. За собой на верёвке он тащил собачку.

— Вот и нашёлся твой хозяин, пёсик. А ты боялась, дурочка, — ухмыляясь и с притворной вежливостью говорил он.

Мужики с удовольствием переглядывались между собой. Самодовольные улыбки блуждали на их лицах. Николай исподлобья с нескрываемой злобой наблюдал за этой вакханалией низменных чувств. Видя довольные ухмылки, он с нескрываемым презрением и угрозой посмотрел на них. Мужики сразу успокоились. Злополучный Гендос снова засуетился перед ним:

— Начальник, не боись, доставим псину до машины. У нас же сервис! — смастерив на своей физиономии кривую усмешку, глумливо проговорил мужик и взял собаку в руки.

Мужики весело захохотали.

— Гендос! Держи марку! — зазвучали довольные голоса вслед уходящим.

Пройдя знакомой дорогой, они подошли к машине Николая. Он молча открыл дверь, и Гендос положил собаку на сиденье. Николай грубо схватил мужика за ворот куртки, притянул ближе к себе и глянул прямо ему в глаза:

— Ну чё, мужик, настучать тебе по твоей пустой бестолковке или так отпустить?

Но Гендос спокойно смотрел на него. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Его стальные серые глаза прямо смотрели на Николая. Это сразу смутило его. Необыкновенный ум и несгибаемая сила духа таились в глубине этих глаз. Николай отпустил мужика. Игра в крутого парня здесь была просто ни к месту. Открыв дверь, он сел в машину и завёл двигатель.

— Наше почтение вашей супруге, — на прощание сказал Гендос и пошёл к своим.

Николай достал сигарету и закурил. Он сильно переволновался. Разборки с этими типами порядком подпортили ему кровь. Неприятный осадок остался у него в душе. Он ещё раз сильно затянулся и повернулся назад. За всё это время он ещё ни разу толком не посмотрел на собачку. Теперь, когда немного успокоился, можно было и посмотреть: за что же он так страстно боролся? Там, на заднем сиденье, скорчившись, сидел маленький чёрный пёс. Его тёмные пронзительные глазки внимательно смотрели на него. Пёс казался каким-то запуганным и замызганным. Николаю на миг стало жаль эту маленькую чёрную собачку:

— Не дрейфь! Когда с тобой бывший боцман Балтийского флота! Теперь эти упыри-вурдалаки тебя не тронут. Пусть только сунутся.

Николай докурил сигарету, достал телефон и позвонил жене:

— Жан. Собаку взял. Сейчас приеду. Что? Заехать к ветеринару? Зачем? А что проверять? Вроде здоровая. Инфекция? Какая инфекция? Да нет у неё никакой инфекции. Ну ладно, заеду. Уговорила. Что-о!? Помыть?!

Кого? Собаку? Где я её буду мыть? Блохи? Какие блохи? Нет у неё никаких блох. Ну ладно, помою и проверю.

Николай положил телефон в карман и тяжело вздохнул.

— Ну чё, собака? Поехали, что ли?

Не прошло и двадцати минут, как Николай остановился у знакомой клиники. Выйдя из машины, он посмотрел на заднее сиденье. Пёс сидел тихо. Николай пригрозил ему пальцем и негромко сказал:

— Сидеть! Я щас.

Уверенной походкой он направился в клинику. Здесь работал его знакомый доктор, Виктор Павлович. Николай давно знал Палыча, и поэтому шёл без всяких предупреждений.

— Здорово, братан! Как там твои хомячки и свинки? Не сдохли ещё?

— Нет ещё, не сдохли. Сколько раз тебе говорить? У меня нет никаких хомячков и свинок. Грызунов, которых ты видел в прошлый раз, принесли клиенты. Неужели трудно понять?

Николай спокойно смотрел на доктора и улыбался. Он любил иногда подшучивать над ним. Виктор Павлович злился на его выходки, но быстро отходил. Немного успокоившись, он более примирительно проговорил:

— Не обижайся, конечно, но шутки у тебя какие-то плоские.

— А вот такой я. Палыч, слушай, дело не терпит отлагательств. Жанна просила.

— Раз такое дело, выкладывай. Ты ведь знаешь, для Жанны Эдуардовны я хоть к чёрту в преисподнюю.

— Ну-ну, Палыч, не так страстно. Дело обыденное, житейское. Обойдёмся без чертей.

Николай развалился в кресле и посмотрел по сторонам. В кабинете было всё так же: чисто, стерильно, полочки с препаратами, какие-то медицинские приборы, назначения которых он не знал. Виктор Павлович сел в своё кресло и собрал бумаги, лежавшие на столе. Он втайне завидовал Николаю и страстно любил его жену, но всё это умело скрывал.

— Палыч, собаку взял, надо проверить. В приюте. Французский бульдог, но сам понимаешь, в приюте всякого мог нахвататься.

— Собака с тобой?

— Да, в машине.

— Ладно, неси, обследуем.

Николай встал и пошёл за собакой. Не прошло и пяти минут, как он вернулся, неся Бигса на руках. Пёс спокойно лежал на руках и внимательно рассматривал всё вокруг. Виктор Павлович взял собаку и положил её на смотровой стол. Бигс безропотно лежал на весах и, повернув голову, настороженно смотрел за действиями доктора. Наконец, осмотр закончился, и Виктор Павлович помыл руки.

— Ничего страшного нет. Собака ухоженная. По документам все прививки поставлены. Есть небольшие мелочи, но я всё написал в рецепте. Препараты купишь в аптеке.

— Ну, Палыч, с меня причитается.

— Да ладно, без проблем.

— Нет. Такое дело я не могу пустить на самотёк.

— И что ты предлагаешь?

— Поехали в сауну.

— Почему именно в сауну?

— Обмоем мою собаку.

— Ладно, поехали. Только немного подождём, я закончу кое-какие дела.

Николай, не теряя времени даром, стал кому-то названивать:

— Кеша, ты не забыл? Я всё помню. Слушай, приготовь там люкс, сейчас приедем. Сугубо мужская компания.

Виктор Павлович сложил свои бумаги, открыл шкаф, повесил халат, взял куртку с кепкой и посмотрел на стол:

— Так. Кажется, всё. Я готов.

— Тогда пошли. А то сауна перегреется.

Николай взял под мышку собаку и вышел из кабинета.

К сауне подъехали уже в полной темноте. Когда вышли из машины, Виктор Павлович поинтересовался:

— А собаку оставим здесь?

— Зачем? Её же мыть будем.

— Что, прямо сейчас? Зима ведь.

— Я же сказал: “Обмоем мою собаку”.

— Да-а. С тобой не соскучишься.

— Пойми меня правильно, это не моя прихоть. Жанна просила.

Виктор Павлович больше не стал ничего спрашивать. Николай открыл заднюю дверь и негромко сказал:

— Пошли, собака, мыться будем.

Бигс внимательно посмотрел на хозяина и выпрыгнул из машины.

В сауне вошедших встретил знакомый банщик и провёл их в заказанный люкс. Запах древесины и каких-то восточных благовоний сразу ударил Бигсу в нос. Он даже чуть не чихнул. Вся эта обстановка, незнакомые чуждые запахи его сильно раздражали. Он был в недоумении. События последних дней преподносили ему всё новые и новые неожиданности, от которых он сильно утомился. Но инстинктивно тянулся к этому большому и сильному человеку. В этом мире он был одинок. И жизни без близкого и надёжного друга не представлял.

Из парилки пахло хвойным лесом. Сначала выкупали Бигса и завернули в большое махровое полотенце. Спелёнатый, как младенец, он лежал на деревянной скамейке, пока мужчины парились и купались в бассейне. Потом они сели за стол.

Принесли пива и шашлыки. Николай положил на тарелочку несколько кусочков мяса и поставил перед Бигсом:

— Жри, пёс, я не жадный. Если будешь паинька, то дядя Коля тебя не обидит.

Бигс недоверчиво обнюхал мясо. Запах уксуса и других специй резко ударил ему в нос. Но он был голоден. И никогда не спутал бы этот аромат благоухающего мяса ни с чем другим на свете. Не спеша он стал есть.

Когда Николай отъехал от сауны, было уже поздно. Он отвёз домой Виктора Павловича и теперь ехал один по ночному городу. Бигс лежал на заднем сиденье. Все эти невесёлые события последних дней, сильнейшие нервные потрясения, купание в сауне так его изнурили, что он, совершенно убитый, крепко спал в тёплом уюте японского лимузина. Вдруг на одной из улиц Николай увидел целый ряд цветочных ларьков. За стеклянными витринами красовались белоснежные хризантемы, прекрасные фиалки, красные гвоздики, нежные розы... Великолепный цветочный

карнавал сразу привлёк внимание Николая. Он свернул с дороги и остановился возле ларьков. Женщины, сразу заметив состоятельного клиента, ринулись к нему. Николай сначала растерялся, но потом быстро сориентировался. Выбрав в толпе симпатичную девушку, он пошёл с ней в её ларёк. Девушка стала предлагать ему разные цветы, нахваливая их красоту и прочие достоинства. Рекламируя свой товар, она деликатно поинтересовалась, кому и для какой цели нужны ему цветы? Николай некоторое время стоял в нерешительности, а потом объяснил:

— Понимаете, я тут приобрёл собачку, в подарок супруге, да немного задержался. И вот хочу сделать жене приятное, то есть загладить свою вину. Ну как бы вам объяснить? Оформить, что ли, этот подарок.

Девушка посмотрела на него и на минутку задумалась. Тут из соседних ларьков зашли любопытные продавщицы. Николай обратился к ним:

— Девчонки, вот прошу вашу подругу оформить мне подарок, а она не решается.

— Светка, ты дура, что ли? Не хочешь, давай я оформлю, — предложила одна из девчат.

Светка, с трудом подавив смех, сказала, что цветами надо оформить собаку. Девушки остолбенели. Одна из них спросила:

— А какая у вас собака? Можно посмотреть?

— Без проблем. Она в машине.

Все вышли из ларька и прошли к лимузину. Николай открыл заднюю дверь. Девушки посмотрели на собаку. Они прекрасно понимали, что перед ними очень богатый клиент, и потерять его было бы глупо. Но вся загвоздка заключалась в том: как оформить? Но, как назло, ничего не приходило на ум. И тут одна из девушек воскликнула:

— Придумала! Есть вариант, но дорого стоит. Если заплатите, сделаю.

— Не вопрос, красавица, выкладывай.

Та быстро кинулась в свой ларёк и торжественно вынесла оттуда красивую плетёную корзину.

— Вот! То что надо! Положим собаку в корзину и оформим цветами.

И девушка с твёрдой решимостью приступила к делу. Постелив на дно корзины полотенце, она стала подбирать цветы к будущей композиции. По мере того как работа продвигалась вперёд, лица окружающих светлели. Девчонки невольно стали помогать своей подружке, и работа пошла быстрей. Некоторые из них сбегали к себе в ларьки и принесли недостающие по окраске цветы. Когда всё было готово, они уже с восхищением смотрели на произведение своих рук. Николай с нескрываемым удивлением наблюдал за действиями девушек. Они испытующе посмотрели на него:

— Всё готово. Можете укладывать сюда своего волкодава.

— Девчонки! Какой же он волкодав! Простой бульдог.

— Какая разница, волкодав или бульдог. Теперь он как принц поедет домой. Весь в цветах, как влюблённый! Не забудьте там ему принцессу приготовить!

— Спасибо, девчонки! Выручили!

Николай тихо, чтобы не разбудить пса, положил его на дно корзины. Бигс, ничего не понимая, мутным, затуманенным взором посмотрел вокруг и вновь погрузился в свой сон. Николай ещё раз поблагодарил девушек и рассчитался с ними. Было уже без четверти двенадцать. Хотел позвонить жене, но потом передумал. “Пусть будет сюрприз”, — решил он.

Машина быстро неслась по ночному городу. В свете уличных фонарей город совершенно изменил свой облик. То, что днём казалось таким блёклым и бесцветным, в ярком свете иллюминаций, реклам, ночного освещения приняло какой-то волшебный, фантастический вид. Николай ехал, и необъяснимое чувство радости и удовлетворённости жизнью наполняло его изнутри.

Но вот и дом. Николай заглушил двигатель, повернул голову и посмотрел назад. Там было тихо. Он прислушался и различил еле уловимый храп. Пёс крепко спал. Николай улыбнулся и вышел из машины. Открыв заднюю дверь, он осторожно взял корзину и вытащил её наружу. Подойдя к своей квартире, он позвонил. Вскоре послышались торопливые шаги, и дверь открылась. На пороге стояла Жанна. Она с удивлением смотрела на мужа. Николай молчал, и лицо его расплывалось в блаженной улыбке. Жанна посмотрела на корзину и улыбнулась. Николай часто дарил ей цветы.

— А где собака?

— Вот, — и Николай протянул ей корзину с цветами.

Жанна ещё больше удивилась и подошла поближе. Да, несомненно, это был великолепный букет. Белые, розовые, жёлтые хризантемы красиво обрамляли корзину со всех сторон. Нежные розы, таких же спокойных тонов, прекрасно вписывались в общую картину, добавляя изящества великолепному ансамблю. Она приблизилась к цветам и хотела уже вдохнуть их аромат, как вдруг резко отпрянула назад и вскрикнула. Из глубины корзины на неё смотрели два чёрненьких пронзительных глаза. Жанна перевела дух и посмотрела на мужа. Глаза её заблестели, заискрились какими-то яркими ослепительными лучами. Она улыбнулась и, соединив ладони вместе, прижала их к груди. Николай, с довольной улыбкой на лице, понял, что затея его удалась.

Утром Бигс спокойно сидел на кухне. Он уже успел осмотреть своё новоё жильё. Комнат здесь было больше. Они были просторней и богаче обставлены, чем у прежних его хозяев. Вскоре появился хозяин и весело подмигнул ему:

— Привет, собака! Осмотрел свою новую жилплощадь? Нравится? Теперь ты в этой квартире полноправный хозяин. Сейчас придёт твоя новая хозяйка, и ты с ней поближе познакомишься. Она хоть женщина строгая, но не злая. Я думаю, вы станете друзьями.

Бигс внимательно смотрел, как говорил этот человек, и мысленно сопоставлял его с теми, кого видел в приюте. Чувствовал, что этот человек не сделает ему ничего плохого. Мужчина прошёл в комнату и стал чем-то там заниматься. Вскоре в комнату вошла женщина, которую мельком он видел ночью. Она посмотрела на Бигса и обратилась к мужу:

— А как его мы назовём?

Николай приподнял брови, скривил губы и неуверенно сказал:

— Можно Рексом или Шариком.

Жанна укоризненно посмотрела на мужа как на неразумного ребёнка:

— Я всегда думала, почему родители назвали тебя Колей? А теперь начинаю понимать. “Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй...”. У тебя нет никакого воображения. Ладно. Опять придётся делать всё самой. Может, его назвать Микки или Томом?

— Жан, но ведь это мышиные и кошачьи клички.

— Ну тогда я его назову Савраска. Это по-народному и стильно.

— Жанна, это же что-то лошадиное.

— Ну и пусть. Зато мне нравится.

— Ладно, как хочешь. Пусть будет Савраска.

— Завтра же поеду к своему портному и закажу ему что-нибудь приличное. Не будет же он ходить в таком виде.

Она ещё раз внимательно осмотрела собаку и уверенно заявила:

— Да. Только сначала зайдём к стилисту.

Бигс смущённо косился на эту женщину. Он чувствовал, что за её привлекательной и хрупкой внешностью скрывалось существо с сильной волей и властным характером. Он безропотно подчинился ей. Николай подошёл к псу, присел на корточки и, погладив его по голове, весело сказал:

— Савраска, кончилась твоя бродячая жизнь. Теперь, можно сказать, ты выбился в люди. Завтра тётя Жанна поведёт тебя по модным салонам, и ты станешь другим человеком. Тьфу, псом. И твои бродяги-кореша с помоек тебя не узнают. Завидовать будут тебе.

На другой день Жанна привезла Бигса, ставшего Савраской, к своему портному — элегантному мужчине лет пятидесяти, в прекрасном сером костюме.

— Лев Натанович, здравствуйте, дорогой. Я к вам.

— Милости просим, милая Жанна. Рады вас видеть. Что-то давненько не захаживали к нам. Да вы, я вижу, не одна, а с новым кавалером! Какой красавец!

— Это Савраска.

— Савраска?! Впервые слышу такую странную собачью кличку. Если мне не изменяет память, раньше, как известно, так называли лошадей. Ну да бог с ним. Сейчас лошадей нет, можно и собак так кликать. Итак, с чем пожаловали, милая красавица?

— Понимаете, дорогой дядя Лёва, мне нужно одеть этого паренька. Чтоб он был во всём блеске и шике. Вам, я надеюсь, объяснять не надо.

— Понимаю, Жанночка. А как мы его оденем? Во всё строгое или есть другие варианты?

— Ну… Думаю, бежевый смокинг ему не помешает.

Лев Натанович с помощью Жанны быстро снял необходимые мерки.

Одной из причин, побудивших Жанну приобрести собаку, было стремление попасть в закрытый элитный клуб любителей природы под названием: “Мы и братья наши меньшие”. Стать членом этого клуба было очень престижно, но и сложно. Членство в клубе предполагало солидные расходы. Нужно было приобрести какое-нибудь экзотическое животное, птицу, пресмыкающееся и т. п., которые сами по себе стоили немалых денег. Затем внушительный вступительный взнос. Кроме этого было много и других расходов. Поэтому простой статистический гражданин не в силах был преодолеть этот барьер. Да и навряд ли бы он захотел тратить свои кровные на всякую ерунду (по его мнению).

Второе. Жанна не из скупости взяла собаку из приюта. На это у неё были веские доводы. Она логически правильно рассудила, что взять бедное обречённое животное в приюте во много раз благородней и полезней, чем покупать за бешеные деньги какого-нибудь геккона, которому в природных условиях намного лучше, чем в человеческом жилье. Пусть оно

хоть трижды будет элитным и с самым последним евроремонтом. Взвесив все эти убедительные доводы, она не сомневалась, что руководство клуба и оргкомитет учтут это и примут её беспрепятственно.

Председателем оргкомитета клуба и его бессменным руководителем была энергичная и эксцентричная женщина Инесса Владимировна Рэдон. Она не признавала никаких явных или скрытых авторитетов, никаких протекций, высоких связей и тому подобного. Все необходимые требования были изложены в уставе клуба, и она всегда неуклонно следовала букве и духу этого устава. Со стороны могло показаться даже смешным и наивным, но желающих попасть в этот клуб было достаточно. Но свободных вакансий не было. Главным вдохновителем и идейным центром клуба был Герман Иванович Березин, доктор биологических наук. Основной целью деятельности клуба он считал пропаганду знаний о жизни, особенностях физиологии и других важных аспектах биологии редких и исчезающих животных, птиц, пресмыкающихся. Популяризация знаний об этих животных, по его мнению, способствовала бы сохранению и защите их в дикой природе. Несомненно, это были искренние, увлечённые люди, посвятившие себя благородному делу — защите редких исчезающих животных. Но человеческая природа, везде и всюду стремящаяся показать своё тщеславие, в конечном итоге и это благородное начинание превратила в фарс.

Устав клуба требовал от своих членов неукоснительного соблюдения основных положений. Хозяин того или иного животного должен был досконально знать все биологические особенности своего питомца, прекрасно разбираться в его физиологии, питании, повадках и т. п. А это, понятное дело, одним наскоком не одолеешь. И любой кандидат, который хотел попасть в клуб, обязательно проходил серьёзную подготовку. Волей-неволей ему приходилось перелопачивать горы специальной литературы, просматривать документальные фильмы. Постепенно, вникая в суть проблемы, многие открывали для себя, что дело, казавшееся на первый взгляд пустяшным и нестоящим, в реальности оказывалось довольно сложным и трудоёмким. Убедившись в этом, многие нанимали себе узких специалистов, чтобы побыстрей овладеть материалом. Человек, втянувшись в это занятие, потом уже не мог просто так его бросить. И незаметно появлялся новый фанат этого странного клуба.

Члены клуба собирались со своими питомцами раз в месяц. Это было светское мероприятие, и участники к нему тщательно готовились. Для животных шились новые наряды, способные затмить своей экстравагантностью любых конкурентов. Естественно, хозяева не жалели на эти цели никаких средств. Но негласным правилом было умение сохранить чувство меры и такта и не переборщить. Если какой-нибудь очень ретивый господин или госпожа хотели всех перещеголять и старались разодеть своего питомца во что-то чересчур яркое и невообразимое, то реакция окружающих была незамедлительной: насмешки, доходящие до полного издевательства, как поток ледяной воды остужали их пыл. Такое действенное оружие сдерживало любого зарвавшегося нувориша.

После показа модных новинок весь этот “бомонд” из мелких животных, птиц, ящериц и других божьих тварей вместе со своими хозяевами отправлялся в зал для приёма пищи. Предстоящее действо, несомненно, было кульминационным на этой ярмарке тщеславия. Каждый человек

занимал столик, где было специальное место для его питомца, и ждал, когда к нему подойдёт официант.

Меню для животных составлялось в соответствии с тем, чем они питались в природных условиях, то есть в местах их постоянного обитания. Например, что ест хамелеон с острова Мадагаскар? Соответственно в меню указывались те насекомые, которых употребляет в пищу данное животное. Но также туда включались насекомые, которыми он не питается по той или иной причине. Например, насекомые, вообще не обитающие на этом острове и материке. Поэтому перед хозяином стояла нелёгкая задача разгадать этот ребус. Цены на экзотические деликатесы для питомцев были не меньше, чем цены на деликатесы, которые поглощали их состоятельные хозяева. Если клиент ошибался, неправильно сделав заказ, то незамедлительно следовали штрафные санкции. Кроме того, этот человек терял соответствующие баллы в шкале популярности.

Официантами в этом экзотическом ресторане работали очень подготовленные люди. В основном это были студенты и выпускники естественных факультетов, кандидаты биологических наук, узкие специалисты, и обмануть их было делом нереальным. Бывали случаи, когда некоторые господа, понадеявшись на свои большие деньги и обширные связи, пытались игнорировать эти правила, но в итоге получали резкий отказ и широкую огласку, что, естественно, влияло на их репутацию. Поэтому руководство и постоянные члены клуба рьяно следили за чистотой своих помыслов и боялись опозориться и прослыть грубыми невеждами.

Через несколько дней после того как Жанна закончила все дела, она решила посетить заветный клуб. Если сказать по совести, то Жанну влекло туда не желание помочь братьям нашим меньшим, не стремление узнать больше о жизни и повадках экзотических животных, а банальная тяга стать членом этого элитарного заведения, где были многие влиятельные и известные люди, то есть записать ещё один плюс в свою шкалу успеха. И вот, выбрав подходящий день, она поехала в клуб.

Стоял погожий зимний день. Лёгкий морозец приятно пощипывал лицо и нос молодой женщины. Жанна прекрасно знала о тех порядках и правилах, которые царили в этом клубе, но, невзирая на это, решила рискнуть. Одетый в изящный собачий сюртучок, пёс, с зелёными очками на носу, покорно бежал рядом. На голове собаки, между ушами, красовался маленький миниатюрный цилиндр, привязанный к шее двумя блестящими алыми лентами. Пёсику не хватало только трости, чтобы стать настоящим джентльменом. Многие прохожие с любопытством рассматривали эту экстравагантную парочку. Разодетый, расфуфыренный Бигс только лишний раз подчёркивал необыкновенную привлекательность этой женщины.

Когда Жанна закрыла за собой дверь и оказалась в вестибюле клуба, к ней подошёл рослый швейцар и вежливо поздоровался. На нём был классический мундир с золотыми галунами, какие носили ещё при царском режиме. Пышные усы, густые бакенбарды, фуражка с большой кокардой завершали его строгий наряд. Окружающая обстановка, мебель, картины на стенах — всё говорило о том, что здесь другой мир. Жанна поинтересовалась, как ей найти Инессу Владимировну. Швейцар почтительным тоном объяснил, что Инесса Владимировна находится у себя в кабинете и

показал, как можно пройти. Жанна, раздевшись в гардеробе, вместе с Бигсом направилась к ней в кабинет.

Жанна хорошо знала Инессу Владимировну. Во время последней встречи она рассказала ей о своём желании вступить в клуб. Инесса Владимировна промолчала и ничего конкретного не обещала, хотя, приподняв бровь, загадочно улыбнулась, как будто намекнув: мол, не всё в моей власти. Это странное поведение Инессы Владимировны Жанна истолковала по-своему. Хотя сама в глубине души сомневалась в своей затее, но твёрдо решила: теперь или никогда! Жанну влекли к активным действиям её неуёмная энергия и волевой характер.

Инесса Владимировна стояла у окна и курила. Увидев Жанну, приветливо улыбнулась и пошла ей навстречу.

— Пришла. Всё-таки решилась. А это твой питомец. Разодела, как на Бродвей.

— Инесса Владимировна, здравствуйте. А мы к вам.

— Жанночка, милая девочка, не хочу тебя расстраивать, но скажу сразу: шансов у тебя фактически никаких! Я, конечно, поговорю с Германом Ивановичем, но за результат не ручаюсь. Ты сама понимаешь — у нас не какая-нибудь контора, куда может зайти всякий встречный. Это, дорогая моя, элитный клуб. И первое в нашем клубе — это правила. А их, дорогая моя, порядочные люди не нарушают.

Жанна не стала больше пытаться что-то доказать Инессе Владимировне, переубедить её. Она прекрасно понимала, что перед ней стоит умная женщина, которая лишь из чувства такта сдерживает себя.

В кабинет вошёл среднего роста сухощавый старик. Его строгие пронзительные глаза, казалось, не могли сосредоточиться ни на чём. Они лихорадочно бегали по сторонам, как будто искали в этой комнате спрятанную бомбу. Он сдержанно поздоровался с женщинами и негромко сказал:

— Инесса Владимировна, я сегодня весь день буду занят. В среду лечу в Женеву. Надо кое-что доработать в докладе. А для вас все нужные материалы я уже подготовил. Вот они, в этой папке.

Старик положил бумаги на стол и остановился в нерешительности. Плотно сжав губы и опустив голову вперёд, он взял свой подбородок указательным и большим пальцем правой руки, а левой рукой придерживал локоть правой. По всему было видно, что он хотел ещё что-то сказать, но забыл. А Инесса Владимировна из-за его спины многозначительно посмотрела на Жанну и недвусмысленно намекнула, что это и есть тот грозный человек, от которого зависит: примут ли её в этот клуб, или нет.

Воспользовавшись этой неожиданной паузой, Инесса Владимировна решила попытать счастья для Жанны и её пса. Она тихим спокойным голосом заговорила с профессором:

— Герман Иванович, я на днях вам говорила о женщине, которая взяла собаку из приюта. Так вот — это она. Я думаю, что её поступок мог бы сыграть неплохую службу в пропаганде наших идей.

Герман Иванович молча выслушал Инессу Владимировну. Потом посмотрел на собаку, перевёл взгляд на Жанну, затем, снова повернувшись к ней, сказал:

— Инесса Владимировна, вы прекрасно знаете мою позицию. И я думаю, будет излишним излагать её здесь снова. Просто я хотел бы попросить вас на будущее избавить меня от таких объяснений.

Он подошёл к Жанне и, устремив свои строгие пронзительные глаза на испуганную женщину, на мгновение замер в молчании. Выдержав паузу, он, указывая вытянутой рукой на Бигса, резко произнёс, как будто обращался не к Жанне, а к кому-то, кто тайно и подло прятался за спиной этой слабой и хрупкой женщины:

— И это вы называете собакой?!

Глаза его горели каким-то вулканическим огнём. Казалось, ещё мгновение, и произойдёт чудовищный взрыв, который сметёт всё на своём пути.

— Да это просто фурункул на теле славного семейства Canis! Что такое Canis? Это, прежде всего, великолепно сложённое тело, мощные челюсти, безотказный, оптимальный пищеварительный тракт. Превосходные умственные способности, уникальные обоняние, слух и зрение, без которых этот род не смог бы выжить во враждебной среде. Да что там говорить, — он в сердцах энергично махнул рукой, — взять хоть шакала — Canis Adustus! — Здесь он поднял вверх правую руку с торчащим указательным пальцем. — Этого неугомонного демона степей и прерий, я уже не говорю о Canis Lupus, классическом сером разбойнике, который, без сомнения, является королём этого семейства!

Он входил в раж. Глаза его сверкали. Движения были энергичными и эффектными. На него было просто приятно смотреть. Он даже не замечал этих женщин, которые в почтительном молчании внимали его пламенной речи.

— Собаки, — с воодушевлением продолжал профессор, — а тем более породы, выведенные человеком, являются злокачественным наростом, опухолью, если хотите, на теле этого великолепного семейства. Я вообще не признаю никаких пород, кроме тех, которые свободно бродят по лесам и полям и сами обеспечивают себя. Что собой представляет этот, так сказать, экземпляр?

Он резко повернулся, вытянув свою ладонь к Бигсу, и презрительно посмотрел на него:

— Если судить с точки зрения функциональных обязанностей его тела, то он не проживёт в природной среде и недели. Он не сможет найти себе пропитание.

— Конечно, Герман Эдуардович, вы правы. Но ведь это, скорее всего, декоративная собака.

— Вот именно! Декоративная! — Он, слегка склонив голову набок, вновь вытянул руку вверх, грозя пальцем какому-то невидимому противнику. — Человек возомнил себя создателем и, в угоду своему тщеславию, творит вот таких уродов! Да-да, не удивляйтесь! С точки зрения волка, лисицы, шакала эта так называемая собака — самый настоящий урод, дебил, ошибка природы!

Бигс, чувствуя, что речь идёт о нём, искоса смотрел на этого неприятного человека. Он инстинктивно чувствовал к нему сильнейшую неприязнь. Да и человек не питал к нему никаких чувств, кроме презрения и брезгливости.

Домой Жанна с пёсиком вернулись уже ближе к вечеру. Николай с нетерпением ждал их и, открыв дверь, радостной улыбкой приветствовал жену и собаку:

— Ну как, аристократы, можно вас поздравить или нет?

Жанна с собачкой на поводке вошла в квартиру и без особой печали в голосе ответила:

— Нет, дорогой. Не годимся мы для аристократов. Рылом не вышли. Профессор Савраску даже фурункулом обозвал, так и сказал: “Фурункул на славном теле семейства Canis”. Савраска обиделся на него за это. Правда, Савраска, ты ведь обиделся на этого противного старикашку?

Жанна нежно посмотрела на собачку. Николай присел перед пёсиком, приподнял его от пола и, глядя ему в глаза, со смехом приободрил:

— Савраска! Не дрейфь! Скажи: не фурункул я, а настоящий пёс!

Бигс в смущении отвёл глаза в сторону и искоса смотрел на этих милых и добрых людей. В этой семье царили мир и взаимопонимание, истинным венцом и логическим завершением была любовь.

Так незаметно Бигс стал своим в этом доме. Николай и Жанна относились к нему как к равному и ни в чём не отказывали. Всё было прекрасно.

Однажды, под вечер, Николай куда-то собирался и сильно спешил. Он вышел из квартиры, но затем быстро вернулся назад, прошёл в свою комнату и что-то там взял. В этот момент зазвонил телефон, и Николай побежал к выходу, на ходу разговаривая. Так, с мобильником в руках, он выскочил из квартиры и не полностью закрыл дверь. Бигс тихо лежал в углу. Когда всё успокоилось, он встал и подошёл к двери. В узкую щель между косяком и дверью можно было увидеть часть лестничной площадки. Бигс остановился в замешательстве. Там, за узкой щелью, был другой мир. Что там его ждало? Привыкший к послушанию, Бигс оказался перед сложным выбором. В его душе боролись разные силы. Что-то неудержимо влекло его в эту неведомую, пугающую неизвестность. Но что-то не менее могущественное, всё же удерживало его от такого опрометчивого шага. Искушение было столь велико, что Бигс заёрзал на месте. Он поворачивал голову то влево, то вправо, озирался по сторонам, ища хоть какой-то поддержки. Но рядом никого не было. Да и навряд ли бы кто мог помочь ему в такую ответственную минуту. Выбор оставался только за ним. И вот, превозмогая все мыслимые и немыслимые преграды, Бигс решился на самый отчаянный поступок в своей жизни. Глянув в последний раз назад, в пустой коридор, он ткнул носом дверь. Она легко поддалась, и перед ним распахнулся новый, свободный мир.

P. S. Жанна была слишком увлечена собой и всем, что было связано с ней. Ей некогда было растрачивать себя на поиски бедной собачки. Её увлечение прошло, и более она не хотела тратить себя на эти ненужные и обременительные хлопоты о судьбе собаки. У Николая и так хватало забот на работе, и он даже как-то сразу забыл об этой собачке. Нельзя сказать, что эти люди были такими чёрствыми и бессердечными. Просто жизнь в большом городе диктовала им свои условия бытия. А они, как могли, подстраивались под них.

Всё же Николай по просьбе Жанны дал объявление в газеты и на телевидение о пропаже собаки. Но положительных результатов это не дало. Бигс так и не нашёлся. Он пропал в дебрях большого города.

г. Талдыкорган.

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Возвращение на Обитаемый остров

Повесть

(Окончание. Начало в № 3-6 за 2011 год)

Глава 15

Пройдя сквозь минные заграждения, белая субмарина вошла в прибрежные воды Островной Империи. Можно было всплывать.

Их уже ждали. Медленно, почти торжественно, с экипажем, стоявшим на палубе в парадном строю, лодка вошла в бухту Столицы и направилась к месту своей постоянной стоянки. Прогремел приветственный залп береговых орудий: на берегу уже получили сообщение об успехе похода.

Лёгкий толчок — и судно замерло у причала. Максим вскинул руку к козырьку фуражки, салютуя встречающим, впереди которых стоял, вскинувши вверх обе руки, Император Дженс.

Доклад получился коротким, но Максим чувствовал, что уже скоро ему придётся живописать во всех подробностях то, как проходило плавание.

Так оно и вышло. Через полчаса в рабочем кабинете Императора он начал рассказ. Дженс слушал своего фаворита с горящими глазами…

— Стоп машина! Перископ на поверхность! — отдал команду Максим и через несколько секунд прильнул глазами к прохладным окулярам оптического прибора. Перед ним раскинулась бухта островка, знакомого ему ещё со времени "побега" из плена и возвращения в Империю. Всё тот же прибрежный пляж, за которым раскинулись густые заросли тропического леса, казавшегося с большого расстояния и из-за полного безветрия нарисованным на холсте. Казалось бы, всё тихо, можно спокойно всплывать и, не таясь, подходить к берегу. Нет, торопиться не нужно, спешка частенько слишком дорого обходится торопыгам. Максим ещё раз внимательно, стараясь не пропустить даже малейшей детали, принялся осматривать берег. Груда камней, отдельно стоящее дерево… а что это за белый предмет? Похоже на кусок тряпки, привязанный к кусту. Зачем он там висит? Ну-ка, ну-ка…

— Боцман, подойди сюда, — велел Максим, не отрываясь от окуляров. — Мне требуется "свежий" глаз.

Рядом, не докладывая, задышал здоровяк Васор, гроза рядового состава субмарины.

— Посмотри-ка ты, — Максим отошёл от перископа, уступая место боцману. — От твоих глаз ничего не скроется. Заметишь что подозрительное — скажи.

Васор занял его место у перископа и, тяжело сопя, принялся крутить влево-вправо рукоятки прибора. Наконец он замер, некоторое время стоял неподвижно, а затем сквозь зубы проговорил:

— Кажется, этот островок не такой уж необитаемый, ваш-ство. Клянусь, кто-то поспел сюда раньше нас.

— С чего ты взял? — бесстрастно спросил Максим.

— Тряпка на кустах, — ответил боцман, не отрываясь от перископа. — Похоже на какой-то знак или памятку. А чуть в стороне камни видны, за которыми виднеется шлюпка, ваш-ство. Едва заметно, но всё же.

— Вот и мне то же самое показалось, — подтвердил Максим, покусывая губы. — Значит, не ошибся.

Он задумался. Васор стоял рядом, не мешая начальству. Наконец Максим принял решение.

— Переходим на режим соблюдения полной тишины, — сказал он чуть слышно. — Лишние хождения по лодке прекратить. Акустику слушать вражескую субмарину. Она должна быть где-то рядом. Вести за берегом постоянное наблюдение. Подготовить трёх опытных пловцов для немедленного десанта. Всё.

Боцман подбросил руку к голове, развернулся и исчез с мостика.

— Вы бы отдохнули, барон, — обратился к нему первый помощник по фамилии Курриш. Лишь одному ему, учитывая дворянское звание, солидный срок службы и многочисленные заслуги, Максим дозволял некоторую фамильярность в обращении. — Двое суток ведь без сна. Идите, я тут сам справлюсь.

— И в самом деле, — зевнул Максим. — Пойду вздремну. Если случится что-то, даже не очень серьёзное, буди меня.

Он прошёл в свою небольшую, но уютную каюту, расположенную рядом с мостиком, не раздеваясь, прилёг на диван, и едва голова коснулась валика подушки, провалился в сон.

В нём Максим шёл по широкому полю родной планеты. Густая трава приятно гладила босые ноги, приглашая прилечь на неё, чтобы всё тело насладилось её шелковистой нежностью. Он упал на спину, подставил лицо тёплым лучам солнца, зажмурился, и тут же почувствовал, как кто-то настойчиво трясёт его за плечо. Максим сладко потянулся, не открывая глаз сел и потряс головой.

— Акустик услыхал посторонний шум, — донёсся шёпот Васора.

— Хорошо, давай его сюда, — ответил Максим, пытаясь прогнать остатки сна. — Фу, как и не спал вовсе!

— Может, кофе? — спросил Васор, с сочувствием глядя на командира.

— Да, братец, организуй, пожалуйста. — Максим сунул голову под кран и включил холодную воду. — И сделай предельно крепкий, — добавил он.

Освежающая процедура вернула его к жизни. Максим вытер голову пушистым полотенцем, затем отпер дверцу сейфа и достал оттуда пакет, переданный ему Императором. В нём находились инструкции. Максим ещё раз перечитал бумагу, написанную ровным почерком Дженса, где он объяснял то, где и как необходимо взять “Кровь Богов”. В пещере имеется неглубокий колодец, в котором и находится эта волшебная жидкость. Откуда она появляется — загадка природы. Один раз в два года её из колодца забирают, используют по назначению, а за это время колодец опять наполняется. К инструкции прилагалась карта острова с пометками, сделанными Императором. Максим расстелил её на небольшом столике и, откинувшись на спинку стула, стал ждать прихода разведчиков.

Но первым в каюту вошёл Васор с подносом, на котором стояли чашка кофе и тарелочка с печеньем.

— Прикажете акустику подождать, или...

— Или. Пусть входит, время дорого.

Васор исчез. Через несколько секунд дверь бесшумно открылась, и вошёл акустик по имени Тарс.

— Ваш-ство, разрешите доложить! — начал он.

— Да, давай поближе сюда, — сказал Максим, прихлёбывая горячий, страшно крепкий кофе, от первых же глотков которого в голове прояснилось. — Ну, что ты там услыхал?

— Посторонний шум, ваш-ство, — ответил Тарс. — Звук металла на неизвестном мне подводном объекте. Осмелюсь доложить, что по моим предположениям это субмарина. Видимо, у них что-то упало на борту.

— Далеко она?

— Нет, совсем рядом, — Тарс подошёл к карте, наморщил лоб и, немного поколебавшись, взял в руки карандаш. — Вот тут мы находимся, — он поставил жирную точку, а здесь — они. — Он бесшумно пошевелил губами, подсчитывая в уме расстояние, и подвёл итог. — Два, максимум два с половиной дина, ваш-ство.

— Хорошенькое дело, — сквозь зубы проговорил Максим. Он ещё раз посмотрел на карту. Два дина — это четыреста метров в привычных земных мерках. Можно чуть-чуть приблизиться, сократить расстояние, но стоит ли рисковать? Пожалуй, нет. Лучше ждать дальнейшего хода событий, а уж потом действовать по обстановке, быстро и решительно.

— Хорошо, — сказал Максим, отрывая взгляд от карты. — Благодарю за службу, свободен.

Матрос чётко повернулся и покинул каюту. Максим некоторое время после этого ещё размышлял. На берегу находится группа, высадившаяся, скорее всего, с субмарины неизвестного происхождения, которая находится в подводном положении недалеко от его лодки. Каковы бы ни были цели экипажа, в данном случае они мешают его миссии, а это означает лишь одно: на острове находится противник. Теперь дальше. Подводный флот сейчас только у одного государства, а значит, эта лодка совсем недавно покинула Острова. Логика подсказывает, что экипажем субмарины командует брат нашего Императора Аган. Он ещё не потерял надежды вернуть себе престол, а сделать это может только одним способом — перехватить “Кровь Богов”, поставить страну на грань экономической катастрофы, после чего выйти на политическую арену во всём белом, продиктовав свои условия и правила дальнейшей игры. Вот и весь расклад Агана, и нужно ему помешать исполнить задуманное.

Обдумав всё это, Максим вызвал по селектору мостик.

— Слушаю вас, барон, — откликнулся Курриш.

— Зайдите в мою каюту, — распорядился Максим. — Нужно обсудить предстоящую операцию.

Помощник не заставил себя ждать.

— Присядьте, — пригласил его Максим. — Обстановка у нас такая… — он постарался, опуская ненужные детали, обрисовать Курришу сложившееся положение.

Тот выслушал командира не перебивая, затем внимательно изучил карту и лишь после этого осмелился высказать своё мнение.

— Сложное дело, — сказал он. — Можно, конечно, десант на берег, но не исключено, что там, ожидая нападения, выставили наблюдателей. Тогда неизбежна большая драка, исход которой невозможно предугадать.

— Да, я тоже думаю, что открытая высадка исключена — нас просто расстреляют, как слепых котят.

— Операцию можно провести только ночью. Высадить на берег несколько групп, постараться окружить лагерь и передавить их там.

— Ночью? — Максим с улыбкой посмотрел в глаза помощнику. — Это гораздо лучше. Но при одном условии.

Курриш непонимающе вскинул брови.

— Если наши враги не начнут сворачивать своё пребывание на острове ещё засветло. Тогда нам необходимо будет предпринимать какой-то неожиданный ход.

— Тогда остаётся ждать?

— Именно. Быть в постоянной готовности, особенно боевым пловцам. Я сам их поведу.

— Барон!

— Не возражайте, Курриш. Это моё дело, и мне отвечать перед Императором за её исход. Когда их лодка всплывёт, а мы выйдем из торпедных аппаратов, начинайте медленное сближение. Как увидите, что мы осуществили захват, также всплывайте. А сейчас ступайте на мостик и скажите боцману, чтобы мне принесли гидрокостюм.

— Слушаюсь.

Через несколько минут в каюту вошёл Васор.

— Ваш-ство, — сказал он с укоризной. — Стоит ли подвергать свою жизнь...

Максим не дал ему договорить. Он посмотрел на "грозу подводного флота" так, что тот моментально увял, словно не вовремя политый цветок.

— Давайте, я вам помогу, — буркнул боцман и начал с отеческой заботой облачать командира в гидрокостюм.

Затем Максим прошёл на мостик. Там приказал усилить наблюдение за берегом, а сам присел и незаметно для себя вновь задремал. Впрочем, долго рассиживаться ему не позволила изменившаяся обстановка.

— Ваш-ство, — раздался возле уха быстрый шёпот. — Просыпайтесь, на берегу появились люди.

— Сколько времени? — спросил Максим, быстро вскакивая.

— Четверть девятого, — ответил Курриш. — Уже смеркается.

Максим прильнул к перископу и увидел на берегу группу из четырёх человек, кативших большую металлическую бочку. В тот же миг в бухте вспенилась вода, и на поверхности появилась боевая рубка, а затем и вся вражеская субмарина.

— Вперёд! — сам себе скомандовал Максим и направился в сторону носового отсека, где располагались торпедные аппараты. Там его уже поджидала тройка боевых пловцов, готовых выполнить любой приказ командира. Они были вооружены ножами и короткими бесшумными автоматами.

— Я впереди, остальные следуют за мной, — велел Максим, после чего взял в рот загубник кислородного аппарата и надвинул маску.

Они вышли в воду одновременно и, повинуясь знаку старшего, устремились за ним. Максим, как и Турренсок, всегда считался отличным пловцом, и сейчас плыл так, будто стремился побить мировой рекорд. Но и ребята не уступали ему, держались рядом. Вода в бухте была достаточно мутноватой, рассмотреть в ней что-то было трудновато, да на это и не было времени, необходимо спешить. По расчётам Максима у его группы была достаточная фора перед соперниками. Тем предстояло погрузить тяжёлую бочку в лодку и преодолеть с ней гораздо большее расстояние. Впрочем, и пловцам

нужно было проделать определённую работу, обезвредив экипаж субмарины, причём сделать это надлежало быстро и как можно более тихо.

Корпус лодки, который под водой напоминал огромную сферу дирижабля, появился перед глазами неожиданно. Максим остановился и подал знак своим подчинённым сделать то же самое, приблизившись к нему.

Пловцы поняли его и, сгрудившись, приготовились к дальнейшим распоряжениям. Максим указал пальцем на себя, затем на самого рослого моряка и показал, что им надлежит заходить с кормы. Товарищи приняли у них кислородные баллоны, ласты, после чего оба диверсанта пошли на поверхность.

Тьма уже сгустилась настолько, что можно было рассчитывать на неожиданность. Максим осторожно поднял голову на поверхность и осмотрелся. Возле главного люка, со стороны обращённой к подплывавшей шлюпке, стоял один наблюдатель. Второй же, обойдя рубку, собрался справить малую нужду. Напарник Максима понял ситуацию без подсказки. Он погрузился в воду, а, вынырнув из неё, быстрым движением метнул в свою жертву нож. Моряк умер сразу, не успев что-то понять и произнести хотя бы звук. Он не упал в море, а как по заказу мягко осел на палубу. Здоровяк знал своё дело. Максим не успел и глазом моргнуть, как его напарник уже стоял рядом с покойником, снимая с него куртку и напяливая её прямо на гидрокостюм. Затем он высунулся из-за рубки, что-то сказал второму наблюдателю и, дождавшись, когда тот подойдёт к нему, сделал быстрый выпад. Подхватив свою жертву, он переместил её подальше от любопытных глаз за рубку, а сам ушёл на её прежнее место. Максим проплыл вдоль корпуса субмарины и, ухватившись за поручень, взобрался на палубу. Он повторил трюк здоровяка с переодеванием и начал помогать оставшимся в воде диверсантам. Когда те присоединились к нему, Максим прошептал:

— Контролируйте люк, ждите и в любой момент будьте готовы вступить в бой. Мы пошли встречать “гостей”.

Шлюпка уже проделала большую часть пути. Она шла с трудом: по всему было видно, что груз тяжёл, и это отрицательно сказывается на скорости движения.

— Не поднимая шума, — прошептал Максим здоровяку.

Тот в ответ кивнул, мол, не впервой.

Наконец шлюпка ткнулась в борт субмарины и оттуда крикнули:

— Эй, на посудине, держи конец!

Максим поймал брошенный канат, привязал его к поручню и в ответ сбросил две верёвки. Люди в шлюпке обвязали ими бочку, после чего скомандовали:

— Всё, можете тащить!

Одно усилие, и бесценный груз поднят. Следом за ним на лодку один за другим начали подниматься сопровождавшие его лица. Их было четверо, и силы были равны, но фактор неожиданности сыграл свою роль. Несколько секунд потребовалось Максиму и его бойцам для того, чтобы нейтрализовать врагов. Их связали крепким шнуром, заклеили пластырем рты и оставили лежать рядком на свежем ветерке.

Оставалось обезвредить тех, кто оставался внутри субмарины. Один за другим боевые пловцы скользнули в люк, а дальше действовали как единый, хорошо отлаженный механизм. Не произведя ни единого выстрела, действуя лишь ножами, они быстро захватили судно. Лишь после этого Максим подал условленный сигнал специальным фонарём Курришу.

Пока их лодка шла на сближение, Максим приказал освободить рот одного из пленных и устроил ему допрос. Очень скоро он знал всё, что ему было нужно. На острове оставалось ещё восемь человек во главе с Аганом. Все они пока находятся в глубине острова, и шлюпка должна была вернуться за ними.

— Не станем заставлять их ждать, — решил Максим. — Курриш, вы остаётесь за старшего. Перегружайте бочку на нашу лодку, а эту затопите. Семь человек, — он пальцем указал, кто именно, — марш в лодку. Десантируемся на берег..

— Вот, собственно, и всё, — закончил свой рассказ Максим. — Бой был коротким, настолько неожиданным стало наше нападение. С нашей стороны лишь один нижний чин получил лёгкое ранение, а противник, потеряв сразу четырёх, счёл за благо сдаться.

— Как вёл себя Аган? — с неподдельным интересом спросил Дженс.

— Ваш брат, Ваше Величество, в момент атаки не был в состоянии адекватно воспринимать окружающий его мир.

— Что так?

— Он был мертвецки пьян, и по этой причине спал, — без тени улыбки сообщил Максим. — Даже стрельба не разбудила его.

— Пьян… — Дженс машинально повертел в руке бокал вина и отставил его в сторону. — Что ж, будем считать, что он пропил свой шанс поставить Империю на колени. Теперь Империя поставит на колени его. Спасибо, барон, вы отлично выполнили порученное вам дело. Но есть и крайне неприятная новость, если говорить о десанте вообще. Со скорбью можно констатировать полный его разгром: из тридцати пяти субмарин вернулись только шесть. Да и на тех экипажи изрядно потрёпаны. Да, пощипали нас основательно! Такое ощущение, что на Материке о десанте знали и заранее были готовы к его отражению. Теперь придётся восстанавливать флот, так что ваш успех на фоне общей неудачи пришёлся как нельзя кстати. “Кровь Богов”, добытая вами, поможет новому строительству. А вот с экипажами просто беда: придётся формировать их из совсем молодых ребят.

Дженс нахмурился, встал и поднял бокал.

— Давайте помянем всех погибших! — произнёс он.

Максим также встал. Они отпили вина и некоторое время стояли молча. Наконец Император пришёл в себя и совершенно спокойным ровным голосом произнёс:

— Вы достойны самой высокой награды, барон, но я пока даже не придумал, какой она будет. Пока отдыхайте, набирайтесь сил, думаю, недели вам для этого вполне хватит. За это время я обязательно что-то придумаю.

В этот момент в голове Максима пронеслась шальная мысль.

— Ваше Величество, разрешите мне на эту неделю поехать в родовое поместье, — сказал он. — Там требуется навести порядок. А после жду Вас к себе в гости. Ваш визит в замок Кейзо станет наилучшей наградой для меня.

Дженс при этих словах слегка усмехнулся, подошёл к стоявшему на столике телефону и произнёс в трубку:

— Роту строителей с завтрашнего дня на неделю в распоряжение субмарин-мастера первого ранга Турренсока Кейзо.

— Думаю, такая помощь вам не будет лишней, — добавил он, возвращаясь к обеденному столу.

— Благодарю Вас, Ваше Величество! — ответил Максим, вставая. — Ваша доброта не имеет границ!

— Полно, барон, — замахал рукой Дженс. — Поверьте, это мелочь, по сравнению с тем, что вы для меня сделали. Не стоит...

— Разрешите быть свободным? — спросил Максим, понимая, что аудиенция завершена.

— Да, отдыхайте...

Глава 16

Следующая неделя выдалась для Максима весьма хлопотной и пролетела как-то уж очень быстро. Но зато и восстановительные работы в замке Кейзо шли небывалыми темпами. Военные строители старались вовсю, и у них на то были веские причины: заказчик не ограничивался тем, что давал задания, но и придирчиво проверял всё сделанное. Но не боязнь какого-то наказания заставляла людей трудиться по четырнадцать часов в сутки. Для них существовал совсем другой стимул — ежедневная оплата за качественный и добросовестный труд по тройному тарифу. Понятное дело, каждый стремился заработать как можно больше.

Максим не скупился: за несколько веков бароны Кейзо накопили изрядное состояние, а сознание скуповатого, но в данный момент подчинённого, а потому безвольного Турренсока, без колебаний подсказывало номера банковских счетов.

Но не только ремонтом занимались строители. Несколько человек возводили во дворе замка совершенно новый объект, назначение которого было неведомо даже им, видавшим всякие виды мастерам. Прежде всего, необычен был выбор материала: не камень, не кирпич, а обыкновенная древесина, стоившая на Островах, к слову сказать, недёшево. По эскизам, которые выполнил сам подрядчик, а потом ещё показавший каким образом следует увязывать между собой брёвна, строилась настоящая русская баня.

Обитатели Империи привыкли мыться в ванных или душе. Они не имели ничего, даже отдалённо напоминавшего то, чему на Земле слагались песни.

Ещё с самого раннего детства Максим впервые попал в подобный деревенский храм гигиены, и с тех пор, особенно после сильного физического напряжения, всегда старался восстановиться в старинной, как мир, парилке. Именно этим он хотел удивить Дженса, а заодно выполнить поручение Сикорски — показать Императора в его первозданном виде. Поэтому, возлагая на баню большие надежды, Максим не только контролировал, но и сам активно участвовал в её сооружении.

Но сложнее всего оказалось даже не строительство, а совсем другое — заготовка веников для парилки. Привычных для любого землянина берёз и дубов на Саракше, понятное дело, не росло, а потому пришлось что-то придумывать, импровизировать. В конечном итоге Максим остановил свой выбор на ристе — дереве, отдалённо напоминающем финиковую пальму, листья которого, по словам местных знахарей, обладали целебными свойствами.

Да и, кроме того, хозяину замка пришлось изрядно покрутиться. В условиях тотального дефицита в стране всего и вся необходимо было проявить изрядную смекалку и сноровку, чтобы достать необходимые стройматериалы — кирпич, цемент, стекло. И не только это. Дезертиры основательно "похозяйничали" в поместье, разграбив и унеся всё, что только было возможно, и Максим потратил немало времени, объезжая столичные магазины, скупая в них мебель, посуду, ковры, постельное бельё и ещё кучу всего того, без чего нормальный замок барона просто не может нормально существовать.

Рядом с ним постоянно находился верный Хорёк. Помощь, которую оказывал денщик, можно смело назвать бесценной. Бывший уголовник при помощи какого-то особого чутья мог разыскать старинный канделябр, письменный прибор двухсотлетней давности, редкой красоты фарфор и ещё массу разных мелочей, способных произвести впечатление на самого взыскательного гостя замка Кейзо.

Все старания были не напрасны, и спустя шесть дней сидевший в Максиме Турренсок констатировал, что поместье, несколько веков верой и правдой служившее его предкам, сейчас выглядит жилищем, достойным старинного рода.

Высокий гость проявил изрядную пунктуальность, свойственную большинству военных, и не заставил себя ждать. Утром следующего после окончания всех работ дня Дженс прислал курьера с письмом. В нём Император извещал, что его неофициальный визит в замок господина барона Турренсока Кейзо состоится сегодня после полудня.

Максим вызвал управляющего и, не называя конкретного лица, сообщил, что скоро прибудет очень важный для него гость. А потому всех лишних и праздношатающихся из имения надлежит на время удалить, оставив только действительно нужных людей. Управляющий осведомился насчёт того, на сколько персон надлежит готовить обед. Здесь Максим ничем не мог ему помочь, потому как даже не представлял численный состав императорской свиты. Немного подумав, он махнул рукой и с неуверенностью произнёс:

— Готовьте, братец, человек так на сто! Гулять так гулять.

Находившийся рядом Хорёк попробовал было возразить, в том смысле, что широта души, оно, конечно, качество очень достойное и присущее лишь избранным особам, но где-то ж нужно и меру знать. Но Максим посмотрел на своего денщика так, что тот осёкся на полуслове и побежал вслед за управляющим исполнять барскую волю.

В полдень Максим поднялся на главную башню. Ступени новой лестницы слегка поскрипывали под ногами, как бы напоминая о делах не так давно минувших дней. Почти сразу хозяин замка заметил пыльный шлейф, поднятый приближающимся эскортом императорских автомобилей. Спустя несколько минут в широко распахнутые ворота въехали пять машин. Первыми, держа в руках автоматические пистолеты, выскочили натасканные телохранители, мгновенно оценившие степень возможной опасности для венценосной особы, и лишь убедившись, что угрозы нет, открыли дверцу бронированного “Империала”, давая возможность явить себя Дженсу.

Распахнув руки, он двинулся к успевшему спуститься с башни Максиму. Император был одет в лёгкий охотничий костюм, отчего встречавший его в парадном мундире хозяин замка почувствовал себя несколько стеснённым.

Гость почувствовал это и, заключив субмарин-мастера первого ранга в могучие объятия, произнёс:

— Я же предупредил, что мой визит будет неофициальным. Не стоило так уж себя изнурять в такую-то духоту!

— Что Вы, Ваше Величество, — смущённо постарался оправдаться Максим. — Разве можно… Не всякий ведь день ко мне приезжают такие гости…

— Полноте, барон, давайте по-простому! — воскликнул Дженс. — Давайте-ка хоть здесь обойдёмся без этих утомительных дворцовых церемоний

и на несколько часов вспомним, что мы обычные молодые люди, любящие повеселиться и даже подурачиться. А как у нас обстоят дела с развлекательной программой?

— Это я Вам обещаю, Ваше Величество, — улыбнувшись, ответил Максим. — Есть у меня одна "домашняя заготовка", сюрприз, который, надеюсь, вас удивит и порадует.

— Ну вот, совсем другое дело! — с чувством хлопнув Максима по плечу, произнёс Дженс. — Обед, наверное, заказали персон на сто... Ничего этого не нужно, пусть всё будет как в деревне — что есть, то и на стол! Кстати, перекусить с дороги совсем не помешает.

Максиму оставалось лишь пожать плечами. Что ж, большую часть грандиозного обеда, рассчитанного на самых взыскательных господ, придётся съесть простым деревенским мужикам. Пусть и у них, хотя бы раз в жизни, будет праздник, о котором они станут вспоминать до конца своих дней.

Они не спеша направились к замку. По пути Дженс крутил головой, восхищённо цокая языком, а, заметив странное бревенчатое сооружение, указал на него пальцем и спросил:

— А это что такое?

— Это, Ваше Величество, тот самый сюрприз, о котором я вам говорил.

— Вы собираетесь показать мне его сейчас же?

— Нет, сейчас оно ещё не готово, давайте попозже.

— Вы интригуете, барон, — засмеялся Дженс и шутливо погрозил пальцем. — Учтите, я крайне любопытен до всяких таких штук, а моё терпение не безгранично.

— Учту, Ваше Величество, — смиренно склонил голову Максим и, подозвав жестом находящегося неподалёку Хорька, сказал ему вполголоса: — Давай, начинай топить, только всё делай, как я учил.

Хорёк кивнул в знак понимания и поспешил в баню.

Осмотр замка не занял много времени. Император задержался лишь в библиотеке. Он задумчиво провёл пальцем по корешкам стоявших на стеллаже богато оформленных книг, которые собирались многими поколениями Кейзо и которые удалось сохранить от грабителей в подземном тайном хранилище. Задержавшись взглядом на переплетённом в кожу томе, Дженс снял его с полки, раскрыл наугад и хорошо поставленным голосом прочитал: "У государства есть лишь две задачи. Во-первых, всячески заботиться и защищать своих граждан всегда и повсюду, ибо они создают богатство страны. И, во-вторых, не мешать им заниматься тем, что не противоречит законам. Законы же должны быть строгими и не выходить за рамки общественной морали. Когда эти две задачи не соблюдаются, а на граждан страны оказывается давление — это неизбежно приводит к недовольству, скрытому, а затем и открытому противодействию. Такое государство не сможет быть долговечным".

Он захлопнул том, несколько секунд посидел, задумчиво глядя перед собой, а затем прибавил:

— Каково сказано, а!? Четыре с лишним сотни лет тому назад мой предок Дарри V Премудрославный написал своё "Завещание", в котором каждая строчка словно математическая формула.

Максим, не имея что добавить к этому, лишь покивал головой.

— Кстати, — продолжил Дженс, — нам необходимо поговорить на эту тему.

— Какую? — не понял Максим.

— М-м-м... понимаете... как бы... — Дженс старался найти нужные слова. — Одним словом, последствия нашего разгромного рейда заставили меня серьёзно призадуматься над тем, не нуждается ли наша старая, как мир, Империя в серьёзном переустройстве. Короче, в моём окружении не так много умных людей, способных мыслить конструктивно и вовремя дать дельный совет. Вы как раз из таких.

На Максима откровения Дженса подействовали ошеломляюще. Что это — искренняя попытка стать просвещённым монархом или нечто другое? Скажем, проверка на лояльность, своеобразная провокация... Он покусал губы, затягивая время, и, наконец, выдавил:

— Я предполагал, что Вы приедете ко мне в гости отдыхать, а не решать серьёзные государственные проблемы. Но раз так, то мы обязательно побеседуем, Ваше Величество. Только вначале слегка подкрепимся, а потом будет обещанный сюрприз. А если после него у Вас ещё останутся силы и желание говорить о политике, тогда извольте, я готов.

— Вы опять ввергаете меня в бездну любопытства, барон, — усмехнулся Дженс. — Я уже буквально сгораю от него. И невероятно интересно. Чем таким вы собираетесь меня удивить, о чём я ещё ничего не слыхал? Ох, интриган...

Выходя из библиотеки, Максим перехватил находившегося рядом управляющего и шепнул ему несколько слов. Тот вначале удивлённо вскинул брови, но потом покорно кивнул и побежал в сторону кухни.

— Прошу, Ваше Величество, нам сюда, — произнёс Максим, указывая в сторону небольшого зала. — Пообедаем там.

Небольшой стол накрыли очень быстро. Максим сам накладывал блюда в тарелки и при этом старался всё пробовать первым, как бы давая понять гостю, что ему не нужно бояться отравления. Похоже, Император прекрасно его понял, хотя и не подал вида. Находясь в прекрасном настроении, Дженс непрерывно шутил, рассказал несколько смешных историй. Он попробовал закуски, отдал должное рыбному супу, кусочку нежирного жареного мяса, поданного в остром соусе, отпил глоток вина, после чего заявил, что утолил голод и теперь ждёт обещанных развлечений.

— Хорошо, Ваше Величество, — послушно ответил Максим. — Только ответьте, пожалуйста, на один вопрос: как Вы переносите высокую температуру?

— Прекрасно, — не задумываясь, ответил Дженс. — Мне нравится, когда стоит жаркая погода. Помнится, как-то мне довелось побывать...

— Я не погоду имею в виду, — не совсем тактично перебил его Максим. — Речь о настоящей жаре.

— Не знаю... — Император немного растерялся. — Думаю, что постараюсь выдержать.

— Тогда пойдёмте. Я собираюсь Вас познакомить с новой оздоровительной системой. Главное в ней — воздействие пара на организм, который изгонит из него всю накопившуюся грязь и придаст здоровья. Думаю, Вам это должно понравиться.

— Грязь во мне? — засмеялся Дженс. — Вы забываетесь, барон! Перед вами как-никак Император, богоподобное существо. Ладно, не напрягайтесь так, я пошутил, идёмте.

В сопровождении телохранителей они вышли во двор и направились к бане, из трубы которой струился сизый дымок. Дженс удивлённо

разглядывал диковинное строение, а подойдя вплотную, пощупал рукой бревенчатый сруб и восхищённо поцокал языком.

— Интересный способ крепления, — заинтересованно произнёс он.

— А главное, на это не требуется гвоздей, Ваше Величество, — отозвался Максим.

— Но какая расточительность, ведь древесина так дорога! Вы транжира, барон!

— Когда речь идёт о здоровье, Кейзо не привыкли скупиться. — Максим скромно потупился.

Пока они беседовали, телохранители вошли в баню, но задержались в ней ненадолго. Крепкие ребята выскочили наружу, шумно отдуваясь.

— Всё чисто, — выдохнул один из них, вытирая со лба капельки пота. — Но уж больно жарко! Как Вы там будете?

— А мы разденемся догола, — хладнокровно заметил Максим. — Так легче.

Он распахнул дверь, приглашая Императора войти первым. Следом двинулся один из охранников. Максим не возражал. В предбаннике их встретил обнажённый по пояс Хорёк, покрасневшее тело которого лоснилось от пота.

— Ваше Величество, дозвольте обратиться к субмарин-мастеру первого ранга, — по-уставному обратился он к Дженсу.

— Валяй, — добродушно буркнул тот, оглядывая просторную комнату.

Здесь царил идеальный порядок: на вешалке — просторные банные простыни, вдоль стен — мягкие удобные диванчики и массажная лежанка, на столе — чайник.

— Разрешите доложить, господин субмарин-мастер первого ранга: печь натоплена, температура не превышает заданную вами норму.

— Хорошо, голубчик, можешь идти отдыхать, — кивнул Максим. — Я тут сам справлюсь.

— Что мне нужно делать, барон? — спросил Дженс.

— Делайте как я, — скомандовал Максим, сбрасывая с себя одежду и поправляя перстень на руке.

— Хорошо, — с некоторым сомнением произнёс Император, следуя его примеру. — Вы хозяин, вам и командовать, а мне подчиняться. Думаю, вы хорошо знаете, что делаете.

Они закутались в простыни и прошли в парилку. Там Максим вначале уложил гостя на полок, сам расположился на другом.

— Полежите так спокойно, Ваше Величество, вначале нужно прогреться.

Приятное тепло начало растекаться по телу. Щекоча кожу, по ней побежала первая капля пота, за ней другая, третья…

Минут через пятнадцать Максим встал, завершая первую фазу процедуры.

— Я даже немного задремал, — признался Дженс, когда они расположились на диванах. — До чего хорошо и спокойно!

— Сейчас будет ещё лучше, — хмыкнул Максим, наливая в чашку чай, настоянный на целебных травах. — Выпейте это.

Император взял чашку и принялся прихлёбывать горячий напиток, причмокивая от удовольствия.

— Нам предстоит вторая стадия, — сказал Максим, вставая.

— Вторая так вторая, — охотно согласился Дженс. — Пойдёмте.

На сей раз хозяин уложил гостя на полок, затем поддал немного пара и начал осторожно растирать тело Императора ристовым веником, от которого по всему помещению начал распространяться пряный аромат. Дженс блаженно кряхтел от удовольствия. Пот лился с него ручьями. Помассировав так венценосную особу, Максим сделал ещё одну паузу.

Третий заход получился самым коротким, ибо Император с непривычки продержался недолго. Короткие удары веника вызвали у него непроизвольный выкрик, от которого очнулся дремавший в предбаннике телохранитель. Держа пистолет наизготовку, он ворвался в парилку и едва не выпалил в Максима. От выстрела его удержала лишь представшая его глазам диковинная картина — голого Императора подвергали порке, и он даже не делал попытки, чтобы сопротивляться. Парень взирал на происходящее с открытым ртом, не зная, что ему предпринять.

— Дверь закрой, пар выходит, — рявкнул Максим, продолжая хлестать охающего от сладостной пытки Дженса.

Телохранителя от этого рыка словно ветром сдуло.

— Всё, барон, довольно! — наконец взмолился Император.

Максим остановился. Он подхватил Дженса под руку, помог ему встать с полка, а затем окатил из ведра прохладной водой.

— О, благодетель! — только и смог вымолвить гость и, пошатываясь, пошёл из парной. Он чуть ли не залпом выпил чашку остывшего чая.

— Хорошо! — слабым голосом произнёс он, падая на диван и промокая простынёй лоб. — Что, браток, тебе, наверное, тяжело? — добавил он, обращаясь к томившемуся в застёгнутой на все пуговицы одежде телохранителю. — А ты давай, того, раздевайся и с нами. Знаешь, какая там благодать!

Телохранитель дёрнул было руку к верхней застёжке, но тут же одумался и замотал головой, мол, нельзя мне, на службе.

— Жаль, — посочувствовал ему Дженс. — Ну да ладно, тогда иди на воздух, чего тебе тут маяться. Иди, тебе Император приказывает, — повысил он тон, заметив колебания охранника. — Иди, я сказал, нам нужно с бароном с глазу на глаз переговорить.

Телохранитель тяжело вздохнул и вышел.

Дженс налил ещё чая, сделал большой глоток и лишь после этого начал разговор:

— Нам предстоят великие дела, Кейзо, — произнёс он, рассеянно глядя в пространство. — После нашего бесславного налёта на Материк, завершившегося полным разгромом, я по-другому начал оценивать собственную миссию.

Император на некоторое время замолчал, и Максим, прекрасно понимая всю важность происходящего, не торопил события.

— Все наши предки жили морем, но постепенно пиратство вытеснило другие промыслы, — наконец опять заговорил Дженс. — Мы грабили, и за счёт захваченных богатств крепла Империя. Но однажды всему приходит конец. Неделю тому назад я понял, что дальше жить за счёт других у нас не получится. Жители Материка готовы отчаянно защищать даже то малое, что у них ещё есть. Говоря коротко, мы потеряли слишком много, чтобы говорить о каких-то завоеваниях. После этого я понял, что необходимо перестраивать всю экономику. Вместо субмарин стране нужно совсем другое: тракторы и комбайны, грузовики и строительная техника... Нам

много чего надо. Именно это, не военное снаряжение, а мирную продукцию нам предстоит создавать при помощи Богов.

Максим ещё раз поправил перстень, чтобы Сикорски и его окружение лучше видели и слышали исповедь Императора. А тот продолжал говорить, стремясь донести до собеседника всю грандиозность своих замыслов.

Дождавшись небольшой паузы, Максим постарался опустить Императора с неба на землю.

— Начиная программу мирного строительства, — сказал он ровным тоном, каким обычно говорит учитель с не самым успешным, но имеющим своё мнение по любому поводу учеником, — Вы сразу же столкнётесь со множеством трудностей.

— Трудности? О чём вы?

— Прежде всего, при такой программе огромная масса людей, занятых сейчас службой на флоте, останется не у дел. Вы навлечёте на себя гнев множества людей, которые из Ваших почитателей превратятся во врагов.

Император удивлённо вскинул брови.

— Как минимум, весь офицерский корпус, Ваше Величество, — спокойно продолжил Максим. — Это те люди, которые ничего, кроме как воевать, убивать и пиратствовать, другого делать не умеют. Это те люди, которые сильны своей дисциплиной и единством, так что Вам придётся иметь дело не с многочисленными, но разрозненными врагами, которых можно сломить поодиночке, а с мощной организацией. На словах они, возможно, поддержат все Ваши начинания, но втайне будут вынашивать замыслы по Вашему отстранению от власти. Вы даже не успеете начать свои реформы, а уже получите либо пулю от снайпера, либо яд в бокал.

От этих слов Император вначале растерялся, но быстро пришёл в себя.

— Но вы-то сам, Кейзо, надеюсь, со мной? — с усмешкой спросил он.

— Я — да, но что это меняет? Шлёпнут нас обоих.

— Не посмеют!

— Может быть, и не посмеют. Может, просто арестуют, изолируют до конца дней, вернут на трон Агана, предварительно продиктовав ему условия его освобождения. И всё опять вернётся на круги своя.

— Я постараюсь их опередить.

— Хорошо, допустим, недовольных Вы укротите, — Максим смотрел прямо в глаза Дженсу. — Что дальше?

Собеседник молчал, и тогда Максим продолжил:

— Собственно, я вижу лишь два пути развития страны: регрессивный и прогрессивный. При первом — "Кровь Богов" можно использовать для производства предметов потребления, чтобы каждый житель страны мог бесплатно получить всё, что ему необходимо для жизни. Телевизоры там, холодильники и прочие автомобили. Всё у всех есть и все довольны. Но такая схема может работать лишь определённое время. Сколько, я не знаю.

— Почему?

— Сейчас у нас есть "Кровь Богов", при помощи которой можно производить всё что угодно. Но она может закончиться рано или поздно, ведь всё в нашем мире имеет своё начало и, соответственно, конец. И это означает, что по такому рискованному пути двигаться не стоит, а стало быть, наш путь другой — прогрессивный.

— И в чём он, по-вашему?

— Прежде всего, нужно создавать станки, механизмы, машины, способные производить предметы потребления и воспроизводить себя. Нужны чертежи.

— Чертежи есть, — перебил его Дженс. — Там даже огромная техническая библиотека, которая находится в идеальном состоянии. Захватили как-то во время одного из предыдущих рейдов.

— Но есть и другая составляющая всего этого процесса, — Максим поднял вверх указательный палец. — Я имею в виду людей, которые должны работать на всех этих станках и механизмах. И вот тут возникает проблема: прежде чем начать трудиться, они должны обучиться и в совершенстве знать своё дело. Но кто ж их всему этому научит? Насколько я знаю, подобных преподавателей у нас просто нет.

— М-да, точно, проблема! — Император задумчиво отпил из чашки. — На полное осуществление задуманного, может статься, и нашей жизни не хватит. В чём-то вы убедили меня, и я теперь нахожусь в полной растерянности. Даже сомнения появились — стоит ли начинать новое дело, или оставить всё как есть. Может статься, на наш век хватит, а там пусть другие расхлёбывают. Ладно, считаю наш разговор незаконченным, но дальше уже думать ни о чём серьёзном не могу. Устал я после вашей баньки и хочу спать, прямо-таки зверски.

Император встал с дивана и сладко потянулся.

— А париться мне понравилось, нужно будет и у себя баньку поставить, — сказал он и во весь рот зевнул. — Всё, показывайте мою спальню.

Глава 17

Максим сошёл с нуль-платформы и направился к дремавшему дежурному.

— Кончай ночевать, начальство давай! — протрубил он на ухо молоденькому пареньку.

— А, что!? — вскинулся тот и, увидев знакомое лицо, успокоился.

— Извините, сморило, — начал было оправдываться он, но Максим его перебил:

— Я говорю, начальство давай! — гаркнул он. — Время дорого!

Дежурный тут же бросился по коридору исполнять просьбу, прозвучавшую как приказ.

Спустя минуту он вернулся в сопровождении заспанного Сикорски. Видно было, что тот торопился, даже халат на нём был застёгнут не на нужные пуговицы.

— Молодец, что ты сейчас заглянул к нам, — скороговоркой заговорил резидент, нежно беря Максима под локоток и увлекая его в отдельную комнату. — Пойдём, нам нужно обсудить нечто важное.

Они расположились в уютном кабинете — Сикорски в рабочем кресле, Максим на диване.

— Спасибо, Мак, за сегодняшнюю работу! — начал Рудольф. — Хотя, с другой стороны, то эротическое шоу, которое вы устроили со своим Императором, вогнало в краску всех наших девиц. Как он там себя чувствует после баньки?

— Как и положено в таких случаях, дрыхнет без задних ног, — ответил Максим, понимая, что речь идёт о Дженсе. — К тому же в чай было

добавлено хорошее снотворное. А что такое? Я вижу, вы тут уже начали вынашивать коварные замыслы.

— Есть такое дело, — хитро усмехнулся Сикорски и начал перебирать на столе кусочки картона. — А что там... Дежурный!

В дверях мгновенно появился паренёк.

— Ну-ка, братец, одна нога здесь, другая там. Тащи сюда Кузьмина. Он на втором этаже, в двадцать четвёртой. Быстро!

Пока дежурный бегал, Сикорски щёлкнул клавишей на столе, и на экране визора замелькали картины банных процедур. Камера-перстень передала изображение настолько качественно, что можно было смело пересчитать все родинки на теле Дженса.

Наконец из коридора донёсся топот шагов, и на пороге комнаты, тяжело дыша, появился... Максим не верил своим глазам. Перед ними, одетый в линялую футболку и помятые шорты, стоял Их Величество Дженс, собственной персоной. Сходство было просто поразительным.

— Ну, каково! — довольный произведённым эффектом, улыбнулся Сикорски. — Знакомься, это Вася Кузьмин, которому предстоит сыграть роль Императора.

— Хорош! — восхищённо воскликнул Максим, пожимая руку, протянутую ему лже-Дженсом. — Очень похож.

— Да, нам здорово помогло переданное тобой ещё раньше изображение, — откликнулся Сикорски. — И всё же поработать с Василием ещё придётся. Во-первых, нужно правильно подобрать тембр голоса — у Василия он не такой тонкий, как у эталона. Потом нужно тщательно проверить каждый миллиметр кожи, скопировать татуировку и, наконец, перенести сознание Императора.

— А может, не стоит? — с сомнением сказал Максим. — Вы же слышали наш сегодняшний разговор. Как-никак, у Императора серьёзные намерения. Может, дадим ему шанс самому заниматься страной.

— Нет, думаю, его нужно всё же заменить, иначе с его упрямством он может наломать таких дров, что потом не обрадуешься.

— Но...

— Никаких “но”! Я сказал, пусть лучше поработает наш человек. Так будет проще и без неприятных сюрпризов. Всё, Максим, я так решил, и это сейчас не обсуждается. Сможем мы его прямо сейчас перебросить к нам?

— В принципе, да. Перед дверями в спальню дежурят телохранители, но туда можно попасть и из подземного хода. Главное, чтобы не зашуметь. А сколько нужно времени на подготовку двойника? Придётся ведь перебрасывать Дженса на Землю к Комарницкому.

— Вовсе нет. Комарницкий усовершенствовал свою методику, и теперь процесс перегонки сознания занимает всего несколько минут, а произвести всё это можно прямо у нас. Аппаратура уже готова и настроена. А насчёт Дженса ты не беспокойся. Он поживёт на Земле, подучится... За ним присмотрят надёжные люди, которые покажут как можно и нужно жить. В принципе, он парень неплохой, мне понравился. Думаю, мы сможем его перековать и позднее вернуть на Острова. Пусть станет первым просвещённым монархом.

— Хорошо, с ним всё ясно, — Максим сделал паузу, а потом продолжил, — а как быть со мной?

— А что с тобой? — Сикорски сделал вид, что не понимает о чём речь.

— Меня вы не хотите заменить? Задание я выполнил, пора бы уже и в отпуск.

— Понимаешь...

— Да, я всё понимаю, — начал закипать Максим. — Но я чёрт его знает сколько времени не видел жены, у меня сын родился, но и его не видел!

— Мак, пойми, — терпеливо перебил его Сикорски, — Васе без тебя на первых порах будет очень сложно. Пока всё наладится... Ну давай, родной, хотя бы ещё пару-тройку месяцев.

— Массаракш! — по давней привычке ругнулся Максим. — Всё у вас через... ж-ж-жертвоприношение!

— А Раду ты даже сегодня сможешь повидать, — радостно сообщил Сикорски.

— Как так!?

— Я ведь как чувствовал, — продолжал Сикорски. — Попросил её прилететь к нам. Она сейчас на Спутнике. Ей здесь оказаться — плёвое дело.

— Она одна?

— Да, конечно, одна. Ребёнок ещё мал, и она не стала брать его с собой. Там сейчас твои родители им занимаются. Рады — до безумия! Так что давай, дуй обратно, перегоняй Императора, а потом встретишься со своей Радой. До утра ещё времени много.

— Ладно, раз такой расклад, я пошёл, — согласно кивнул Максим.

Вместе они вышли из комнаты и направились к нуль-Т платформе. Сикорски семенил рядом и пытался что-то внушить насчёт осторожности и ещё раз осторожности. Максим же, пропуская его слова сквозь уши, думал совсем о другом. Например, о том, уместятся ли они вдвоём с Дженсом на одном блюде. В принципе, оно достаточно большое, и если обнять Императора, прижаться к нему поплотнее, то всё должно пройти как надо.

— А не повлияет ли наш общий вес на грузоподъёмность платформы? — неожиданно спросил он.

Сикорски вначале не понял, а потом хихикнул.

— Никак не повлияет, — ответил он. — Это же не самолёт. Там — да, лишку нагрузил — и уже не взлетишь. Нуль-Т — совсем другое дело. Здесь масса не играет роли. На одном конце вы превращаетесь в кванты энергии, а на другом — вас обратно собирают из этих "кирпичиков". И всё.

— Успокоили... — буркнул Максим, ступая на платформу.

Мгновенная вспышка света, и вот он уже в своей спальне. Вокруг всё было настолько тихо, что казалось, малейший шорох может прозвучать как громовые раскаты.

Максим сошёл с блюда, подкрался к двери, осторожно отодвинул щеколду. В коридор он вышел босиком и с замиранием сердца двинулся к гостевой спальне. Выглянув из-за угла, он увидел двух телохранителей Дженса, которые сидели на стульях и отчаянно боролись со сном. У одного голова откинулась назад, а из приоткрытого рта раздавались весьма характерные звуки. Другой охранник ещё пытался держаться, но по всему было видно, что совсем скоро сон одержит победу.

Максим вернулся к себе, осторожно, дабы не произвести даже малейшего шума, закрыл дверь. В полной темноте он снял с кровати пушистое покрывало и только приготовился укутать в него своё нуль-Т блюдо, как внезапно вспыхнул свет ночной лампы, направленный ему в лицо, и который

словно бритвой резанул по глазам. Лишь через несколько секунд он увидел того, кто нажал выключатель. Перед ним, ехидно ухмыляясь, стоял не кто иной, как истинный хозяин замка Кейзо, настоящий барон Турренсок, собственной персоной. В руке он держал пистолет с глушителем, а ствол его был направлен прямёхонько в лоб Максима.

— Что, не ожидал? — зловеще прошипел он. — А я вот решил зайти к себе в гости, да и самозванца заодно проведать. Ты как, не против?

Ошеломлённый Максим молчал. Между ним и Турренсоком было три метра. Можно было попробовать изловчиться и, запустив в противника тяжёлое блюдо, одновременно прыгнуть, сбить с ног. Нет, далеко, не успеть, неплохо тренированный барон успеет выстрелить первым. А тот, словно прочитав мысли землянина, коротко скомандовал:

— Блюдо — на пол! Только тихо, и без разных там фокусов, иначе — стреляю!

Максим был вынужден подчиниться.

— Теперь отойди на три шага и сядь на пол, — продолжал командовать Турренсок. — Всё, достаточно. И руки за голову. Где мы находимся?

"Ба, да ведь он не узнаёт свою собственную комнату после реставрации, — понял Максим. — Не понимает, что именно он сейчас хозяин ситуации. Что ж, нужно потянуть время, постараться поймать его на утрате бдительности, а там, возможно, взять верх в короткой схватке".

Но тянуть время не понадобилось. Турренсок прошёл чуть вперёд к своему сопернику, и блюдо оказалось за его спиной. В тот же миг от импровизированной нуль-Т платформы до самого потолка вырос цилиндр молочно-белого цвета, внутри которого Максим увидел… Раду.

Он решительно ничего не понимал, равно как и Турренсок, который моментально среагировал на короткую вспышку и резко развернулся. Не растерялась лишь Рада, которая, ещё стоя на платформе, толкнула барона в грудь. Удар получился коротким и резким. Не ожидавший его Турренсок потерял равновесие и начал падать на спину. Для Максима, смотревшего на эту сцену со стороны, время внезапно замедлилось. Он отчётливо видел, как голова барона опускается всё ниже и ниже, ударяется об угол кровати, а из рассечённой раны появляются капли крови. Но одновременно с этим Максим услышал негромкий хлопок выстрела. Рада, зажав рот рукой, стала медленно опускаться на колени, а на её белой блузке появилось и начало расплываться красное пятно.

И вот тут растянутое, словно желе, время вернулось к своему обычному ходу. Вновь над блюдом вырос молочно-белый столб, и из него один за другим выскочили два человека. Не тратя слов на объяснения, один из них подхватил почти упавшую Раду, крепко её обнял и, вернувшись на платформу, исчез. Следом второй проделал ту же самую комбинацию с Турренсоком. Прошло лишь несколько секунд, а Максим, всё ещё сидевший на полу, был снова в комнате один.

Из ступора его вывели чьи-то осторожные шаги в коридоре и тихий стук в дверь. Нужно было открывать, чтобы как-то объяснить встревоженным телохранителям Императора причину странного шума.

На ходу выключив горевший ночник, задвинув под кровать валявшееся на полу блюдо, Максим сорвал с себя одежду, подошёл к двери и распахнул её.

— Что такое? — спросил он у охранника, широко зевая.

— Извините, господин барон, но с вашей стороны раздался подозрительный хлопок, как будто кто-то стрелял, — произнёс телохранитель, при этом норовя что-то рассмотреть в темноте комнаты. Только бы он не почуял запах пороховой гари. Впрочем, окно в комнате было открытым, и сквозняк должен был ликвидировать запах.

— А, пустое! — предельно равнодушно отозвался Максим. — Хотел посмотреть который час, включил ночник, а лампочка возьми да и лопни. Такая дрянь, я тебе скажу, эти лампочки! Только купили, а она взяла да и лопнула!

— Так, значит, у вас всё в порядке? — на всякий случай ещё раз спросил телохранитель.

— Конечно, братец, — через силу улыбнулся Максим. — Некому тут стрелять, да и не в кого. Иди спокойно на свой пост.

Лишь закрыв дверь, он понял, что едва не провалился. Но мысль о возможном разоблачении тут же отошла на задний план, а заслонила её другая. Рада ранена, возможно, очень опасно, и сейчас только от его решительности зависит то, как быстро он сможет быть с ней рядом.

Максим перевёл дух и продолжил сборы, прерванные нежданным появлением Турренсока. Лишь пройдя сквозь потайную дверь, ведущую в подземелье, он задал себе вопрос о том, как барон вообще мог появиться в спальне. Единственная догадка, которая всё логично объясняла, заключалась в том, что ему каким-то образом удалось обмануть своих земных стражей, попасть на летевший к Саракшу корабль, а на станции воспользоваться нуль-Т. Но раздумывать над тем, верно ли это предположение, или же дело обстояло как-то иначе, было некогда — Максим подошёл к той потайной двери, что вела в спальню Императора.

Она бесшумно ушла в стену. В комнате тускло горел ночник, освещая лицо безмятежно посапывающего Дженса. Он спал, подтянув ноги к самому подбородку так, что кроме него на широченной кровати можно было смело уложить ещё с полдюжины людей.

Максим на цыпочках пересёк спальню, остановился, несколько секунд стоял не шевелясь, затем опустил на ворсистый ковёр блюдо нуль-Т и достал из кармана баллончик с усыпляющим газом. Задержав дыхание, он коротко надавил на кнопку, пустив струю в сторону Дженса. Постоял ещё несколько секунд. Сердце в груди колотилось так, что казалось, могло разбудить даже мёртвого. Но Император даже не пошевельнулся и только перестал сопеть. Всё, пора транспортировать его на базу и спешить к раненой Раде.

Максим взялся за ноги Дженса, подсунул одну руку ему под колени, другую под плечи, дёрнул тело на себя, но, странное дело, даже не смог приподнять его хотя бы на сантиметр. Максим сделал ещё одну попытку, но с тем же успехом. Ничего не понимая, он выпрямился, встряхнул головой, стараясь отогнать наваждение, и ещё раз попробовал поднять Дженса. И на это раз у него ничего не получилось: человек, весящий никак не более семидесяти килограммов, словно превратился в свинцовую статую.

— Что, не получается? — вдруг прозвучал чей-то тихий голос.

Максим ошеломлённо крутанул головой, стараясь увидеть говорившего, но так никого и не увидел.

— Не старайся, у тебя всё равно ничего не выйдет. Подожди, я сейчас тебе помогу, — вновь заговорил голос, и теперь Максим понял, что слышит его не ушами, а лишь воспринимает сознанием.

В то же мгновение прямо из спящего Дженса начал подниматься ещё один человек. Секунда, и вот рядом с кроватью стоит призрачная фигура.

Максим решительно отказывался что-либо понимать, а лишь во все глаза смотрел на незнакомца. Даже лёгкая сутулость не могла скрыть его гигантский, за два метра, рост, но не это обстоятельство поразило Максима. Лицо фантома напоминало фарфоровую маску. Такое же белое и блестящее, как будто покрытое глазурью, неподвижное, оно словно принадлежало статуе. Длинная, доходящая до пола серая хламида скрывала тело незнакомца, и невозможно было с уверенностью сказать, есть ли у него руки и ноги, или же одежды наброшены на проволочный каркас.

Мысли в голове Максима путались, но как бы предваряя самый первый возможный вопрос, фарфоровый человек "произнёс":

— Я один из тех, кого местные жители считают богами, а вы, земляне, называете "странниками". Ты нравишься мне, Максим, и я готов с тобой поговорить, но только не здесь. Хочешь, покажу тебе нашу базу, а заодно отвечу на все твои вопросы.

Максим, не в силах произнести даже слова, лишь шумно сглотнул слюну и утвердительно кивнул в знак согласия. В следующее же мгновение он очутился в огромном пустом зале, стены которого излучали мягкий желтоватый свет. Странник находился рядом. Он чуть повёл головой, и неведомо откуда появились два кресла. Это можно было расценивать как приглашение располагаться. Максим так и поступил, утонув в удобном, облегающем тело материале. Странник устроился в другом кресле, сделав это вполне по-человечески, и снова "заговорил":

— Ты можешь не задавать вопросы, потому что я ясно читаю их в твоей голове. У нас не так много времени, так что я ограничусь лишь самой общей информацией, а если успею, добавлю некоторые детали. Прежде всего, о главном: вы правильно определили, что мы древнейшая цивилизация во Вселенной, которая сохранилась от предыдущего цикла творения. Своей планеты, которую можно назвать нашей Родиной, мы не имеем. Нас очень много и нам дарованы не только бессмертие, но и возможность мгновенно переноситься в любую точку пространства и времени. Но мы не всемогущи. Над нами нависает некая сила, которую можно назвать Мироздание. Именно оно руководит всем, что происходит, а нас избрало проводниками своих идей, контролирующими ход грандиознейшего по своему замыслу Эксперимента. В чём его суть, какие цели он преследует, нам неведомо. Мы являемся лишь слугами, выполняя данные свыше приказы. Именно наша цивилизация осуществила так называемый "посев", заселив множество планет разумными существами. Не везде они имеют человеческий облик, но в целом ряде мест гуманоиды идентичны землянам. После этого мы осуществляли контроль, наблюдая за развитием своих детей, а когда поступал соответствующий приказ, корректировали его ход. К примеру, в своё время на Земле наше вмешательство помогло предотвратить атомную войну. А на Саракше нам приказали вмешаться лишь после того, когда конфликт едва не привёл к гибели планеты. Почему именно так, не знаю. Это Эксперимент, в котором мы выполняем роль инструментов, своеобразных колб, пробирок, реактивов и катализаторов, хотя повсюду, где мы контактировали с разумными существами, нас принимали за богов. Сейчас нам приказано покинуть Саракш. Почему? Я опять же не могу ответить на этот вопрос. Возможно, Мироздание желает дать шанс проявить себя вам, землянам, а в

будущем сделать нашими преемниками. Лично мне ваша энергичность очень импонирует. Конкретно с тобой было легко работать.

Последняя фраза заставила Максима довольно усмехнуться.

— Кстати, — продолжил Странник, — что касается Дженса, то нет особого смысла подменять его. Моё сознание ушло из него, но я уже внедрил в него сущность вашего Василия Кузьмина. Это в моих силах. Так проще, да и вам мороки меньше. А вот станки и оборудование вам придётся завозить с Земли самим, или же наладить производство на месте. Наша "фабрика" прекратит работу сразу после моего ухода. Ну вот и всё, пора.

Он поднялся, и Максим увидел, как в складках одежды промелькнула кисть руки. Вполне обыкновенная, человеческая рука, о пяти пальцах, но только очень худая и такая же фарфорово-белая, как и лицо.

— Сейчас ты окажешься в спальне Дженса, — предупредил Странник. — Не забудь забрать оттуда свою нуль-Т платформу. И ещё. Весь наш разговор тебе не удастся вспомнить, но самое основное останется навсегда. Удачи тебе!

Странник двинулся к янтарной стене зала. Дойдя до неё, серая фигура на мгновение остановилась. Странник обернулся, кивнул головой, словно прощался, и исчез. Свет в зале вдруг ярко вспыхнул, и Максим очутился в спальне Дженса. Он, словно находясь во сне, подобрал с ковра блюдо и побрёл к ведущей в подземелье дверце…

***

— А что было дальше? — спросила Рада, нежно щекоча травинкой лицо Максима.

Они валялись на травке рядом с домом, подставляя ласковому солнцу уже неплохо подзагоревшие тела.

— А дальше я передал весь наш разговор Сикорски, — не открывая глаз, ответил Максим. — Ты бы видела, как он выглядел в тот момент. Синий-синий, аж зелёный… Ещё бы, столько лет гоняться за "странниками", даже получить соответствующее прозвище, а как дошло до контакта с ними, так они выбрали меня, а не его. Вот так…

— А что будет дальше? — опять спросила Рада.

— Судя по всему, твою родную планету намерены кардинально преобразовать, и всё начнётся с Островной Империи. Дженс и так не знает, куда девать энергию, а тут ещё получил такой генератор, как Вася Кузьмин. У этой парочки дело пойдёт на лад.

— А ты туда вернёшься? — в голосе Рады ясно слышались тревожные нотки.

— Пока не знаю, — перевернувшись на живот, отозвался Максим. — Пока я в отпуске. Целых два месяца — я твой. А потом Сикорски предлагает мне место в своём ведомстве. Посмотрим…

Он вскочил на ноги, прошёлся колесом и снова упал перед восхищённой Радой.

— Всё, мать, хватит трепаться, пошли Гая поднимать! — воскликнул он, заключая супругу в объятия. — Что-то наш малыш сегодня заспался.

— Кстати о малышах… — прошептала Рада, приблизившись к уху мужа. — Я прямо-таки мечтаю, чтобы у Гая появился братик.

— А почему не сестрёнка? — строго спросил Максим и, подхватив Раду на руки, понёс её к дому.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
www.niva.ucoz.kz
E-mail: gundarev@hotbox.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**
Корректор **Ю. В. Богданова.**
Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**
Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:
ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте №3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27. 01. 2003 г.
Сдано в набор 06. 05. 2011 г.
Подписано к печати 02. 06. 2011 г. Формат 70 х 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 2810.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.